

WARHAMMER
40,000

Лев

Сын Аеса

Майк Брукс

WARHAMMER
40,000

Лев

Сын Аеса
Майк Брукс

ЧИТАЙТЕ ТАКЖЕ ДРУГИЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ О ЛЬВЕ
ЭЛЬ'ДЖОНСОНЕ И ТЁМНЫХ АНГЕЛАХ

Ересь Хоруса

Митчелл Сканлон

«Сошествие Ангелов»

Майк Ли

«Падшие Ангелы»

«Лев»

(из антологии «ПРИМАРХИ»)

Дэн Абнетт

«Забытая Империя»

Гэв Торп

«Ангелы Калибана»

Дэвид Аннандейл

«Гибельный шторм»

Ересь Хоруса. Примархи

Дэвид Гаймер

«Лев Эль'Джонсон. Повелитель Первого»

Ересь Хоруса. Персоналии

Гэв Торп

«Лютер. Первый из Падших»

Легенды Космического Десанта

Гэв Торп

«Азраил»

Дев: Сын Аеса

Майк Брукс

DesperadoPhobosGroup по заказу группы
«Дети 41-го тысячелетия»
2023

Гэву за всю помощь в те дни, когда я только делал первые шаги в Black Library

Mike Brooks
The Lion: Son of the Forest

Литературно-художественное издание

DesperadoPhobosGroup по заказу группы «[Дети 41-го тысячелетия](#)», 2023

Переходите по ссылке в группу, чтобы приобрести эту и другие книги в печатном виде и поддержать бесплатный выпуск электронных версий.

Иллюстрация на обложке **Пола Дейнтона**

Перевод выполнил **Сергей Alkenex Красник**

Литературный редактор **Георгий Воронов**

Корректоры **Татьяна Сулова, Ирина Сеницына**

Технические редакторы **Urbasian, Ejiarch**

Вот уже более ста веков Император неподвижно восседает на Золотом Троне Земли. Он — Повелитель Человечества. Благодаря мощи его несметных армий миллион миров противостоит тьме. Однако сам он — гниющий полутруп, разлагающийся властелин Империи. Жизнь в нём продлевают чудеса из Тёмной эры технологий, и каждый день ему в жертву приносят по тысяче душ.

Быть человеком в такие времена — значит быть одним из бесчисленных миллиардов. Жить при самом жестоком и кровавом режиме, какой только можно вообразить, посреди вечных битв и кровопролития. Слышать, как крики боли и стенания заглушаются алчным смехом тёмных божеств.

Это беспросветная и ужасная эпоха, где вы найдёте мало утешения или надежды. Забудьте о силе технологий и науке. Забудьте о предсказанном прогрессе и развитии. Забудьте о человечности и сострадании. Нет мира среди звёзд, ибо во мраке далёкого будущего есть только война.

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Примархи

ЛЕВ ЭЛЬ'ДЖОНСОН — Лев, примарх Тёмных Ангелов

Тёмные Ангелы

ЗАБРИИЛ — бывший разрушитель, защитник Камарта, Падший

КАЙ — Падший

АФКАР — Падший

ЛОХОК — Красный Шёпот, Падший

БОРЗ — Одноглазый, капитан «*Острия чести*», Падший

ЛАНСИИЛ — командир объединённых сил Тревенума-Гамма, Падший

ГАЛАД — командир объединённых сил Тревенума-Гамма, Падший

БЕВЕДАН — бывший библиарий, Падший

ГУЭЙН — капитан станции «Эхо», Падший

ЭКТОРАИЛ — техnodесантник, член экипажа станции «Эхо», Падший

КУЗИИЛ — член экипажа станции «Эхо», Падший

ЛАМОР — член экипажа станции «Эхо», Падший

АСБИИЛ — аптекарь, член экипажа станции «Эхо», Падший

БРОЙНАН — Падший

МЕРИАНТ — член экипажа станции «Эхо», Падший

КАДАРАН — Падший

ПЕРЗИИЛ — Падший

РУФАРИЛ — Падший

Десять Тысяч Глаз

СЕРАФАКС — лорд-чернокнижник, Падший

БАЭЛОР — Самозванец, Падший

МАРКОГ — командующий Скорбной Гвардией

ДИМОРА — кантикаллакс Нового Механикума на «*Оке злобы*»

УРИНЗ — архираптор

ВАРКАН — Красный, бывший Пожиратель Миров

ДЖАЙ'ТАНА — Неисповедовавшийся, апостол

КРР'САТЗ — надзиратель за астропатами на борту *«Клинка истины»*, зверолоуд

Люди

СУТИК — мужчина с Камарта

ИЛИН — мужчина с Камарта

БИБА — ребёнок с Камарта

ВАЛДАКС — техножрец с Камарта

М'КИА — женщина с Камарта, глава Львиной Гвардии

ДЖОВАН — мужчина с Камарта

ИНДА — капрал оборонительных сил Авалуса

СИНА АП НА ХАРАДЖ — маршал оборонительных сил Авалуса, временно исполняющая должность планетарного губернатора

ШАВАР — провидец с Авалуса

ТОРРАЛ ДЕРРИГАН — адмирал оборонительного флота Авалуса, командир корабля *«Лунный рыцарь»*

РАУЛИН — капитан оборонительного флота Тревенума-Гамма

МОНТАРАТ — капитан *«Пакс Фортитудинис»*, оборонительный флот Авалуса

Кровавые Ангелы

ЛУИС ДАНТЕ — командор Кровавых Ангелов

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ПРОБУЖДЕНИЕ

I

Река выводит песню серебристым голосом, и в её нескончаемом хаотичном журчании как будто струится невероятно сложная мелодия, столь дразнящая и самую чуточку недостижимая для слушающего. Он мог бы провести целую вечность, пытаясь уловить её суть, но, даже если бы не преуспел, всё равно не счёл бы, что зря потратил время. Звук воды, омывающей камни, взаимодействие энергии и материи вместе порождают негромкую симфонию, которая одновременно и непримечательна, и бесподобна. Он не знает, сколько уже находится здесь, он просто слушает.

А ещё он понимает, что не знает, где это — «здесь».

Слушающий начинает осознавать себя постепенно, словно спящий, который поднимается из самых глубоких и тёмных недр дремоты, пробирается через мелководье полузабытья, где свиваются круговороты смятённых мыслей, и наконец выходит к свету. Сначала появляется осознание того, что он — не песнь реки, что он, по сути, отделён от неё и просто внимает музыке. Потом его настигает озарение, и он понимает, что сидит на берегу. Если здесь и есть солнце или даже несколько, то он не видит их за ветвями над головой и густой завесой тумана, но всё же тут достаточно светло, чтобы осмотреться вокруг.

Деревья огромны и могучи, их толстые стволы не обхватить ни одному, ни двум, ни даже, возможно, полудюжине людей, взявшихся за руки. Их грубая кора истрескалась так, что великаны покрыты пятнами теней, словно камуфляжной раскраской. За место под их ветвями борются живучие кустарники: жёсткие, спутанные и колючие, они жестоко теснят друг друга в борьбе за пространство и свет, словно брошенные без внимания дети под ногами у взрослых. Почва, на которой они растут, темна и плодородна, а когда слушающий погружает в неё пальцы, от неё тянет жизнью, смертью и много чем ещё. Запах ему знаком, но он не может понять, откуда и почему.

Пробив пальцами землю, он понимает, что его кисти защищены бронёй, как и всё тело. Он заключён в огромный доспех, чёрный с едва заметным оттенком тёмно-зелёного, и это чувство ему тоже знакомо. Латы ощущаются его неотъемлемой частью — продолжением тела, столь же естественным, как и панцирь любого из ракообразных, которые могут таиться в норках на дне реки перед ним. Подавшись вперёд, он всматривается в спокойную воду у берега, что укрыта от основного потока скоплением камней сразу выше по течению. Речная гладь, как во сне, превращается в почти безупречно ровную зеркальную поверхность.

Слушающий не узнаёт лица, что взирает на него из воды. Оно исчерчено глубокими морщинами, словно целый мир тревог и забот омыл его наподобие реки, и тот поток испещрил кожу отметинами. У него светлые волосы с отдельными белокурыми прядями, но в остальном шевелюра выцвела до седины и белизны. Нижняя часть лица скрыта густой нестриженной бородой с усами, и виден лишь рот, недоверчиво искривлённый, чьи уголки скорее опустятся вниз в гримасе неодобрения, чем поднимутся вверх, изгибая губы в улыбке.

Он поднимает к лицу руку, пальцы которой перепачканы в земле. Отражение делает то же самое. Лицо определённо принадлежит ему, но эти черты не пробуждают ни малейших воспоминаний. Слушающий не знает, кто он такой, и не представляет, где находится, каким бы знакомым ни казалось всё вокруг.

А если так, оставаться здесь, похоже, незачем.

Слушающий поднимается на ноги, но затем колеблется. Он не может объяснить себе, зачем нужно куда-то идти, ведь песнь реки столь прекрасна. И всё же осознание того, как мало ему известно, затронуло что-то внутри него — пробудило голод, неведомый прежде. Он не успокоится, пока не найдёт ответы.

Но песня реки по-прежнему манит его. Тогда он решает идти вдоль берега, следуя за водным потоком и слушая музыку по пути. Он всё равно не знает, где находится, поэтому неважно, какое направление выбрать.

На берегу, совсем рядом с тем местом, где он сидел, лежит шлем, окрашенный так же, как и прочие латы. В области рта видны вертикальные щели, чем-то похожие на амбразуры в стене. Он поднимает шлем и закрепляет на поясе движением, которое кажется инстинктивным.

Он не знает, как долго шагает. Время, конечно же, движется, и одно мгновение незаметно перетекает в другое. Он помнит каждый прошедший миг и предполагает, что за ними придут следующие, но их смену ничем не отметить. Свет не усиливается и не тускнеет: он всё такой же, почти что призрачный, рассеянный повсюду, однако не имеющий явного источника.

Вокруг ползут тени, но нет ни намёка на то, что их отбрасывает. Идущий невозмутим. Он видит сквозь тени, точно так же, как чувствует запах листвы и слышит реку. В ветвях не шелестит ветер, ибо воздух неподвижен, но ещё он влажен, и до идущего доносятся едва слышный вой и характерные вопли каких-то животных вдалеке.

Русло реки становится шире и ровнее. Миновав её изгиб, идущий ошеломлённо замирает.

На противоположном берегу стоит какое-то здание.

Оно сложено из тёсаного и отделанного камня сине-серого цвета с более светлыми, ярко поблёскивающими крапинками. Строение не гигантское, так как окружающие деревья возвышаются над ним, но оно прочное. Похоже, какой-то замок — крепость, призванная удерживать нежеланных гостей снаружи и защищать людей или богатства, которые находятся внутри. Её нельзя назвать ни новой и нетронутой, ни древней и повидавшей виды. Кажется, что она всегда стояла здесь и всегда будет.

На спокойной и широкой реке перед замком виднеется лодка.

Она маленькая, деревянная и некрашеная. Места в ней хватает для одного человека, и действительно, там кто-то сидит. Идущий способен рассмотреть его даже на таком расстоянии. Человек стар, но не в том аспекте, что отразился на чертах самого слушающего. Время не избородило лицо сидящего в лодке морщинами, а истерзало его облик. Запавшие щёки, исхудалые руки и ноги, пепельно-бурая кожа, прежде явно обладавшая насыщенным каштановым цветом, длинные безжизненные волосы, тускло-серые и спутанные... Тем не менее на седой голове возлежит корона. Да, это просто золотой обруч, но всё равно венец.

В ослабевших руках с опухшими суставами пальцев человек держит удочку. Леска уже заброшена в воду.

Ссутулившись, словно от боли, маленький древний старец сидит в маленькой простой лодке.

Идущий не тратит время на раздумья о том, зачем королю так рыбачить^[1]. Ему известен глубинный смысл подобных образов, хотя он не понимает, откуда пришло знание, но это его не беспокоит. Перед ним наконец возник кто-то, у кого могут найтись ответы.

— Приветствую! — зовёт он.

У него сильный, звучный и густой голос, хотя и слегка грубоватый — то ли из-за возраста, то ли от долгого бездействия связок, то ли от того и другого вместе. Клич разносится над водой. Старый король в лодке на мгновение зажмуривается, а когда вновь открывает глаза, то смотрит прямо на идущего.

— Что это за место? — требовательно спрашивает тот.

Старый король опять смыкает веки, а затем вновь сосредоточенно взирает на водную гладь. Он почти не уделил идущему внимания, как будто пренебрежительно отстранился.

Идущий понимает, что не привык к тому, чтобы его игнорировали, и что подобное отношение ему не нравится. Он ступает в воду, намереваясь перейти реку вброд, чтобы король уже не смог так просто от него отмахнуться. Течение не беспокоит идущего, ведь его руки и ноги мощны, а на подсознательном уровне он знает, что доспех герметичен. Если же надеть шлем, то удастся дышать даже под водой.

Он успевает сделать всего несколько шагов и зайти в реку по колено, когда вдруг видит в воде тени: они огромны и рыскают вокруг небольшой лодки. Они не клюют на леску, но и не опрокидывают судно, где сидит рыбак. И то и другое обернулось бы катастрофой.

Помимо того, идущий понимает, что рыбак ранен. Он не видит, как именно, однако чувствует, что пахнет кровью. Ноздри щекочет густой медный аромат. Идущий не наслаждается им, но и не находит его отталкивающим. Это просто запах, который можно разобрать и понять. Кровь короля сочится в воду, капля за каплей. Возможно, именно она привлекает тени. А может, они всё равно бы приплыли сюда.

Некоторые тени отделяются от группы и направляются к идущему.

Он не из тех, кого легко напугать, но ему не чуждо понятие опасности. Ему неизвестно, что это за тени в воде, но движутся они как хищники.

+Возвращайся на берег.+

Идущий резко оборачивается. На земле стоит маленькая фигурка, закутанная в тёмно-зелёные одеяния, отчего она практически сливается с окружением. Размерами та напоминает ребёнка, однако идущий знает, что перед ним нечто совсем иное.

Это Смотрящий-во-тьме.

+Возвращайся на берег,+ повторяет существо.

Хотя его способ общения едва ли можно назвать речью — нет никаких звуков, идущий просто ощущает, как в его сознание вкладывают смысл слов, — в «голосе» всё равно чувствуется растущая настойчивость. Идущий понимает, что он не из тех, кто уклоняется от брошенного ему вызова, но ему также не хочется игнорировать Смотрящего-во-тьме. Между ними есть некие узы — связь с прошлым, которое он вроде бы обязан помнить.

Идущий бредёт назад и выходит на берег. Приблизившиеся тени какое-то мгновение мешкают, а затем делают круг и возвращаются к королю в

лодке.

+Они уничтожили бы тебя,+ произносит Смотрящий.

Идущий понимает, что тот говорит о тенях. Теперь в его голове возникают дополнительные слои смыслов — ментальный осадок чувств, переданных ему Смотрящим. Среди них таится не только отвращение, но и страх.

— Что это за место? — вопрошает он.

+Дом.+

Идущий ждёт, но объяснений не следует. Более того, ему становится ясно, что ничего и не будет. По мнению Смотрящего, он уже изложил не просто все необходимые сведения, а вообще все, какие только способен дать.

Взгляд идущего устремляется к королю. Сгорбленный старик так и сидит с удочкой в руках, пока из его ран по капле вытекает кровь.

— Почему он игнорирует меня?

+Ты ещё не задал верный вопрос.+

Идущий оглядывается. Тени до сих пор в воде, поэтому глупо даже пробовать пересечь реку. Однако он не видел здесь ни мостов, ни других лодок. У него нет инструментов, чтобы построить судно из деревьев вокруг, да и нужные знания с трудом приходят в голову. Он, в отличие от некоторых его братьев, не наделён талантом к созиданию...

Его братья. Кто они?

Перед мысленным взором мелькают силуэты, неустойчивые, как дым в бурю. Он не может уцепиться за фигуры, чтобы вылепить из них нечто осмысленное, что-то такое, на чём сосредоточилось бы его сознание, тянущееся к ним. Покой, дарованный песнью реки, исчез, сменившись неуверенностью и разочарованием. Так или иначе, идущий больше не вернётся к прежнему состоянию. Он не из тех, кто осознанно принимает неведение.

Идущий мельком замечает что-то серое. Оно находится вдалеке, за деревьями, но на его берегу реки. Отвернувшись от потока, он идёт туда. Ему знакома песня воды, поэтому он всегда сможет найти её вновь. Идущий пробирается через подлесок. Растительность густая и пышная, но он силён и непоколебим. Он пригибается под колючками, отбивает в стороны усики, которые тянутся ко всему, что проходит мимо, но не ломает веточки, так как их живица настолько едкая, что способна повредить даже его броню.

Идущий не задумывается над тем, откуда ему всё это известно. Смотрящий сказал, что тут его дом.

Само существо не шагает рядом с ним, но снова и снова появляется неподалёку, выступая с рубежа теней. Оно молчит и заговаривает вновь лишь после того, как идущий, пробравшись через заросли колючего кустарника, наконец получает возможность хорошенько разглядеть то, что мельком увидел ещё от реки.

Перед ним строение — или, по крайней мере, его крыша. Другие части здания отсюда рассмотреть невозможно. Взгляду открывается свод из прекрасного серого камня, опирающийся на колонны. Если до этого идущий прокладывал дорогу через лес, то теперь впереди лежит чёткий путь — полоса низкой травы, обрамлённая по бокам кустами и стволами деревьев. Тропа не тянется к строению из светлого камня напрямик, а изгибается, но всё равно понятно, куда она выводит.

+Не иди этим путём,+ предупреждает Смотрящий. +Ты ещё недостаточно силён.+

Идущий смотрит на крошечное создание, едва достающее ему до колен, после чего делает глубокий вдох и поводит плечами под доспехом. Предположительно, если сейчас он стар, то когда-то был молод.

Может, тогда он обладал и большей силой. Так или иначе, сейчас тело не кажется хилым.

+Тебе понадобится иная сила.+

Он суживает глаза.

— Ты предостерегаешь меня от всего, что помогло бы разобраться в моём положении. Что же ты мне предлагаешь?

+Следуй своей природе.+

Идущий вновь делает вдох. Он собирается резко ответить: когда ему отказывают, он испытывает такое же недовольство, как и когда его игнорируют. Однако он медлит и втягивает носом воздух.

Потом принюхивается ещё раз.

Что-то не так.

Его окружают густые и богатые запахи леса, несущие нотки как жизни, так и смерти, но теперь нос улавливает что-то ещё: нечто подспудное и прогорклое, причём не обычный естественный смрад гниения или распада. Нет, это кое-что намного худшее, гораздо более отталкивающее.

«Порча».

Нечто неправильное и искажённое. То, чему здесь не место. То, чего, по сути, вообще не должно существовать.

Идущий знает, что ему нужно делать. Он обязан следовать своей природе.

Охотник ступает вперёд, переходит на бег и устремляется в погоню за добычей.

II

Он мчится плавно, каждый его шаг твёрд и уверен, просчитан с безупречностью. Простая ходьба — дело обыденное, не требующее размышлений, но вот бег пробуждает что-то внутри него. Возникает чувство неотложности, осознание того, что впереди лежит цель, которой охотник стремится достичь. Это наделяет его сосредоточенностью и ясностью мысли. Он не только тоньше ощущает окружающий мир, но и внимательнее относится к собственной осведомлённости. Он осознаёт, что воспринимает лес по-новому: не как однородный ландшафт, а как сочетание особенностей местности. Так, на земле остаются следы, по растениям видно, где через них кто-то прошёл, в тех зарослях может ждать в засаде хищник, а если забрести вон в те, они пожрут тебя сами. Всё это он читает так же просто, как раскрытую книгу.

Здесь его дом, где ничто не укроется от охотника.

Запах, выделяющийся, как фальшивая нота в симфонии, ведёт его вперёд и только усиливается по мере приближения к добыче. Забыт Смотрящий, забыты король в лодке и тени в воде. Он вновь охотится на зверей среди деревьев, прямо как тогда, давным-давно, ещё до...

Ещё до чего?

Охотник замедляется, и на мгновение его сосредоточенность нарушается ещё одной вспышкой того, что даже не назвать воспоминанием, разве только тенью оного. Он не помнит прошлого, но помнит, что существовало нечто, о чём можно вспоминать. Это ощущение одновременно радует и раздражает. Ловчий знает лишь одно — он уже охотился так в прошлом.

Он отгоняет подобные мысли. Память вернётся в своё время, *если* это вообще произойдёт, а сейчас у него есть добыча, которую нужно выследить. Он спешит вперёд, идя на запах порчи.

Охотник не уверен, когда именно лес начал меняться, так как прежде время отсчитывалось лишь дыханием или ударами сердец. Так или иначе, в какой-то момент он осознаёт, что туман развеивается, а у рассеянного света появляется источник, находящийся высоко наверху и слева от ловчего. Он чувствует, как кожу головы греет солнце: оно создаёт густое и влажное тепло, ту разновидность жары, что лезет в горло и угрожает заткнуть дыхательные пути. Деревья тоже изменились. Хотя они всё такие же высокие и массивные, теперь мир вокруг охотника не заполнен тяжёлыми, низко свисающими ветвями. Кроны этих гигантов раскинуты далеко вверху, а на их стволах нет ничего, кроме ползучих растений, стремящихся подняться выше соседей и урвать для себя проблеск света. Воздух словно ожил и полнится стрёкотом насекомых. Охотник больше не слышит песню реки. Остановившись, он снова тянется рукой вниз. На сей раз ловчий загребаёт горсть гниющих листьев, что устилают землю толстым коричневым ковром. Подобная поверхность ещё выдаёт следы тех, кто прошёл по ней, однако уже с меньшей готовностью, чем мягкая почва — настоящий друг следопыта.

Охотник не представляет, где находится, равно как не понимал настоящего, где пребывал до того, однако осознаёт, что попал в другое место. Он уже не дома.

Но запах порчи всё ещё силён — даже насыщеннее, чем раньше. Смерд тащит охотника вперёд, и тот преодолевает новый подлесок из лиловатых папоротников, тянущихся сверху бледных корней, висячих лоз и неведомых ему растений с широкими блестящими листьями, окаймлёнными шипами. Ловчий не ощущает с этим лесом настолько же прочной связи, но он приближается к своей добыче, а когда подойдёт вплотную, то уже не упустит её, что бы его ни окружало.

Впереди что-то движется.

Охотник слышит тихое потрескивание стеблей: это добыча пробирается через чащу. Он начинает составлять в голове образ того, что преследует. Существо явно крупное, поскольку неспособно перемещаться бесшумно. Ещё оно кажется хищником, поскольку, судя по звукам, передвигается так же, как сам ловчий. Оно старается не выдать жертве своего присутствия, а не просто бредёт по своим делам. Охотник чувствует слабый, но при этом резкий запах требухи и гниющего мяса. Вероятно, после того, как зверь покормился чьей-то тушей, остатки пищи застряли у него в зубах или размазались по морде.

Крупный, опасный хищник. Ловчий снимает шлем с пояса и надевает его до странности привычным движением, хотя и не помнит, чтобы делал это прежде.

Шлем со щелчком встаёт на место, герметично соединяясь с бронёй. Мгновенно включаются дисплеи, и перед глазами охотника выводятся подробные данные о резервах мощности доспеха, о температуре окружающей среды, уровне влажности, составе атмосферы и даже о длительности дня в мире, где находится ловчий. Она составляет восемнадцать целых пятьдесят четыре сотых часа, причём расчёт произведён по бесконечно малому сдвигу местной звезды в небесах над головой. Даже не понимая, откуда ему вообще известно, как это делается, охотник движениями век перебирает доступные режимы обзора: обычный, поляризованный, инфракрасный, тепловой в ложных цветах и так далее.

Он оставляет стандартное зрение. Своё применение есть у каждого режима, но сейчас ему не потребуются никакие улучшения. Ловчий открывает воздухозаборники, чтобы чувствовать запахи мира вокруг, и возвращается к охоте. Даже в такой толстой броне он с лёгкостью перемещается бесшумно. Доспех отзывается на его движения интуитивно, словно вторая кожа, и ловчий даже не задерживается, чтобы поразмыслить над этим. Всё происходит так же естественно, как и дыхание.

Втянув воздух, он ощущает смрад добычи. В густом подлеске нет ветра, поэтому охотник почти не беспокоится, что его выдаст собственный запах.

Решив кое-что проверить, ловчий делает ещё один глубокий вдох. Доспех возбуждённо анализирует окружение и выдает детальные сведения по концентрациям молекул и наличию в воздухе феромонов, которые накладываются на изображение, будто призрачно светящиеся следы.

Охотник не ошибся: хищников несколько. Изучив данные, ловчий понимает, что они разделились, уйдя влево и вправо.

Он внимательно осматривает землю, но опавшая листва с прежней непокорностью отказывается выдавать свои тайны. Охотник следует только за двумя хищниками, или зверей больше? Даже его органы чувств, несмотря на всю их остроту, имеют пределы возможностей. Впрочем, нерешительность ему чужда. Выбрав путь, уходящий влево, ловчий движется по нему, соблюдая баланс между скоростью и скрытностью. Если он собирается убить порченное создание, кем бы оно в итоге ни оказалось, ему нужно сразить добычу так быстро, чтобы успеть вернуться тем же путём и отправиться по следу других членов стаи. Он моргает, и система шлема, распознав команду, повышает чувствительность аудиорецепторов. Теперь они вовремя предупредят хозяина, если что-то вдруг решит поохотиться на него, пока он идёт за выбранной добычей.

Охотник не слышит поступи когтистых лап или того, как его окружают мускулистые звери, пробирающиеся через подлесок. До его слуха доносится нечто иное: голоса впереди. Человеческая речь. Не то

потустороннее чувство от общения со Смотрящим-во-тьме, когда смысл «сказанного» неожиданно возникает прямо в голове, а настоящие голоса, прямо как у него самого. Они не тихие, и их обладатели не пытаются скрыть себя. Более того, голоса выдают местоположение своих владельцев любому, кто улавливает их. Уж если охотник в чём-то и уверен, так в том, что у его добычи есть и уши, чтобы услышать людей, и намерение причинить им вред.

Более не стараясь остаться незамеченным, он срывается на быстрый бег и продирается через запутанные заросли кустарников. Охотник перепрыгивает через гигантский ствол упавшего дерева одновременно с тем, как слышит крик и видит чудовищное создание с переливчатой зелёной чешуёй. Существо скачет прямо на сбившихся в кучу людей.

Оттолкнувшись, ловчий несётся над землёй, как стрела в чёрной броне, запущенная сверхчеловеческими мышцами и сухожилиями. Он бьёт зверя коленом в подвздох и чувствует, как от удара трескаются рёбра толщиной с его запястье. Чудовище, застигнутое в полёте, с громким воплем заваливается набок, однако охотник не успевает добить его. В подлеске раздаётся шорох, и ещё два создания появляются за спинами людей.

Путников трое: двое взрослых и один ребёнок. Все они неопрятного вида, одеты в лохмотья. Густая растительность на лицах мужчин выглядит скорее как результат того, что у них нет возможности побриться, а не как культурная особенность или личное предпочтение. Ребёнок ещё в том юном возрасте, когда не так просто определить с виду пол. У него длинные всклокоченные волосы, широко раскрытые глаза и грязное бледное лицо. Охотник подмечает всё это за мгновение, мельком посмотрев мимо них на зверей. Все трое слабы, измотаны и напуганы, так что в схватке от них почти никакого толку. Они скорее застынут в ужасе, чем станут выполнять указания. Сбросив людей со счетов, охотник перескакивает через их головы.

Хищники — совсем другое дело. Все они в холке выше человеческого роста, но на этом сходства заканчиваются. Тот, которого охотник ударил в бок, полностью покрыт чешуйчатой шкурой, но у одного из новоприбывших пурпурно-зелёный мех с прогалинами чешуи, а кожа третьего на многих участках затвердела и превратилась в хитиновый панцирь. Каждая тварь обладает длинными челюстями с рядами острых зубов, однако у одной из них из-под подбородка торчат дополнительные бивни, а другая может похвастаться огромными ребристыми рогами, которые растут над глазами, закручиваясь назад.

Приземляясь, охотник сцепляет пальцы так, что получается один громадный кулак, и наносит прямо меж этих рогов удар колоссальной

силы.

Голова хищника врежется в лесную подстилку с такой скоростью, что тело за ней просто не успевает, поэтому, когда ловчий перекачивается и поворачивается к третьему существу, задняя часть туловища второго ещё продолжает стоять. Последний зверь поворачивает к охотнику морду и открывает зев, но не для вопля, полного ярости или агрессии. Вместо этого из пасти резко, словно хлыст, вырывается длинный мускулистый язык, преодолевает расстояние между ними — около девяти метров или даже больше, — и его кончик засасывает правую кисть охотника с мерзким чмокающим звуком.

От силы толку немного, если у тебя нет опоры. Охотник не успеет поставить ноги нужным образом до того, как язык потащит его к существу, так что он сам бросается вперёд. Ловчий заносит свободный кулак, намереваясь превратить свой полёт в атаку, но за мгновение до того, как он ударил бы зверя, его сбивает в воздухе огромная когтистая лапа.

Охотника вдавливают лицом в землю, и он машинально закрывает воздухозаборники шлема, чтобы не вдохнуть пыль или грязь. Затем у него появляются более насущные заботы: втягивая язык, зверь затаскивает руку охотника себе в рот и смыкает челюсти на локте.

Если бы он укусил обычного человека, то неимоверного давления зубов хватило бы, чтобы перегрызть тело в поясе. Броня ловчего выдерживает, однако в его поле зрения вспыхивают тревожные символы красного цвета, указывающие на то, что доспех почти пробит. Создание мотает головой из стороны в сторону, пытаясь разодрать и вывернуть то, что не поддаётся силе, приложенной напрямую, и почти выдирает из крепления наплечник. Охотник сжимает зубы, полсекунды ждёт нужного момента и тянет руку на себя в тот же миг, как чудовище отводит башку в противоположную сторону, отчего тиски челюстей едва заметно разжимаются.

Ловчий освобождает руку под скрежет зубов хищника, которые прочерчивают борозды на гладкой поверхности наруча. Как только пропадает сопротивление, пасть захлопывается со щелчком, и зверь невольно откусывает собственный язык, который до сих пор обвивает кулак охотника.

Покалечив саму себя, тварь визжит от боли, убирает лапу со спины ловчего и прижимает её к зеву, откуда струится между зубов тёмная кровь. Охотник вскакивает на ноги и трясёт рукой, чтобы скинуть кончик языка. Без сокращений мышц, что удерживали его на месте, это всего лишь полый мясной цилиндр, который с влажным шлепком падает на лесную подстилку.

Зверь бросается на ловчего. В чудовище не меньше двух тонн плоти, а распахнутая клыкастая пасть готова проглотить добычу целиком. Однако на сей раз охотник успевает подготовиться. Он широко разводит руки и хватается за края челюстей, одновременно смещая вес и разворачивая туловище. Мышцы напрягаются, и на помощь им тут же приходят сервоприводы брони.

Крутнувшись на месте, ловчий применяет против хищника инерцию его же прыжка, отбрасывая его прочь. Вращаясь в полёте, тварь врежется в рогатое существо, которое только сейчас поднимается на лапы после того, как его оглушили ударом по голове. Столкнувшись, оба чудовища с воплями валятся на землю корчащейся грудой переплетённых лап и хвостов.

Все эти события уместились примерно в десять секунд, прошедших с того момента, как охотник перелетел через объятых ужасом людей. Во время схватки он слышал их вопли и вздохи, но поворачивается к ним только сейчас. Они стоят на прежнем месте, держа в руках пучки палок — не оружие, а просто хворост, который собирали здесь. Маленькие, слабые создания, неспособные защитить себя от подобных угроз. Охотник полагает, что легко мог бы посчитать их жалкими. Возможно, когда-то, в неведомом прежнем бытии, он относился к ним именно так, если достаточно долго размышлял о различиях между ними и собой.

Сейчас же он видит лишь жизни, которые нужно уберечь. Охотник силен, а люди слабы, и потому он будет одалживать им свою силу, пока они не перестанут в ней нуждаться.

Зверь со сломанными рёбрами с трудом поднимается на лапы, выказывая живучесть, что присуща диким животным. Охотник видит в глазах существа голод. В его желании поедать плоть не больше злобы, чем в мутациях, превративших его хвост в скорпионье жало, или в ползучих растениях, которые оплетают деревья так туго, что те умирают, или в грибах, что вырастают в мозге жертвы и убивают её, пробив череп изнутри. Особенность человечества в том, что люди замечают судьбу, уготованную им дикой природой, и обманывают её.

Прямо здесь орудием обмана служит ловчий.

— Не мешайте мне! — кричит он, впервые обращаясь к незнакомцам.

Охотник не вкладывает в свои слова враждебность, ведь они должны стать предупреждением для людей, чтобы те не лезли в бой, однако троица отшатывается от него, и страх в их глазах вспыхивает ещё ярче. Ловчий не задумывается над их реакцией. У них будет время всё прояснить, когда охотник покончит с хищниками, а пока его главная задача — удержать

людей на расстоянии. В данный момент ловчего не особенно интересует, по какой именно причине они подчиняются ему.

Он бежит на раненого зверя, который рычит и резко выбрасывает вперёд жало. Одной рукой охотник хватается хвост чуть ниже шарообразного утолщения с ядом, а другой отрывает само органическое оружие. Хищник вновь издаёт вопль и отдёргивается назад, а из обрубка на лицевую пластину шлема хлещет кровь, которая заливает глазные линзы и затрудняет обзор. Охотник пытается очистить их, однако гладкие пальцы тяжёлой латной перчатки лишь ещё сильнее размазывают жидкость. Он слышит тварей рядом с собой, но одного лишь слуха мало, чтобы победить в этой схватке.

Ловчий отшвыривает жало, ловко отщёлкивает шейное крепление, снимает шлем, бросает его людям и кричит:

— Почистите!

У охотника совсем нет времени смотреть, спешат ли они выполнить приказ или отскакивают от шлема, как от гранаты, потому что на него снова кидается зверь, утративший жало.

Отойдя немного вбок, ловчий бьёт снизу вверх. Его апперкот настолько силен, что от удара в нижнюю челюсть создание переворачивается, сбитое с лап. С разгона пронёсшись мимо охотника, туша замирает на опавших листьях. Набросившись на зверя, ловчий вцепляется ему в голову и начинает выкручивать её, преодолевая своей мощью сопротивление шейных мышц и позвоночника. Всё заканчивается быстро: ниже затылка раздаётся хруст, и, когда охотник отпускает башку, та безвольно падает на землю.

Остаются два.

Он поднимает оторванное жало и идёт в атаку. Уцелевшие звери уже распутались, наградив друг друга парой укусов, и теперь расходятся, чтобы обойти его с разных сторон. Тот, что с откушенным языком, рычит на ловчего, и это становится последней ошибкой чудовища. Охотник швыряет ему в пасть жало, которое пронзает нёбо. Орган рефлекторно впрыскивает в кровеносную систему яд, отчего создание цепенеет, валится на землю и бьётся в судорогах. Сопротивления к отраве своего товарища по стае у него не больше, чем у их несостоявшихся жертв.

Остаётся один.

Последний хищник бросается на охотника настолько быстро, что застаёт врасплох даже его. Низко опустив рогатую голову, зверь в последний момент резко дёргает её вверх и поднимает ловчего на рога. От удара в грудь тот взмывает над землёй и неуклюже кувыркается в воздухе.

Почва и небо с огромной скоростью сменяют друг друга. Возможно, он успел бы восстановить равновесие настолько, что приземлился бы на ноги, а может, и нет, однако рассуждать об этом бессмысленно, ведь полёт внезапно прерывает одно из деревьев. Врезавшись в ствол, охотник дробит его в щепу, а сам падает в подлесок.

Броня справляется, но ещё несколько таких столкновений, и она не выдержит. Ловчий кое-как выпрямляется: он слегка запыхался, немного пошатывается, а сердца колотятся в груди. Это тоже известное ему чувство, однако тот факт, что ты уже сталкивался со смертельной опасностью, не даёт никаких гарантий выживания. Можно извлекать уроки и вносить какие-то поправки, но в каждой стычке условия противостояния уникальны.

Хищник забыл о людях, и теперь его взгляд обращён лишь на охотника, на того, кто зашёл на его территорию и бросил ему вызов. По сути, неважно, считает ли зверь его своим соперником, который хочет забрать пищу себе, или кем-то вроде альфа-самца среди кормовых животных, способного напасть и причинить вред. Исход от этого не изменится.

Выживет только один.

III

Яростно взревев, хищник вновь низко опускает голову и устремляется в атаку. Теперь охотник лучше оценивает скорость создания, но не встречает нападение, стоя на месте, а прыгает. Перевернувшись в воздухе, словно акробат, ловчий цепляется за рога чудовища, когда те проносятся под ним, после чего садится верхом на холку зверя.

Пробежав ещё несколько шагов, существо осознаёт, что произошло, и начинает брыкаться, чтобы сбросить ловчего, однако тому хватает этих мгновений. Крепко держа хищника за рога, он тянет их в стороны. Дергаясь, чудовище вредит самому себе, поскольку сила его метаний прибавляется к давлению, оказываемому охотником. Из-за этого один из рогов обламывается посередине.

Охотник не мешкает. Поменяв хватку на ужасающе остром куске кератина длиной с его предплечье, он вгоняет рог в горло чудовища.

Зверю удаётся скинуть охотника на ковёр опавшей листвы, но при падении тот выдёргивает обломок, и из раны хлещет тёмная кровь. Шатаясь, хищник влетает в заросли кустарника. Он всё ещё старается передвигать стремительно слабеющие лапы, пока могучее сердце выкачивает из тела жизнь. Чудовище с трудом идёт обратно к врагу: оно уже лишилось прежней силы и проворства, но всё равно намерено убить посягателя.

Охотник не жесток. Это создание, пусть страшно искажённое и мутировавшее, не несёт в себе злобы. Оно — просто животное, которому не посчастливилось выбрать своей добычей людей на глазах у ловчего. Оно не заслуживает медленной смерти. Когда чудовище неуклюже бросается на охотника, он уворачивается и что есть силы бьёт рогом в переднюю часть черепа зверя. Мощь ловчего так огромна, а обломок настолько остёр, что он пробивает кость и входит глубоко в мозг, после чего существо падает замертво.

Затем охотник без спешки осматривает себя. Бывает, что в горячке боя ты не замечаешь полученных ран, но, похоже, он по большому счёту невредим. Отвернувшись от туши последней жертвы, ловчий смотрит на людей.

Они даже не сдвинулись с места. Дитя тихо всхлипывает, явно объятые страхом от жуткой картины произошедшего, а оба взрослых наблюдают за охотником, выпучив глаза. Один из них трясущимися руками держит шлем ловчего. Он вытер кровь листьями и, судя по следам на рубашке, собственной одеждой.

— Спасибо, — говорит охотник, беря шлем, но не надевает его.

Ловчему кажется, что люди станут отвечать вразумительнее, если будут видеть перед собой лицо, похожее на их собственные, пусть даже оно и принадлежит созданию, рядом с которым сами взрослые кажутся детьми.

— Где находится это место?

Мужчины недоумённо разевают рты. На мгновение охотнику приходит в голову, что им неизвестен его язык, — правда, он сам не представляет, на каком наречии говорит или как выучил оное, — но ведь они поняли приказ почистить шлем. Наверное, он задал слишком общий вопрос.

— Что это за мир? — вновь пробует он. — Я не знаю, где нахожусь.

— К-Камарт, повелитель, — наконец отвечает один из взрослых.

«Повелитель».

Это слово — не название мира, а почтительное обращение — вызывает какой-то проблеск воспоминаний в глубине сознания охотника. Его уже называли так прежде, но больше из памяти ничего не удаётся выловить. Неудача порождает гнев, который отражается у него на лице, но ловчий тут же берёт себя в руки: даже намёка на его неудовольствие хватило, чтобы взрослые попятились от него, стараясь прикрыть ребёнка своими телами. Они явно не считают, что смогут защитить себя или дитя в том случае, если он решит напасть, но ими движет человеческий инстинкт, поэтому охотник решает не относиться к их действиям как к оскорблению.

Об окружающем мире эти люди знают больше, чем он, так что полезно будет провести с ними какое-то время. Ловчий закрепляет шлем на поясе.

— Как вас зовут?

— Я — Сутик, — взволнованно, но чётко отвечает самый высокий. — А это Илин и Биба.

Он указывает сначала на второго взрослого, а затем на ребёнка. Охотник кивает, подтверждая, что услышал и понял его.

— А как ваше имя, повелитель? — боязливо спрашивает Илин.

Ловчий качает головой.

— Не знаю. Может, оно ещё придёт ко мне. Может, я подыщу новое. — Он вновь смотрит на всех троих. — Вы собирали хворост. Для костра? У вас лагерь неподалёку? Там не только вы?

— Да, да и да, — говорит Сутик, угодливо кивая. — Вы бы оказали нам большую честь, владыка, если бы отправились туда и согрелись у нашего костра. Уверен, наш защитник тоже захотел бы встретиться с вами.

Охотник хмурится.

— Ваш защитник? Похоже, он не очень хорошо выполняет свои обязанности, иначе мне бы не пришлось вмешиваться.

— Ох, прошу, не говорите так! — торопливо произносит Илин. — Он один и не может постоянно присматривать за всеми нами, но он уже спасал каждого из нас в тот или иной момент после конца мира.

— Но ваш мир не мог погибнуть, — говорит ловчий. — Мы ведь стоим здесь. Или, по-вашему, это загробная жизнь?

Он осекается из-за внезапно нахлынувших сомнений. А где он был прежде? «Дома», если верить Смотрящему, но слово ни о чём ему не говорило. Подводит его память или нет, но там окружение в целом отличалось от того, как, по его мнению, должно выглядеть бытие. Больше того, как раз *то* место напоминало о каких-нибудь суеверных выдумках про царства, куда души отправляются после смерти. А здесь всё казалось живым и реальным.

— Фигура речи, повелитель, — отвечает Илин, сконфуженно взглянув на Сутика. — Всё это... Ну, до того, как разверзлись небеса и пришли Ублюдки, наш мир был не таким.

— Он был прекрасен, — вставляет Сутик. — А они его извратили. Животных, растения и даже сами звёзды. Сами увидите, когда зайдёт солнце.

— Что случится уже скоро, — произносит охотник, взирая на небо. Даже без сенсоров доспеха он понимает, что солнце Камарта приближается к горизонту. — Ночью в большинстве лесов опасно, и вряд ли этот — исключение. Как далеко лагерь?

— Недалеко, — заверяет его Илин. — Следуйте за нами, повелитель, и мы приведём вас туда.

У охотника возникает новая мысль, и он на мгновение замирает. Эти люди для него не опасны, но как насчёт их союзников? Что, если Илин, Сутик и Биба играют роль наживки? Возможно, их послали заманить его в ловушку?

Он отмахивается эту идею. Как мог кто-то намереваться устроить для него западню? Для такого нужно проведать, где расставить капкан, но как это возможно, если сам охотник не знает точно, где он? Да и зачем кому-то желать ему вреда? Слишком мало сведений...

И всё же недоверие обитает в нём. Оно словно незримая волна, взметнувшаяся из глубин сознания к поверхности. Несомненно, охотнику причиняли боль в прошлом: его предавали те, кого он считал близкими, и так жестоко — рубцы от тех ран ощущались до сих пор, пусть он и не помнил, что их нанесло.

Кроме того, ловчий носит броню.

Он не чувствует, что эти люди обманывают его. Охотник уверен не полностью, поскольку от них смердит страхом ещё с того момента, как они поняли, что стали добычей. Его присутствие тоже тревожит их, хотя действия ловчего и ободрили троицу. Так или иначе, охотник уверен — насколько это вообще возможно, — что люди не вводят его в заблуждение намеренно.

— Погодите секунду, — произносит он.

Ловчий возвращается к туше последнего из убитых им хищных зверей, того, что с рогами и мехом.

— У кого-нибудь в вашем лагере есть нож? — спрашивает он, не оборачиваясь, и повышает голос, чтобы его услышали.

— Да, повелитель, — отвечает Сутик, хотя, судя по его тону, он не понимает, к чему такой вопрос.

— Хорошо, — говорит охотник.

Он нагибается, хватая тушу и тянет вверх.

Вес огромен, но и сила его велика. Ловчий напрягается и резко выдыхает, а из шлема на поясе доносятся тревожные звуковые сигналы, признак того, что отмечена нагрузка на доспех. И всё же ему удаётся оторвать мёртвого хищника от земли. Затем он одним титаническим усилием резко поднимает тушу ещё выше и кладёт себе на плечи. Теперь вес полностью распределяется по мышцам спины и ног, отчего становится гораздо легче. Когда охотник возвращается к трём людям, выражения их лиц явственно показывают, насколько непостижимым они считают такое деяние.

— Ведите, — произносит он.

Как и обещал Илин, путешествие оказывается недолгим. По пути охотник подмечает признаки того, что здесь обитают люди: не строения, линии электросети, дороги или засаженные поля, а другие, менее очевидные следы. Шум дикой природы становится тише, характерные

запахи — слабее, а видимые ему звериные тропы и следы — старее. Становится ясно, что в этой части леса всю дичь уже добыли. Кроме того, заметно отсутствие сухостоя, что отчасти объясняет, почему его спутники так далеко отправились за хворостом.

— Почему вы не срубите эти деревья на дрова? — интересуется охотник. — У вас нет инструментов?

— Нет, мы сможем срубить их, если придётся, — отвечает Сутик. — Но нас до сих пор выслеживают, и Ублюдки заявятся прямо к нам, если увидят свежие прорехи в лесном пологе. Безопаснее искать сухую древесину, даже если нужно забираться далеко.

— Не настолько уж и безопасно, — указывает ловчий.

— Но всё равно безопаснее, — тихо произносит Сутик.

Нос охотника сообщает ему о лагере немногим раньше, чем уши, ибо в спокойном воздухе висят резкий запах древесного дыма и приятные ароматы готовящейся еды. Слышит он то, что происходит там, тоже чуть раньше, чем видит. Илин и Сутик ведут его вокруг особенно массивного дерева, затем по тропе меж двух густых кустарников — насколько может судить охотник, здесь многие годы ступали животные, более крупные и тяжёлые, чем люди, из-за чего обтрёпанным растениям пришлось отступить, — а потом прямо перед ним возникает лагерь.

Уж какой есть.

Естественно, под него не стали расчищать поляну, только вырубili поросль. Лагерь раскинулся меж стволов деревьев, выбранных, очевидно, за самую густую листву. Вполне разумно: такой полог будет наилучшим образом рассеивать дым от нескольких костров, небольших и прикрытых, не давая ему подниматься хорошо заметным столбом, способным привлечь внимание. Из подручных материалов и веток сооружены низкие импровизированные крыши, в тени которых острый глаз охотника замечает жалкого вида кучи тряпья. Благодаря им люди могут спать, имея хоть какую-то защиту от сырой почвы, древесных корней, впивающихся в рёбра, и живности, суевающейся среди опавших листьев. Пусть даже они помогают больше в теории, чем на практике.

Здесь, вероятно, около сотни людей. Не слышно ни пения, ни смеха, ни шуток, и никто не говорит громче необходимого. Молчат даже дети, которые бродят по лагерю с опущенными головами и тусклыми глазами. Ловчий мгновенно осознаёт, что это не сообщество. Большинство обитателей лагеря замкнулись в собственных мыслях, не желая предаваться тем занятиям, которые делают их людьми, поскольку они боятся навлечь уничтожение на весь лагерь. Сам охотник не особенно

склонен петь, смеяться или шутить, однако он понимает, что человек, отказываясь от этого, обрекает себя на медленную смерть. Если не тела, то души.

Люди здесь сбежали от гибели, но подсознательно ждут её прихода. Просто потому, что не видят в своём будущем ничего иного.

Остановившись на краю лагеря, ловчий сбрасывает с плеч тушу зверя, которая падает на землю с глухим стуком. Звук достаточно громкий, чтобы все, кто оказались поблизости, вскинули головы.

— Кто-нибудь, принесите нож, — возглашает охотник. — У меня тут добыча, и её нужно освежевать.

Одни отшатываются от него, другие же, разинув рты, спешат вперёд, стараясь одновременно уложить в голове две картины: мёртвого хищника подобной величины и самого ловчего, который настолько крупнее и сильнее их. Охотник слышит шёпот, раз за разом проходящий по толпе, и отчётливо разбирает то единственное слово, которое повторяют люди.

«Защитник».

Из теней выходит ещё одно существо, будто бы призванное этим заклинанием. Оно возвышается над людьми, не слишком уступая в росте охотнику. Неизвестный облачён в комплект лат с серебряной отделкой по краям, выкрашенных в густой чёрный цвет, но заметно потёртых. На груди и левом наплечнике гордо красуется герб: крылатый меч.

Ловчий зажмуривается — его разум скрипит и трескается, будто стеклянные стены, которые наконец уступают натиску воды, давящей со всех сторон. В голове мелькают некие картины, но они сменяются так быстро, что даже охотник не может уцепиться ни за один образ. Вот вокруг него распадается на части планета; вот меч, или даже не один, и, пока он пытается сосредоточиться на оружии, клинок — или несколько — непрерывно меняют свою форму и суть; вот чудовищное создание с крыльями, как у летучей мыши, словно бы состоящее из одних острых граней и клыкастой пасти, растянутой в злобной ухмылке, обрушивает на него мощь своего разума; вот какая-то яркая золотая сущность; и вот другая планета, но теперь он смотрит на неё с огромной высоты и собственным приказом насылает на мир смерть, что падает вниз дождём серебряных пятнышек, каждое из которых кажется не крупнее снежинки, хотя ему известно, что размером они с жилблок; и ещё, и ещё, и ещё...

Создание в чёрном доспехе, космодесантник, шипит сквозь сжатые зубы, выхватывает парное оружие — *болт-пистолеты* — и открывает огонь.

IV

Меня зовут Забриил. Родился на Терре, в улье Стакгхом^[2]. Диакон ордена Трёх Ключей, посвящённый Крыла Ужаса, а прежде — Воинства Кости. Рыцарь второго отделения разрушителей Третьей роты Пятнадцатого капитула Первого легиона. Мы — бывшие Некоронованные Принцы, изначальные Императоровы Ангелы Смерти.

Мы те, кто стали Тёмными Ангелами.

Когда младшие легионы ещё только формировались, я освобождал Облако Оорта в слабом свете Сола — столь тусклого, что он казался всего лишь одной из звёзд, — очищая карликовые планеты и беспризорные спутники Облака от созданий-ксеносов, которые навсегда останутся безымянными и неизученными^[3]. Я сражался с рангданцами в Адвекс-Морсе и вместе со своими братьями выслеживал визжащих недобитков в коридорах их опустошённой боевой луны. Мы покончили с ними болт-пистолетом и цепным клинком, рад-ракетами и фосфексом^[4]. Я состоял в воинстве, что пришло на помощь XIII легиону на Каркасарне. Следуя за Львом, мы оплатили долг чести Тринадцатому трупам плоть-гголов^[5].

Лев. Тот, кто объединит нас, а затем вновь расколется.

Первый легион был изначальным, величайшим и чистейшим. Мы стали лекалом, по которому сотворили прочие Легионес Астартес, шаблоном, в соответствии с коим их создали. Возможно, со временем кто-либо из них стал воплощать определённые аспекты войны более полно, нежели мы, но даже эти специализации уходили корнями в наши способности. Не Белые Шрамы изобрели приёмы стремительного ведения боевых действий, как и не Железные Воины придумали осадное искусство, Пожиратели Миров — ударные штурмы, а Лунные Волки — устранение вражеского командования. Все тактики, подарившие известность другим легионам, родились в наших тайных войнах, когда мы несли свет Империиума в самые тёмные уголки Галактики и выжигали заражения столь ужасающие, что человечество просто не имело права знать об их существовании.

Наверное, мы слишком многого ожидали от остальных участников Великого крестового похода. Наверное, мы полагали, что, пусть братским легионам вместе с их бесчисленными смертными союзниками и не рассказывали о деталях наших подвигов и о мириадах уничтоженных нами безжалостных врагов, они будут признавать наши заслуги. Наверное, мы считали, что они поймут, зачем мы рыскали в такой дали. Возможно, мы приписывали им ту остроту ума, которая позволила бы догадаться, что у Первого такой скромный список учтённых приведений к Соглашению потому, что нам выпала роль истребителей. Император применял нас как крайнюю меру, и наши таланты не следовало растрачивать на тех врагов, кто ещё мог покориться. Однако же те, что последовали за нами, стали забывать, почему нас так боялись и кем проторена дорога, по которой они теперь шли с такой помпезностью и самовосхвалением.

Возвращение примархов тоже неизбежно привело к изменению порядка вещей. Они были истинными сыновьями Императора, полубогами войны. Легионес Астартес также обладали могуществом, но нас создавали для того, чтобы мы дополнили наших отцов, а не заменили их. Когда другие легионы объединялись с примархами, последние усиливали генных сынов, но не с помощью новых технологий или геноковки — ну или, по крайней мере, не в первую очередь, хотя Железные Руки не скрывали тяги к бионике, да и о Пожирателях Миров всегда ходили мрачные слухи, — а благодаря своему гению. Конечно же, первым среди них был Хорус, почти несравненный командир и дипломат, удостоенный наивысших почестей, но по мере того, как находили его братьев, каждый из них вдыхал в своё воинство новую жизнь.

Нас забыли. Война покрыла I легион глубокими шрамами и внесла раскол в наши ряды, пока мы искали способ вернуть первенство среди тех, кто или забыл, или никогда не знал о том, как мы приспособили Галактику под человечество. Разве могли мы сравняться с ними в таком состоянии — раздробленные кампаниями, что сталкивали нас с опаснейшими угрозами космоса и губили наших лидеров? А тем временем Ультрадесантники под руководством Робаута Гиллимана присоединяли один мир за другим, причём атаковали их не чаще, чем привечали, и Тринадцатый к своей вящей славе создавал собственный Империум в миниатюре.

Всё изменилось, когда отыскали Льва.

Как некогда мы были первым и чистейшим легионом, так и Лев был первым и чистейшим из примархов, пусть его и обнаружили так поздно. Помыслы его не разбавлялись стремлением добиться одобрения окружающих, эффективность действий не страдала от дипломатических порывов, а тактические ходы не умерялись гордостью. Он воплощал то,

что когда-то представляли собой мы сами, и то, что мы утратили. Приняв Льва и последовав за ним, мы снова обрели себя. Первый легион, теперь известный как Тёмные Ангелы, не только вновь сотряс Галактику, но и вернул уважение со стороны союзников внутри Империи, потерянное за минувшие годы.

Конечно же, не всё прошло так гладко. Следовало интегрировать братьев из рыцарских орденов Калибана, что вознеслись в наши ряды, и этот процесс оказался не самым простым, да и не каждый из нас, ветеранов с Терры, Грамари^[6] и из прочих мест, легко приспособился к тому, как Лев перестроил структуры легиона. Тем не менее, когда принесённые им перемены прижились, мы вновь стали гладким клинком без изъянов в форме и функции, а внутренняя организация и сила Первого сделались недоступными для понимания сторонних наблюдателей.

Потом случились события на Сароше.

Даже членам легиона не вполне ясно, что там произошло. Я знал, что вероломные сарошанцы обманули нас заверениями о том, что стали верными гражданами Империи, хотя дела обстояли совершенно иначе. Знал о попытке убить Льва атомной боеголовкой и о провале покушения.

Не знал я того, почему впоследствии Лев разделил Тёмных Ангелов. Некоторых из нас, включая меня, отправили обратно на Калибан под командованием Лютера, бывшего брата-рыцаря примарха и его заместителя в легионе. Хотя нам сказали, что это делается ради управления набором рекрутов с планеты, которую многие теперь воспринимали как духовную родину Тёмных Ангелов, далеко не все воины, отправленные туда, приняли такое объяснение.

Естественно, Лев, будучи нашим генным отцом и повелителем легиона, имел право дислоцировать нас так, как считал нужным, к тому же именно он лучше всех представлял, как нам послужить Империи с наибольшей пользой. Тем не менее стало очевидно, что, если некоторые из нас и понимали истинную логику его поступка, она не радовала их. Первый всегда зиждился на секретах, специализациях и оберегаемых знаниях, но лишь потому, что таков был наш уклад. В моём ордене Трёх Ключей никогда не насчитывалось больше сотни братьев, но, если легион нуждался в нас, мы помогали тем, что умели. Я сосредотачивался на своих методах ведения войны, верил, что мои соратники с иными навыками поступают так же и к любому из них обращаются при необходимости. Однако ситуация, когда ты знаешь, что окружающие обладают недоступной тебе информацией, но применяют её ради всеобщего блага, сильно отличается от ситуации, когда тебе неизвестно, понимают ли окружающие, что вообще происходит.

Отчасти это может объяснить, почему на Калибане всё произошло именно так, а не иначе. Другим фактором стал нрав легионеров, вовлечённых в те события. Они шли двумя разными, но, пожалуй, параллельными дорогами.

Большая часть моих калибанских братьев попала в наши ряды прямиком из рыцарских орденов планеты — или, во всяком случае, они понимали эту культурную среду. Они выросли в мире, где храбрые воины скакали навстречу кошмарным зверям, вооружённые примитивным по меркам Империи оружием и твёрдо намеренные либо убить добычу, либо погибнуть в схватке с ней. По сути, та же история Первого легиона, только в миниатюре. Потом калибанцам показали целую Галактику с по-прежнему несметным множеством угроз, биться против которых требовала их природа. Несомненно, в таких условиях местных легионеров расстроило возвращение домой, где имперские колонисты одним лишь громадным упорством устранили большую часть природных опасностей.

Для меня и других ветеранов докалибанского периода всё обстояло немного иначе. Меня ничего не связывало с планетой: просто ещё один мир, к тому же малопривлекательный и непривлекательный. Я не видел той необузданной красоты, которую иногда подмечали местные воины, и не воспринимал Калибан как драгоценный камень Империи. По моему мнению, планета застряла между двумя состояниями — слишком опасная и изменчивая, чтобы стать для человечества источником вдохновения вроде Терры и Маккрага или даже превратиться в обитель оккультных учений, как Просперо, она также не привлекала более возвышенные души, поскольку не обладала нужными для этого качествами, в отличие от ледяного Фенриса или продуваемого всеми ветрами Чогориса.

Я почти не сомневался, что убивал врагов Империи ещё до рождения самого Лютера, поэтому мне не особенно хотелось застрять в его мире под его же командованием и следить за новобранцами, пока остальные братья испытывали себя в схватках с худшими врагами, каких Галактика только могла бросить на человечество. Кроме того, я считал, что такое применение моих навыков и опыта не приносит пользы. Меня отправили в ссылку, изгнали прочь от моего генного отца, причём не в наказание за какие-то мои деяния, а исключительно потому, что я по своему званию и месту моего отделения в боевых списках легиона оказался близок в его иерархии к предполагаемым виновникам. Я мог бы разгневаться на моих вышестоящих офицеров за то, что пострадал из-за связей с ними, но ведь я не знал и того, совершили ли они какие-либо проступки.

Решение принял лично Лев. Хотя мы наверняка повиновались бы прямому распоряжению, примарх ничего нам не объяснил и тем самым

создал благодатную почву, в которой укоренились наши собственные толкования его действий. Всё только усугубилось, когда Лютер возглавил оперативную группу и помог в боях на Зарамунде: впоследствии Эль'Джонсон наказал его за неповиновение, снова отправив на Калибан и лишив флота. Смысл этого читался однозначно: в остальной Галактике вам не рады. Тёмные Ангелы никогда не сражались ради славы, но нас лишили даже гордости за наши свершения.

Не знаю, как бы всё повернулось, если бы Хорус не восстал. Может, со временем Лев бы смягчился, когда ему пришлось бы воспользоваться ресурсами родного мира, словно бы забытого им. Может, вмешался бы Император, или же один из братьев примарха обратил бы внимание на странность нашего положения. Вероятно, благородный Сангвиний, который, по слухам, умел заглядывать в сердца, понял бы истинную причину того, почему генный отец бросил нас. Или же вмешался бы Гиллиман. Да, владыка Тринадцатого мог бы попытаться повысить эффективность нашего легиона и хотя бы поговорить со Львом — сделать то, в чём Эль'Джонсон нам отказал, — хотя я не представляю, чтобы они пообщались на эту тему в добродушном ключе.

Однако Хорус восстал, пусть мы и не сразу узнали о его мятеже. Но в любом случае как бы мы действовали без флота? Насколько я мог судить со своего невысокого положения в рядах легиона, Лютер приложил все усилия, чтобы подготовить нас, но зов так и не пришёл. Тёмные Ангелы, даже преданные собственными братьями и окружённые пылающей Галактикой, по-видимому, не нуждались в нас.

Время шло, плодились слухи, и понемногу поступали новости. Космические Волки разорили Просперо. Ваал взяли в осаду. Существовала вероятность нападения и на Калибан, поэтому некоторые утверждали, что Лев оставил нас оборонять планету на случай подобных событий, однако чем дольше всё тянулось, тем менее очевидным становилось то, *какая* сторона конфликта будет угрожать нам.

Примарх и основная часть легиона находились на галактическом востоке — довольно далеко от фронтов, как мы полагали. Чувствительные к варпу личности, как астартес, так и простые люди, говорили остальным на Калибане, что в имматериуме волнения, из-за чего связь и путешествия стали опасны. Тем не менее, когда того требовал долг, наш отец проявлял крайнюю целеустремлённость, а ещё — изобретательность. Мы с трудом верили, что он полностью отрезан от войны и не может найти хоть какой-то способ повлиять на неё.

Вот тогда начали закрадываться сомнения.

Император создал нас, примархов и сам Империум. Следуя Его замыслу, мы отправились к звёздам в Великий крестовый поход, и именно Его планы мы стремились претворить в жизнь. Однако мы знали, что, провозгласив Хоруса магистром войны, Он вернулся на Терру. Лев же всегда видел *себя* в роли величайшего защитника человечества. Разве сложно представить, что он решил, будто Хорус теперь новый поборник Империума, а Владыка Людей, судя по всему, чем-то отвлечён? Причин нашего изгнания Лев не раскрыл даже нам. Мы бы сгруппировались, если бы сочли, будто нам известны истинные помыслы примарха относительно восстания и того, какую сторону выбрать. Мы не могли знать наверняка. Мы и не знали.

К тому моменту, как мятеж закончился и корабли контингента Первого легиона под началом Льва наконец добрались до Калибана и вновь показались в его небесах, Лютер уже подготовил нас ко всему. Мы не желали встречать своих боевых братьев клинком и болтером, но знали, что такое возможно. Действительно ли нас так долго продержали на Калибане из-за какой-то обиды — мнимой или настоящей, — нанесённой примарху десятки лет назад? Привело ли изгнание, вне зависимости от его причин, к тому, что в родном мире Льва возник гарнизон, который, сам того не ведая, защищал планету от угрозы со стороны Хоруса и его союзников? Или же в действительности Лев сам пошёл против Терры и боялся, что, если выпустить нас в Галактику, мы выступим против него вместе с силами Императора?

До сих пор не знаю, кто выстрелил первым. Я увидел и услышал, как наши оборонительные батареи дают залпы, извергая в небеса плазму и лазерные лучи. Пусть мы и стоический легион, но в тот день надежда умерла у меня в груди. К тому времени всё уже смешалось, даже позиции наших лидеров, поскольку ранее в их рядах царили размолвки и устраивались чистки, направленные против тех, кого посчитали предателями. Но, несмотря на все сомнения, я даже представить не мог, чтобы Лютер и его ближайшие помощники открыли бы огонь по Льву, если бы их не спровоцировали.

Прежде я наблюдал за тем, как Первый легион убивает миры, поэтому, если бы те, кто находился над нами, решили уничтожить Калибан, на нём не отыскалось бы ничего, что спасло бы его от такой участи. Напад первыми, мы подписали бы себе смертный приговор, а если наши лидеры, выступавшие против наложенных на нас ограничений, и демонстрировали что-то открыто, так это стремление добиться чего-то помимо гибели на поверхности планеты. Тогда я пришёл к единственно возможному выводу: Лев вернулся, чтобы покончить с нами, так как боялся, что мы либо

выступим против его убеждений, в чём бы оные ни заключались, либо же неким образом скомпрометируем примарха перед уцелевшими братьями, так как теперь у него не имелось ни единой причины держать нас в изоляции. Я не знал, как, по мнению Эль'Джонсона, мы могли это сделать, но, когда с небес излился огонь, а из пустоты устремились десантные корабли, внутри которых сидели наши братья, потрепанные в боях, подобные размышления стали совершенно бессмысленными.

Раньше я сражался за Императора. За человечество. За Первый легион и своих братьев. Теперь же я сражался против них — лишь для того, чтобы выжить. Мы укрылись в крепости-монастыре, которая раньше служила домом ордену Льва. Её защищали мощные силовые поля, но они мало чем помогли, когда планета начала раскалываться на части под бомбардировкой Тёмных Ангелов.

А наши братья всё равно пришли. Они так сильно хотели покончить с нами, что высадились, несмотря на то, что вокруг них умирал Калибан.

V

Баэлор спокойно вставил в болт-автомат свежий магазин, не обращая внимания на огонь из крупнокалиберных дробовиков, чьи пули били по углу переборки, служившей ему укрытием. Прожужжав, самопрокручивающийся механизм со щелчком поместил снаряд на место, как делал и во все предшествующие века. Когда оружие только вышло из кузниц, Баэлор стал его первым владельцем. Оно никогда не подводило хозяина, а тот всегда обращался с ним достойно. В отличие от кое-кого.

— Чего ты ждёшь? — требовательно спросил стоящий рядом Марког.

От гиганта в зелёной броне густо и резко тянуло благовониями, но Баэлор не знал, что испускает запах: дыхание воина, его пот или какой-то продукт работы доспехов. Впрочем, он и не хотел знать. Марког и его Скорбная Гвардия, несомненно, действовали эффективно, однако Баэлор, в отличие от них самих, не считал «дарами» те изменения, которым они подверглись. Казалось, что бойцы ослабли, позволили себе расстаться со своей прежней сутью. А ещё они казались такими молодыми.

Все в этой богами забытой Галактике казались молодыми.

— Они не только впустую тратят боеприпасы, но и не чередуют стреляющих должным образом, — сообщил Баэлор великану. — Больше половины начнут перезаряжать оружие...

Он мысленно произвёл обратный отсчёт.

— Сейчас.

Баэлор вышел из-за переборки. Защитники корабля прицелились в воина, но он правильно рассчитал время: большинство из примерно двадцати стандартных людей в коридоре перед ним перезаряжали дробовики, причём так грамотно и быстро, что вновь открыли бы огонь всего через несколько секунд. Однако для космодесантника такой срок — это зияющая пропасть возможностей.

Своими первыми целями Баэлор выбрал тех, кто стрелял в него, и уложил из болтера дюжину противников за вдвое меньшее количество секунд. Всё произошло очень быстро, и неулучшенный наблюдатель скорее решил бы, что люди просто взорвались, нежели пали жертвами оружия единственного воина. Затем космодесантник бросился на остальных.

В его левый наплечник врезалась твердотельная пуля, выпущенная из дробовика. Рикошетом от изогнутой керамитовой поверхности она ушла в стену. Большинству абордажников такие боеприпасы нанесли бы тяжёлый урон, однако им не хватало пробивной мощи, чтобы серьёзно навредить силовым доспехам типа IV. При прямом попадании в лицевую пластину могли бы возникнуть проблемы, но противники Баэлора не обладали должной точностью или реакцией, поэтому космодесантник сблизился с ними до того, как кому-нибудь удалось бы такой точный выстрел.

Он бил кулаками, локтями и ногами, крушил их слабые тела, нанося удары с силой пневматического молота. Не замедляясь, Баэлор шёл через их ряды, убивая всех на своём пути. Люди, которых не доставали болт-снаряды и кулаки, инстинктивно поворачивались в его сторону, будто стая животных, следящая за хищником. И вот тогда им в спину ударял Марког.

Гигант с необыкновенным изяществом размахивал Выпивающим Сердца — топором с длинной рукоятью. Полагаясь также на размах рук, он ступал за Баэлором, не делая ни шага вправо или влево. Станный серый металл клинка втягивал в себя кровь, пока очистившееся оголовье топора не заблестало вновь.

— Небрежно, — заметил Баэлор, осматривая трупы.

Мертвецы были облачены в одеяния тёмно-зелёного цвета с золотой отделкой.

— Слуги капитула, — проворчал Марког. Неестественно длинным языком он быстро слизал с лица брызги крови и вздрогнул, наслаждаясь вкусом. — Всего лишь люди.

— Всё равно небрежно, — сказал Баэлор, после чего включил вокс. — Рыцарь-капитан?

— Ты будешь обращаться к нему «мой повелитель Серафакс»! — прорычал гигант.

— Заткнись, Марког, — ответил Баэлор и продолжил, не обращая внимания на его безмолвный оскал: — Рыцарь-капитан?

— Баэлор. Твой уровень зачищен?

Слова Серафакса скользили по воксу, словно электрические змеи. Хорошо поставленным голосом он мог похвастаться ещё в бытность адептом на Калибане, и вознесение в ряды космодесантников ничего не

поменяло, лишь придало ему звучности и густоты. Рыцарь-капитан владел речью в совершенстве и пользовался ей с той лёгкостью, с какой мечник действует в стойках: не упуская ни одного нюанса, не совершая ошибок и не сбиваясь с темпа. Он говорил размеренно, с кажущейся непринуждённостью, очаровывая слушателя. На протяжении целого столетия Серафакс правил миром Баст, опираясь только на свой голос и колдовские дары. Конечно же, Воинство Пентаклея развивало их ещё до Никейского совета, но рыцарь-капитан продвинулся уже гораздо дальше.

А куда бы ни шёл Серафакс, Баэлор всегда находился рядом. Верность — странный зверь. Баэлор следовал за Серафаксом, когда тот ещё занимал пост обычного командира роты, одного из многих подобных офицеров в рядах Первого легиона. С тех пор ничего не изменилось. Баэлор, настоящий воин, понимал, что ему недостаёт воображения. Поставь перед ним врага, и он будет сражаться, причём хорошо, однако анализ грандиозных стратегий — не его конёк. Баэлор справлялся с ответами на вопрос «как?», а вот «почему?» всегда оставлял другим.

— Всё встреченное до сих пор сопротивление устранено, рыцарь-капитан, — доложил он.

Серафакс никогда не требовал от воина обращаться к нему иначе, нежели по званию, которое он носил в день смерти Калибана, а Баэлор никогда не желал иного.

— Во славу Десяти Тысяч Глаз! — добавил Марког.

— Хорошо. Следуйте к реликварию, — велел Серафакс.

Голос прозвучал так, что Баэлор ясно представил, как лорд-чернокнижник в ответ на рвение Маркога закатывает свой единственный глаз.

— Так точно, рыцарь-капитан, — отозвался воин.

Он не смотрел на гиганта, однако почувствовал досаду Маркога и не стал на неё реагировать. Баэлор с удовольствием выполнял свой долг, но радость ему приносила и парочка других мелочей. Например, ему нравилось раздражать великана. Ещё сильнее космодесантник веселился, когда притворялся, будто поступает так случайно, а не намеренно.

— Идём, командующий.

Ещё одна маленькая колкость. Марког командовал Скорбной Гвардией — последними из тех астартес, что составляли капитул Пепельных Клинков до того, как попались в западню Хаоса. Они выполняли функцию личной охраны Серафакса, но вместо того, чтобы сопровождать своего повелителя, Маркогу приходилось помогать Баэлору. Воин знал, что его присутствие в рядах Десяти Тысяч Глаз выводит гиганта из себя. Тот

негодовал из-за близких отношений Баэлора с Серафаксом, его долголетия и его власти, которой он обладал не потому, что имел какой-то чин, а благодаря самой своей сути. Он — не лорд-чернокнижник, не командующий, не архираптор, не главный богослужитель или Неисповедовавшийся. Он просто Баэлор, иногда именуемый Самозванцем. Глупцы причисляли его к Падшим, а те, кто поумнее, — к смертельно опасным созданиям. Выше него в банде стоял лишь Серафакс, и Марког ничего не мог с этим поделать.

Ну, он мог бы убить Баэлора, или хотя бы попробовать. Воин уже не единожды ощущал на себе оценивающий взгляд гиганта, но Марког всегда отказывался от попытки. Возможно, он полагал, что уступает Баэлору, даже невзирая на свою статью и Выпивающего Сердца, или же просто ещё не решил, как именно совершить убийство, чтобы не стать очевидным виновником и избежать возмездия Серафакса. Хотя представлялось, что даже сами Пепельные Клинки не знали, от чьего геносемена происходят, Баэлор подозревал, что их роду совершенно чужда изошрённость.

А порой изошрённость необходима. Это подтвердилось, когда двери гравифта, к которому подходили бойцы, открылись и явили взглядам гигантскую фигуру в золотой броне.

Ею оказался терминатор Ангелов Бдительности, капитула, чей ударный крейсер угодил в засаду Десяти Тысяч Глаз. В правой руке он держал штормовой болтер, а левую кисть охватывал громадный силовой кулак, вокруг которого уже потрескивали разряды энергии. Воин уступал Маркогу ростом, но не массивностью, а также носил гораздо более толстую броню. Наверное, бойцы Серафакса не могли столкнуться здесь с более опасным врагом, поскольку ближний бой в ограниченном пространстве вроде коридоров пустотного корабля — одна из основных областей применения тактического дредноутского доспеха.

Марког с мелодичным рычанием бросился на противника, и Выпивающий Сердца устремился к шлему Ангела Бдительности размытым сероватым пятном. Проворно подняв силовую перчатку, терминатор отвёл в сторону выпад гиганта, после чего нацелил штормовой болтер ему в грудь. Марког успел схватить и повернуть оружие врага, так что реагирующие на массу снаряды взорвались при контакте со стеной позади командующего Скорбной Гвардией, а не с его нагрудной пластиной. Великан попытался нанести обратный удар топором, но Ангел Бдительности перехватил взмах и сжал рукоять в силовом кулаке. Когда расщепляющее поле вступило в борьбу с таинственными силами, обитающими внутри древнего артефакта, коридор тут же залило необычное свечение. Громоздко топая, два борющихся великана описали

полукруг. Их сервоприводы визжали от напряжения, но противники были равны в мощи.

Баэлор спокойно подошёл к ним, опустился на одно колено, подождал, пока рука имперца не потянется вверх из-за того, что Марког пытается вырвать Выпивающего Сердца из хватки неприятеля, и трижды выстрелил в открывшуюся уязвимую подмышку.

Сочленения, эти слабые места доспеха, имелись даже у терминаторской брони. Пробив значительно усиленный пластфлекс, болты с грохотом разорвались в груди космодесантника, однако тот лишь покачнулся и продолжил сражаться, полагаясь на сверхчеловеческую решимость и стойкость. Хотя имперец выпустил Выпивающего Сердца, ему хватило сил, чтобы впечатать огромный кулак в грудь врага прежде, чем Марког успел опустить топор. Зашатавшись, гигант попятился и рухнул на пол с лязгом керамики о металл. Его разбитый нагрудник дымился.

Баэлор поднялся и повторно открыл огонь. Лицевая пластина терминатора представляла собой вторую очевидную мишень в структуре доспеха, а космодесантник, в отличие от недавно убитых им слуг, обладал и реакцией, и меткостью, и необходимыми боеприпасами, чтобы произвести результативные выстрелы. Золотой шлем Ангела Бдительности раскололся вместе с головой внутри. Руки и ноги имперца упали, как у марионетки с обрезанными нитями, и тело ветерана мешком повалилось на палубу.

Баэлор огляделся вокруг. Марког уже вставал на ноги, а его грудь и доспех — впрочем, разница между ними почти исчезла — формировались заново из зелёного пара, в который превратились от удара силовым кулаком. Глаза гиганта горели. Когда воссоздание нагрудника завершилось, великан содрогнулся и вздохнул от наслаждения. Марког перевёл взгляд на труп имперца, и меж его губ выскользнул длинный язык.

— Потом, — суровым тоном сказал ему Баэлор. — И *если* наш... *лорд-чернокнижник* разрешит. Нам всё ещё нужно добраться до реликвария.

Марког зарычал, но миг спустя сжал челюсти и несколько злобно кивнул.

Как считал Баэлор, убивать слуг той шелухи, которая до сих пор называла себя Империем, — одно дело, но вот пожирать затем их плоть — совсем другое.

Реликварий ударного крейсера «Грозный страж» оказался плохо освещённым отсеком с высокими сводами. Взгляд Баэлора без проблем пронзал мрак, но для следивших за этим местом слуг здесь явно царила стигийская тьма. Это вполне объясняло, почему здесь повсюду лежали

канделябры, а незажжённые свечи из них валялись среди трупов тех, кому пригодились бы освещение.

— Ах, Баэлор, — сказал Серафакс, обернувшись, чтобы поприветствовать воина. — Входи. Командующий, можешь пока остаться снаружи. Свяжись с остальными нашими силами и удостоверься, что очагов сопротивления больше нет.

— Так точно, лорд-чернокнижник, — ответил Марког, поклонившись и прижав ладонь к груди.

Он закрыл дверь, но Баэлор заметил брошенный в свою сторону злобный взгляд. Как обычно, гигант винил его, а не Серафакса.

«Серафакс».

На Калибане он был красивым юношей с волосами цвета ненасытного пламени и бледными щеками, на которых от лучей солнца в изобилии высыпали веснушки. Как и в случае с голосом, становление астартес не лишило его привлекательности, а лишь изменило её. Хотя его никогда не описывали в тех же выражениях, как, например, Люция из Детей Императора, по меркам воинов, которые, по большей части, считались обладателями лиц с резкими чертами и слегка отличающимися от нормы пропорциями, Баэлор ставил Серафакса на ступень между человеком и постчеловеком. Его лик сохранил часть юношеской красоты, позволявшей догадаться о происхождении рыцаря-капитана, но при этом преобразился, наделив своего обладателя поистине яркой внешностью.

Спустя примерно десять тысяч лет по галактическому счёту — хотя для Баэлора и Серафакса прошло значительно меньше времени — облику рыцаря-капитана уже не подходило такое обыденное понятие, как «яркий». Его волосы превратились в настоящее ненасытное пламя, охватившее и левую половину лица. Огонь не пожирал тело Серафакса, и, судя по внешним признакам, тот не испытывал боли, хотя Баэлор видел над головой рыцаря-капитана слабо мерцающее марево. Такова цена взаимодействия с варпом. Цена, которую нужно заплатить, чтобы достичь стоящей перед ними цели. Баэлор пока не замечал в себе никаких изменений, даже самых мелких, а Серафакс пообещал сказать ему, если увидит их сам. Однако же в нынешние дни эти опасения всё равно немного омрачали привязанность Баэлора к своему командиру.

— Знакомый мне взгляд. Что тревожит тебя, друг мой? — спросил рыцарь-капитан.

На бедре Серафакса висели ножны из человеческой кожи, где покоился Лихорадочный клинок — длинный нож древнего и неизвестного происхождения. В руках он держал посох из тёмного металла, наверху

которому служил череп альдарской ведьмы с клинописной гравировкой. Баэлор давным-давно перестал смотреть на него, ибо от одного лишь вида мёртвой головы начинали болеть глаза.

— Аппетиты Маркога всё растут, — произнёс Баэлор. Среди нескольких тем, беспокоивших его, воин выбрал эту, потому что её проще всего было озвучить. — Его голод до чужой плоти усиливается. Особенно до плоти астартес.

— Таковы требования Принца Боли и Наслаждения. — Серафакс вздохнул. — Марког упивается милостями Слаанеш, а они не даются даром.

— Такие орудия не годятся для покорения Галактики, — пробормотал Баэлор.

Вытянув руку, он провёл пальцем латной перчатки по обложке потрёпанного гримуара, гордо стоящего на пюпитре. Воин понятия не имел, в чём заключалась важность книги для Ангелов Бдительности. Он видел, что это не оружие, и больше его ничего не интересовало.

— Марког могуч, — сказал Серафакс. — Почему же он негодное орудие?

— Потому что он не *твое* орудие! — воскликнул Баэлор, повернувшись к пылающему лику рыцаря-капитана. — Не до конца! Марког — раб другой силы. Неважно, командующий он Скорбной Гвардии или нет, его верность всегда будет под вопросом из-за того, что он присягнул одному из богов.

Серафакс улыбнулся всё ещё видимой половиной рта.

— «Бог». Помню дни, когда ты не употребил бы такое слово.

Баэлор вздохнул.

— Помню и я. Те времена были проще.

— Не времена были проще, а мы, — мягко поправил его рыцарь-капитан. — Мы не осознавали ни своего места, ни своего потенциала. Теперь же ты и я идём по пути, который поможет нам это исправить.

Чернокнижник словно бы невзначай взмахнул посохом, и плекс-стеклянный шкафчик раскололся от удара гравированным черепом альдари. Внутри лежала ещё одна мёртвая голова — космодесантника, судя по форме и размерам. Этот череп покрывал слой сусального золота. Когда Серафакс пробормотал себе что-то под нос, оно начало плавиться и стекать, не повреждая кость.

— Ещё один череп псайкера? — предположил Баэлор.

— Что поделать, наши враги их повсюду раскидывают, — со смешком произнёс рыцарь-капитан, после чего вновь посерьёзnel. — У меня не появилась какая-то жуткая одержимость, друг мой. Сейчас, когда варп в таком смятении, бесценно всё, что хранит в себе воспоминания о тесной связи с ним. Абаддон привёл эмпирей в ярость, и от их когтей защищены лишь его ближайшие союзники. Мне же нужно оберегать и направлять нас. — Замолчав, он прищурил уцелевший глаз и посмотрел на Баэлора. — В чём дело?

Воин покачал головой, смущённый тем, что рыцарь-капитан заметил его сомнения.

— Я последую за тобой куда угодно, ты же знаешь, но почему тебе кажется, что ты преуспеешь там, где потерпел неудачу Абаддон? Десять Тысяч Глаз — мощная сила, но лишь маленькое пятнышко по сравнению с тем, чем командует он. Кроме того, Разорителя заслуженно восхваляли как полководца и тактика во времена... когда дела обстояли иначе.

— То было тогда, — просто сказал Серафакс. — Ныне Абаддон сражается, ослеплённый ненавистью и злобой. Сыны Хоруса всегда были напыщенными и зазнавшимися, а со временем эти черты лишь усугубились. Тёмные Ангелы же, напротив, никогда не теряли чистоты помыслов. Ни в прошлом, ни сейчас.

Он поднял мёртвую голову на уровень глаза и осмотрел её, после чего подбросил в воздух. Вместо того чтобы упасть на палубу, череп начал медленно и лениво вращаться вокруг Серафакса.

— Наши орудия, пусть и могучие, бывают непривычными, но всё же мы применим их, чтобы преобразить Галактику. Как и учил нас примарх, мы не остановимся, пока добычу не настигнет гибель. Пока ты со мной, брат мой, успех не уйдёт от нас.

Рыцарь-капитан положил руки на затылок Баэлора. Тот немного подался вперёд, и Серафакс коснулся его лба губами.

Как и всегда, пламя не обожгло воина.

VI

Космодесантник открывает огонь, и болт-снаряды с рёвом пронзают воздух, но не находят цель. Не из-за того, что воин недостаточно меток: он мастерски стреляет именно туда, где увидел охотника. Благодаря постчеловеческой скорости реакции он вскинул болт-пистолеты уже через микросекунду после того, как у него дёрнулись руки, вот только ловчому хватило и такой задержки.

Охотник бросается вправо, потому что слева от него находятся люди. Он бы никого из них не задел, однако ему не хочется, чтобы болт-снаряды летели в их сторону. Смертные лишены его проворства, живучести или брони, поэтому их способно погубить даже попадание по касательной. Одним скачком преодолев шесть метров, ловчий приземляется на ладони, что позволяет смягчить удар и распределить вес. Опираясь на левую руку, он слегка поворачивает тело, чтобы привести ноги в нужное положение. Ступни упираются в землю лишь на мгновение, после чего охотник вновь отталкивается.

Он совершает ещё один невероятно стремительный прыжок.

Лев Эль'Джонсон, примарх Первого легиона, сталкивается с космодесантником и валит его на землю.

Воин пытается навести пистолеты, но Лев будто бы походя выбивает у него оружие. Мысли всё ещё мечутся в голове примарха, но некоторые находят себе пристанище, чего ему хватает, чтобы вспомнить, кто он и что с ним случилось. Калибан, орден, отец, братья. Гнусный предатель Хорус, трижды проклятое чудовище по имени Кёрз, благородный Сангвиний с трагической судьбой, вспыльчивый хвастун Русс и несносный Робаут.

Лев смотрит, как горят родные планеты вероломных братьев, уничтоженные по его приказу. Смотрит, как горит Терра из-за того, что он опоздал. Примарх встречается лицом к лицу с Лютером, и по нему бьёт волна горя от осознания того, во что превратился старый друг. Вал накатывает вновь, едва не накрывая его. А затем... .. затем...

Ничего. Лишь лес да река.

Эль'Джонсон придавливает противника к земле, пока тот не схватился за боевой нож или цепной меч на поясе, и быстро осматривает чёрный доспех. Хотя броня потёрта и покрыта вмятинами, на латах всё ещё видны символы, которые ничего не скажут тем, кто не входит в I легион. Для примарха же они ясны, как черты людей вокруг.

— Рыцарь второго отделения разрушителей Третьей роты Пятнадцатого капитула. Диякон ордена Трёх Ключей и посвящённый Крыла Ужаса. — На поверхность всплывает ещё больше воспоминаний, и они приносят с собой имя обладателя этих титулов. — Забриил.

Выражение лица космодесантника скрывает шлем, однако Эль'Джонсон чувствует, как тот перестаёт бороться. Впрочем, возникает напряжение другого рода, которое примарх тоже ощущает. Легионес Астартес не ведают страха, однако, насколько может судить Лев, Забриила охватывает чувство, довольно близкое к боязни.

— Слезь с него! — кричит кто-то в десяти шагах позади и в трёх справа от примарха. — Он наш защитник!

— Он предатель! — рывкает Лев. Слова гулко резонируют в его горле, а их смысл закрепляется в мозгу, стоит им сорваться с губ. Да, предатель, как и Лютер. Примарх вспоминает обозначения всех подразделений, отосланных им на Калибан, и отделение Забриила среди них. — Предатель, который сейчас во второй раз пытался убить меня.

— Это ты предатель! — ярится космодесантник под ним. — Ты бросил нас, бросил Калибан и бросил Империум!

— Ложь! — рычит Эль'Джонсон, но слова Забриила, словно когти, вонзаются в растравленные раны.

Лев знает, что никогда не собирался бросать Империум, но сколь много раз он задавался вопросом, правильный ли выбрал курс действий? Кемос, Нуцерия, Барбарус: его сыны уничтожили эти миры, стараясь отвлечь предателей от Терры, расчистить путь для Сангвиния и Девятого. А что, если бы Тёмные Ангелы ринулись вперёд, не считаясь ни с чем? Что, если бы Эль'Джонсон превратил свой легион в наконечник копья, столь любимый Сынами Хоруса, и вонзил его в горло брату-изменнику?

Спасло бы это жизнь отцу Льва?

— Ложь? Тогда где ты был десять тысяч лет? — вопрошает Забриил.

Примарх открывает рот, чтобы назвать того глупцом, но теряет дар речи. Он хочет потребовать от Забриила повторить, хотя это бессмысленно, ведь Лев всё прекрасно расслышал. В смысле слов нет сомнений, но вот то, что

за ним кроется, парализует примарха, вводя его в чуждое ему состояние неуверенности.

Сглотнув комок, Эль'Джонсон откидывается назад и отпускает руки Забриила.

— Сними шлем.

— Что?

— Сними шлем, — рычит примарх, — или я сам его сорву!

На мгновение Льву кажется, что Забриил сейчас потянется к оружию, но Тёмный Ангел поднимает руки и, подчиняясь, размыкает крепление шлема. Между тем Эль'Джонсон повторно оценивает состояние брони и оружия своего вероломного сына. Доспех не просто повреждён: он получал ущерб, его небезупречно ремонтировали, и так много раз. Все эти отметины — не результат одного крупного боя, а последствия долгого использования. Согласно процедурам легиона, латы давно уже следовало бы заменить.

Забриил снимает шлем, и его лицо открывается взору примарха. Лев обращается к воспоминаниям и обнаруживает практически точное совпадение: Забриил, терранин, кожа неяркого бледно-коричневого оттенка, чёрные волосы, глаза похожи на тёмные сапфиры. Ветеран, воевал ещё с ранних дней существования легиона. Уже стал зрелым астартес, когда Эль'Джонсон принял командование.

Его лицо обильно изборождено морщинами, волосы пронизаны сединой, а кожа отмечена множеством мелких ожоговых рубцов там, где зажили раны. Лев впервые видит космодесантника, выглядящего таким... старым. Да, ему встречались улучшенные люди вроде Кора Фаэрона, этой шавки Лоргара, но подобные воины изначально уступали астартес. В ряды легионеров их возносили в более старшем возрасте, не подвергая продвинутому процессу геноковки, что так надёжно противостояла воздействию времени. Но чтобы настоящий космодесантник?..

Лев медленно поднимает руку в латной перчатке и слегка потирает лицо там, где должны пролегать его собственные морщины. Когда он увидел своё отражение в реке, то не понимал, на что обратить внимание, ибо ему не с чем было сравнить. Теперь же примарх вспоминает, как выглядел, когда смотрел на себя в последний раз, и поражается.

Эль'Джонсон трясёт головой, цепляясь за то, что ему известно.

— Нет. Десять тысяч лет — это невозможно. Примархи... Я не знаю наверняка, как бы состарились мы, но уверен, что космодесантник давно бы умер.

— Варп разбросал нас не только сквозь пространство, но и сквозь время, — говорит Забриил. — Я появился вновь, наверное, лет четыреста назад. Четыре сотни лет прятков и бегства от моих *младших братьев*, — с издёвкой добавляет он. — Мы всегда проявляли целеустремлённость, когда сталкивались с врагом, но десять тысяч лет, проведённых в ненависти и попытках растоптать чувство вины? Воистину, владыка мой Лев, ты хорошо обучил своих сыновей.

— Что за насмешки? — рычит Эль'Джонсон. — Мы вернулись с Терры на Калибан, но обнаружили лишь враждебную нам систему! Вы открыли по нам огонь без предупреждения, а ваши лидеры заключили сделки с...

Он вновь вспоминает о людях вокруг, слишком напуганных, чтобы подойти ближе, но при этом слишком увлечённых зрелищем, чтобы отойти. Некоторые наверняка слышат их разговор.

— С силами, которые называть не буду, — заканчивает примарх, понизив голос. — Я не могу объяснить, как прибыл сюда, ибо память вернулась ко мне лишь в тот миг, как я взглянул на тебя. Кое-что мне по-прежнему неизвестно, но одно совершенно ясно: ты вновь попытался убить меня, едва заведев! И почему же моим верным сыновьям не охотиться за такими предателями?

Вздохнув, Забриил роняет голову на землю. Его лицо выражает запредельную усталость.

— Я ничего не знал про силы, о которых ты говоришь, и не общался с нашими лидерами: Лютером, Астеляном и прочими. Лишь недолго и между делом. К приказу открыть огонь по твоему флоту я тоже не имею никакого отношения. А что до того, как я поступил, узрев тебя...

Он поднимает голову и смотрит Льву прямо в глаза. К такому примарх не привык, ведь, даже если судить по старым воспоминаниям, мало кто мог выдержать его взгляд.

— После того как ты отправил нас на Калибан, я видел тебя лишь однажды. Тогда флот обрушивал на нас огонь, а наши братья высадились на планету, чтобы вести войну. Впервые за годы я мельком заметил тебя: ты прорубался через ряды новобранцев, которые никогда не взирали на тебя прежде, и в первом своём настоящем сражении в доспехах Первого легиона они вышли против своего же генного отца и его палачей. Они погибали за считанные мгновения, а ты шёл вперед. Наверное, искал Лютера. Больше я тебя не видел, однако даже после всего, что случилось потом, даже когда мир раскололся, а каждого из нас утащил варп, выражение твоего лица не стёрлось у меня из памяти. Я помнил его все эти долгие годы.

Ненависть и ярость, беспримесные и безудержные. Ты стремился убить нас, а мы лучше прочих знали: если ты что-то решил, то тебя ничто не остановит. Хотя ты и постарел, я узнал тебя в тот же миг, как увидел, что ты вышел из нашего леса, ведь твоё лицо веками преследовало меня во снах. Я решил, что ты либо жалкое подобие моего примарха, сотворённое Хаосом и изрыгнутое Великим Разломом, дабы мучить меня, либо настоящий Лев, наконец явившийся закончить начатое. В обоих случаях я собирался дать отпор.

Лев изучает лицо Забриила, полагаясь не только на глаза, но и на все прочие чувства, однако не обнаруживает ни намёка на обман. Космодесантника не выдаёт двойное сердцебиение, как нет и присущего лжи душка. Впрочем, когда тебя прижимает к земле и обезоруживает примарх, у любого создания сработает реакция «бей или беги», а на таком фоне сложно различить едва уловимые запахи, которые возникают при усиленной тревоге.

Эль'Джонсон с горечью осознаёт, что он не всегда хорошо разбирался в людях. На Диамате примарх передал осадные машины Пертурабо, дабы тот сокрушил с их помощью зарождающееся восстание Хоруса. Лев не разгадал истинных намерений брата, и орудия принесли гибель Гвардии Ворона и Саламандрам на Исстване V. Скольких страданий и кровопролитий удалось бы избежать, если бы он доверился Гиллиману сразу же после прибытия Тёмных Ангелов на Макрагт? Вместо этого они оба что-то скрыли, из-за чего столкнулись с катастрофическими последствиями.

И так далее, и так далее. Следовало ли ему заглянуть под покров маниакальной любви Лоргара к их отцу? Понять, что Ангрон никогда не утолит свою ярость? И, что важнее всего, распознать изъяны Хоруса Луперкаля? Но такие изыскания были чужды природе Льва, ибо он вместе с Первым легионом взирал лишь вперёд, высматривая угрозы во тьме за рубежами государства людей, и никогда не оглядывался назад. Впрочем, неудача всё равно мучит его. Но имел ли он возможность углядеть червя в сердце одного из величайших дипломатов и стратегов за всю историю рода человеческого, если даже не сумел предвидеть помыслы и действия собственного легиона?

Примарх не находит ответов. Здесь нет его братьев, даже тех, кому он мог доверять, поэтому Эль'Джонсон, как часто случалось в прошлом, должен всё сделать в одиночку.

— По твоим словам, я бросил Империум, — тихо произносит Лев угрожающим тоном. — Клянёшься ли ты самым дорогим тебе, что сохранил верность? Что, кому бы ни присягнули твои командиры, именно

ты, Забриил, любил Императора и человечество, а обратился против своих братьев и меня лишь потому, что решил, будто мы предали вас?

Воин не отводит глаза.

— Клянусь.

Эль'Джонсон мешкает, но как он может порицать сына за то, что тот не замечал недостатков командиров, если сам примарх не догадывался об измене собственных братьев, пока не стало слишком поздно? Кроме того, люди вокруг считают Забриила своим защитником, а это хотя бы косвенно указывает на то, что он не отдался той же тьме, которая поглотила еретиков под предводительством Хоруса.

— Нелегко принять твои слова о десяти тысячах лет, — говорит Лев, — но я им верю.

Он поднимается и протягивает руку Забриилу. Это больше символический жест, нежели реальное предложение помочь, ведь космодесантник может встать и сам.

Забриил не шевелится.

— А ты клянёшься?

Примарх хмурится.

— В чём?

— Клянёшься ли ты самым дорогим тебе, что сохранил верность? Что ты, Лев, любил Императора и человечество, а обратился против своих генных сыновей лишь потому, что решил, будто мы предали тебя?

Эль'Джонсон начинает глухо рычать, возмущённый тем, что один из его воинов сомневается в нём, но придерживает язык. Похоже, примарху следует многое узнать, а Забриилу, судя по его хорошо заметному возрасту, наверняка известно гораздо больше, нежели любому человеку на Камарте. Кроме того, Лев не видит смысла воздерживаться от честного ответа из-за одной лишь упрямой гордости, ибо он уже лицезрел, как по её вине Галактику разорвало на части.

— Клянусь, — отвечает Эль'Джонсон.

Забриил хватается за протянутую руку, и примарх поднимает его на ноги. Спустя мгновение Лев замечает, что в глазах космодесантника стоят слёзы.

— Какая же бессмыслица, — бормочет воин себе под нос. — Если там кто-то и предавал, то не те, на кого я думал. Мы сражались друг с другом без причины.

— Забриил, — серьёзно говорит Эль'Джонсон. — Я должен знать, в какой мы сейчас ситуации. Что с Империем? Что с моими братьями? А с

легионом?

Космодесантник невесело усмехается.

— С чего бы начать? Точная дата... определить её непросто даже тому, кто четыреста лет отслеживал течение времени. Император всё так же погребён в Золотом Троне — ну, в это верят Его подданные, а я не могу сказать наверняка. Ему поклоняются как богу.

— Как кому?

Забриил устало пожимает плечами.

— Имперское кредо. Экклезиархия столь же фанатична, как и ублюдочные Несущие Слово в наши дни, вот только сейчас за ней стоит вся мощь Империиума.

Если ты отрицаешь божественность Императора, тебя приговаривают к смерти. Думаю, у большинства космодесантников взгляды на данную тему не столь категоричны, но мне как-то не выпадало возможности поговорить с кем-нибудь из них. Все люди вокруг тебя считают Его богом, а я просто держу своё мнение при себе.

Лев закрывает глаза.

— После Осады Терры я задавался вопросом, стоила ли наша так называемая победа уплаченной за неё цены. Сейчас же я сомневаюсь, что мы вообще победили. — Он вновь открывает глаза. — Как мои братья допустили подобное?

— Их больше нет, — со вздохом отвечает Забриил. — К тому моменту, как варп выплюнул меня, от всех верных примархов остались только воспоминания. Будь уверен, я искал сведения о них, отчаянно пытаюсь найти хоть какую-то связь с моей прежней жизнью, но мне даже неизвестно, кто пал последним или как это случилось. Одни говорят, что они мертвы, другие — что исчезли. Третьи вообще видят в них персонажей мифов и легенд. Теперь Империиумом правят Верховные лорды Терры.

Эль'Джонсон неосознанно сжимает кулаки и стискивает зубы. Он помнит, какое испытывал горе после вестей о смерти Ферруса, Коракса и Сангвиния. Может, лучше разом узнать о гибели всех оставшихся братьев, чем наблюдать, как они умирают или пропадают один за другим?

Возможно, но вряд ли.

— А что с моим легионом? — спрашивает Лев, пытаясь сдержать чувства.

— Реорганизован согласно приказу владыки Гиллимана, — беспристрастно уведомляет Забриил. — Все легионы разбиты на отдельные капитулы. Тёмные Ангелы существуют до сих пор, их около тысячи, но с ними плотно связаны многие ордены-наследники.

— Гиллиман! — шипит примарх, чью скорбь вдруг вытесняет пламенная ярость. — Вечно недоволен работой других! Даже вознамерился улучшить замыслы нашего отца! Напрасно я не разобрался с ним на Макрагге, когда он впервые поднял на меня руку. Ну почему смерть не забрала *его* вместо Сангвиния?

Примарх делает резкий вдох.

— Я должен отправиться на Терру. Если, как ты говоришь, мой отец до сих пор на Золотом Троне, если в Нём ещё теплится жизнь и горит хоть какая-то искра сознания, я увижусь с Ним.

Забриил вновь качает головой.

— Это невозможно. По крайней мере, я так полагаю, — добавляет он, сузив глаза. — Мне же неизвестно, как ты попал сюда.

Лев возвращается мыслями к своему пробуждению у реки. Те леса явно росли не на этой планете, и теперь он понимает, что на самом деле заросли напоминали чащи Калибана. Тем не менее примарх не знает, как он оказался на Камарте — или как «там» вдруг преобразилось в «здесь».

— Для меня это тоже своего рода загадка. Но почему путешествие к Терре невозможно? Человечество больше не может пользоваться варпом? Или все навигаторы вымерли?

— Ничего столь прозаичного, — произносит Забриил. — Разве Сутик и Илин не рассказали тебе, почему народ Камарта впал в такое ничтожество?

Космодесантник указывает на лагерь вокруг.

— Они сказали, что небеса разверзлись и пришли Ублюдки, — вспоминает Лев. — Что всё извратилось, даже сами звёзды, и я сам это увижу, когда зайдёт солнце.

— Достаточно точно, — говорит Забриил. — Закат уже скоро. Если подождёшь, то тебе будет легче понять моё объяснение.

Примарх раздумывает. Чутьё велит ему скорее добыть ещё больше информации, но он уже почти чувствует, как его душа идёт трещинами. Лев потерял сознание в поединке с тем, кого считал братом, а пробудившись, узнал, что минуло десять тысяч лет и все его истинные братья мертвы. Скорее всего, впереди Эль'Джонсона ждут новые откровения, и он прекрасно это понимает. Хороший воин знает пределы своих возможностей. Ко Льву продолжают возвращаться воспоминания, поэтому не стоит ещё сильнее нагружать психику, стараясь переварить историю ста веков за один раз.

Кроме того, существует и другой, более жуткий вариант. Возможно, всё, что происходит с ним, подстроено теми же нечистыми силами, что совратили Хоруса, а теперь хотят истерзать Льва картинами того, как

окончательно рушится мечта его отца. Если так, он не будет торопить события и подождёт, пока не обнажатся изъяны этой иллюзии.

— Мне всё ещё нужен нож, — громко говорит он группе людей, отворачиваясь от Забриила.

Камартцы отшатываются от него, а когда Лев шагает к туше зверя-мутанта, к их страху и трепету примешивается немалая доля неуверенности.

— Вам нельзя есть мясо такого создания, повелитель, — подаёт голос какая-то женщина, после чего кто-то пихает её локтем в рёбра. — Ну, нам нельзя, — нерешительно добавляет она.

— Я не собираюсь есть его, — заявляет Лев.

Примарх шевелит пальцами, а в его разуме просыпаются воспоминания из далёкого прошлого, когда он охотился на Калибане.

Хотя нож слишком мал для его рук, такое незамысловатое занятие, как свежевание добычи, занимает разум Эль'Джонсона и успокаивает его. На клинке нацарапана метка в форме аквилы, и пусть в нынешние времена такой символ считается религиозным, примарх видит в нём только напоминание о своём отце. Он почти не обращает внимания на то, как настроены люди вокруг, хотя чувствует, что некоторые камартцы испытывают страх после его победы над их «защитником». Других же вдохновляет тот факт, что теперь с ними ещё более грозный воин. Лев едва замечает, что солнечный свет, уже приглушённый листвой и стволами деревьев, угас окончательно. Лишь услышав, что к нему подходит Забриил, примарх задумывается, почему так. Да, его глаза гораздо чувствительнее человеческих, но всё же...

Эль'Джонсон поднимает голову и вглядывается в прорехи лесного полога. За свою жизнь он видел толстую ленту Млечного Пути с поверхности множества миров, но сейчас на него с ночного неба злобно взирает нечто совсем иное. По большей части оно зелёное, однако видны и другие цвета, причём некоторые из них не поддаются описанию. Всё выглядит так, будто кто-то ударил по Галактике самым большим из когда-либо созданных топоров и нанёс ей длинную рану, подобную всепожирающей пасти.

— Полагаю, именно это не даст мне добраться до Терры? — спрашивает примарх.

— Да, — тихо отвечает Забриил. — Великий Разлом. Насколько мы знаем, он рассекает надвое всю Галактику, но выяснить это в точности непросто, так как Астрономикан затуманен, а безопасные варп-путешествия неосуществимы, если не считать одиночных прыжков на

несколько световых лет. Астротелепатия тоже крайне ограничена. Мы не в Разломе, но даже тут варп настолько беспокоен, что почти невозможно установить связь на большие расстояния, не говоря уже о том, что это опасно для тех, кто её налаживает.

— Некоторые утверждают, — продолжает он, — что Разлом поглотил остальную Галактику, но я им не верю. Впрочем, должен признать, что у меня нет доказательств в пользу моей точки зрения.

— И вновь Гибельный шторм, или нечто вроде, — бормочет Лев. Вспыхивают воспоминания: звёзды цвета крови, стены демонической крепости толщиной с целые звёздные системы и чудовищный, раздутый силуэт «*Веритас феррум*»... Примарх отгоняет эти мысли. — Итак, мы отрезаны от Терры, а значит, и от центра имперской власти. Варп-путешествия сложны и опасны, как и астропатическая связь. Подозреваю, государство утратило целостность, и этим воспользовались налётчики?

— Верно, — подтверждает Забриил. — И ксеносы, и хаоситы. «Ублюдками» жители Камарта называют боевую банду, которая спустилась на их планету и разрушила её, хотя сами захватчики именуют себя Десятью Тысячами Глаз — у них там мутанты, еретики, сколько-то порченных астартес. Я прибыл в этот мир тайно, ещё до появления Великого Разлома. Тогда здесь размещался гарнизон капитула космодесантников, которых ничего не связывало с Тёмными Ангелами, что усложнило бы охоту моим младшим братьям, если бы они нашли меня. Крепость стала первой целью атаки отступников и не уцелела. Те обитатели планеты, коих не убили и не поработили, теперь живут вот так. Наткнувшись на эту группу, я начал всеми силами защищать их, поскольку не мог ни покинуть мир, ни позвать на помощь. Я даже не знаю, остался ли вообще кто-нибудь, способный помочь.

— Я уже жил так прежде, — говорит Лев. — Разрозненные и отдалённые поселения в окружении лесов и злобных разумных зверей, которые перебили бы нас всех, если бы могли. Забриил, ты терранин, а не калибанец. Знаешь, как я поступил в той ситуации?

— Организовал народ своего мира и истребил зверей, — произносит воин, кивнув. — Знаменитые предания.

Эль'Джонсон глубоко вздыхает.

— И я поступлю так вновь.

Он был Первым, сыном, который делал всё, что от него просили, невзирая на цену. Лев уничтожал кошмары, порождённые Галактикой, подавлял восстания и разрушал миры во имя своего отца. Примарх

действовал так в служении великому замыслу, который сгинул на борту «Мстительного духа», пронзённый когтями Хоруса.

— Собираешься выковать новый Империиум? — спрашивает Забриил.

В ответ Эль'Джонсон глухо ворчит, ибо его до сих пор терзают воспоминания о безрассудстве Гиллимана.

— Нет. Такими способностями обладал лишь мой отец. Теперь же Галактика пылает, моих братьев больше нет, а сам я отрезан от Терры. — Лев ненадолго умолкает. Впрочем, он никогда не страдал нехваткой решительности. — Если все известные мне труды моего отца уничтожены, тогда я должен вернуться к тому, чем занимался прежде. Я буду защищать людей.

Он вытирает нож дочиста и убирает за пояс. На фоне примарха вещь крошечная, но лишь глупец оценивает оружие по размеру.

— Мой отец был завоевателем, и я стал таковым ради Него, но у меня иная натура. Я убиваю врагов, а враги человечества — мои враги. Я не стану требовать от народа Камарта никаких обещаний, и уж точно никакого «поклонения», — это слово Лев произносит со злостью, — но я прикончу их угнетателей. А жители пусть сами решают, следовать ли им за мной.

— Ты собираешься атаковать Десять Тысяч Глаз? — интересуется Забриил.

— Как я понимаю, кто-то из них всё ещё здесь, поскольку люди боятся, что их заметят.

— Так и есть. — Космодесантник отводит взгляд и морщится. — Ну ладно. Если ты желаешь того, я отведу тебя к ближайшему их оплоту.

— Ты будешь сражаться?

Странно спрашивать такое у космодесантника, но и времена нынче странные. Забриил стар и измождён. Кроме того, он по очевидным причинам не может полностью доверять Льву, как и Лев не может полностью доверять ему.

— Я был разрушителем, — отвечает Забриил, всё ещё глядя на что-то, видимое лишь ему одному. — Я искоренял врагов человечества всем, чем располагал наш легион. Теперь же у меня нет ничего, кроме пары болт-пистолетов и цепного клинка, поэтому я не мог вступить в бой с теми отбросами, так как знал, что меня убьют, а эти люди лишатся всякой защиты от рыскающих банд. Но если на войну отправляется Повелитель Первого...

Он вновь смотрит на Льва и встречается с ним взглядом.

— Тогда да, я буду сражаться. Мой повелитель.

VII

Повелитель Первого вернулся. В чём-то он остался точно таким же, каким я его помнил, а в чём-то разительно изменился.

Лица примархов не забываются, за исключением, пожалуй, черт владыки Альфа-Легиона. Помимо самого Льва, я видел четырёх его братьев: Мортариона из Гвардии Смерти, Лемана Русса из Космических Волков, Фулгрима из Детей Императора и Хоруса Луперкаля. Их облик навечно врезался мне в память. Точнее, я запомнил, как они выглядели тогда, в дни Великого крестового похода, ещё до того, как нас изгнали на Калибан. Я понятия не имел, как изменились Хорус, Мортарион или Фулгрим, оказавшись во власти Хаоса.

Лев же *постарел*. Я не знал, почему это случилось, и примарх, судя по всему, тоже: если верить его словам, он ничего не помнит о том, что произошло с ним после разрушения Калибана. Может, по какой-то причине Тёмные Ангелы держали Эль'Джонсона в чём-то вроде несовершенного стазиса? Или же примарх просто спал десять тысяч лет, и так на его организм повлияла сотня прошедших веков? Тем не менее я узнал Льва в тот же миг, как увидел его, невзирая на седину и морщины. Доспех в моих воспоминаниях выглядел иначе, но вот мимика примарха, его повадки и производимое им впечатление — его аура, если вам угодно, — остались прежними. Своего генного отца я бы узнал, даже если бы он носил нищенские лохмотья, а его лицо скрывалось под мешаниной шрамов.

Лев Эль'Джонсон привлекал к себе внимание благодаря своей силе и славе, но отталкивал людей мрачным нравом. Сущность примарха побуждала окружающих преклоняться перед ним, однако его характер удерживал их на расстоянии. При разговоре со Львом тебя посещало внезапное и сокрушительное осознание того, что все твои слова оцениваются и взвешиваются по стандартам сына Императора, ибо тот решал, достойны ли твои речи его внимания и потраченного времени. Он являл собой воплощение сосредоточенности и яростной

целеустремлённости. И неважно, при каких обстоятельствах или почему, но Лев пробудился именно после того, как Галактику рассёк Великий Разлом.

Я никогда не верил в предвестия и знамения, однако от такого совпадения отмахнуться не получалось.

Свой легион я отверг ещё давным-давно, когда другие его воины попытались убить меня по неизвестной мне причине. Вернувшись в материальное измерение, я сотни лет скрывался от параноидальных, злобных и мстительных потомков Первого, носящих разнообразные обличья. Лев более не имел власти надо мной. Даже если бы я поверил в утверждения примарха о том, что жертвой измены оказался он и что его силы атаковали Калибан лишь из-за беспричинного нападения на них самих, этого не хватило бы, чтобы восстановить мою преданность. Я слишком долго пробыл в одиночестве, так привык самостоятельно принимать решения и выживать, полагаясь лишь на своё чутьё, что уже не мог с лёгкостью покориться чужой воле. Да, Лев — мой генный прародитель, но не он сотворил меня. Кроме того, пусть я уже не настоящий человек, но разве не свойственно людям освобождаться от власти родителей, взрослея?

А посему, когда Повелитель Первого объявил, что пойдёт войной на Десять Тысяч Глаз, меня побудило предложить ему помощь не чувство долга, страх, верность или любовь, а нечто большее.

Вера.

Не в религиозном смысле, ведь я всё ещё презирал поклонение Императору как богу, привычное для заблудшего населения Империума. Нет, меня охватило что-то первородное, более глубокое и не столь запретное. Я ощутил, что Лев не просто так оказался именно здесь и именно сейчас. Он вернулся в тот момент, когда не только Империя, но и само человечество столкнулось с величайшей угрозой со времён Ереси Хоруса. Многовато для простой случайности. Я не раз слышал, как шарлатаны и колдуны с псайкерами вещают о будущем, судьбе и предназначении, но только тогда я впервые мог бы сказать, что действительно ощущаю нечто подобное. Я понятия не имел, куда всё это приведёт, но одно знал точно: меня ждёт нечто большее, чем роль одинокого утомлённого воина, что защищает разномастную группу беженцев от угрозы, с которой он не сумеет справиться, если та обрушится на них в полную силу.

В ту первую ночь мы никуда не пошли. С наступлением темноты великие звери лесов становились активнее, и, хотя Лев их не особенно боялся, после нашего ухода лагерь стал бы более уязвим. Кроме того,

возрастал риск привлечь к себе внимание: пока мы подбирались бы к предателям, на нас могли напасть хищники, и тогда пришлось бы обороняться. Лучше выдвигаться днём, когда свет солнца — те лучи, которые пробиваются через полог, — удерживает наиболее опасных лесных обитателей в их логовах.

Я говорю «наиболее опасных», но нужно уточнить, что я нисколько не сомневался: после прибытия Льва титул «опаснейшего» перешёл к нему.

Мы ушли, как только занялась заря. Свой прежний цепной клинок я потерял около трёх веков назад в бою с альдари-ренегатами, а нынешний забрал спустя тридцать лет у одного из воинов капитула со смехотворным названием «Ангелы Искупления», когда обратил их неудавшуюся засаду на меня против них самих. Но вот два моих болт-пистолета модели «Тигрис» служили мне ещё во времена Великого крестового похода и до сих пор не отказывали, несмотря на возраст, хотя боеприпасов оставалось мало. Пока Империиум ещё существовал, даже бродяга вроде меня без особых проблем пополнял запасы болт-снарядов для оружия стандартного образца, ибо всегда находились личности, готовые сбыть нелегальные или подотчётные патроны какому-то великану в плаще и капюшоне. Однако после возникновения Великого Разлома мне приходилось либо обшаривать оружейные, не полностью разграбленные захватчиками, либо забирать боекомплект у тех, кого я убивал, и надеяться, что на нём не слишком много скверны.

У Льва же имелся только нож, который ему дали для свежевания добычи. Его руке не подошло бы ни одно огнестрельное оружие из лагеря — арсенал камартцев в основном состоял из автоматических и крупнокалиберных пистолетов, а также одного древнего и крайне ценимого дробовика, принадлежащего женщине по имени Рина, — к тому же примарх не хотел лишать их оборонительных средств, и без того скудных. Казалось бы, безумно нападать на врага, имея столь плохое оснащение, но я обнаружил, что на удивление спокоен. Рядом со мной шагал примарх Императора, создание, подобных которому Галактика не видела уже тысячи лет, и никто бы лучше не справился с лежащей перед нами задачей.

Камарт входил в число наиболее развитых имперских миров из тех, где мне доводилось бывать, а его население относилось к своим постчеловеческим защитникам и владыкам без преклонения, присущего более примитивным людям. Здесь космодесантников не считали ни богами, ни небесными воителями. Я знал, что размещавшиеся здесь воины происходили из капитула Рубиновых Полумесяцев, и они храбро сражались с превосходящими силами врага. Хотя Камарт служил им всего

лишь аванпостом, местные почитали астартес так, словно жили на родной планете капитула.

Оплот космодесантников, носивший название «крепость Красной Луны», стоял в величавом уединении на вершине Сантика — давно потухшего и частично осыпавшегося вулкана, чьи склоны заросли густыми лесами. Единственная дорога, спускавшаяся с одинокого пика, вела в город Хьюмейские Водопады, который находился примерно в пятидесяти километрах от горы. Мы со Львом не решились выходить на шоссе.

Когда мы забрались на один из кряжей по пути к склону вулкана, примарх остановился и окинул взглядом лес. Даже с такой высоты мы видели только необъятный равнинный пейзаж с единственной природной возвышенностью — горой Сантик. На востоке чащу пересекала могучая река Хьюмея, что тянулась до самого города.

— Беженцы пришли оттуда? — спросил Лев, указывая на Хьюмейские Водопады.

— Да, — ответил я. Город и сам казался неким лесом из кристалфлекса, ферробетона и металла, слабо поблёскивающим в лучах солнца. — Его внешние границы прикрывал ионный щит, который при контакте сжигал любое растительное вещество. Без него чаща захватила бы город в течение года.

— Как теперь и получилось, — заметил примарх.

Силы Хаоса разрушили множество внушительных башен и мануфакторий, но, судя по плотному зелёному покрову, заметному мне даже с такого расстояния, Камарт сам покорял то, что принадлежало ему по праву. Губительные Силы не имели к этому никакого отношения, ибо мир всегда был враждебен к людям. Их непростую жизнь на планете оправдывали лишь два факта: во-первых, из местной флоры добывали ценные химические соединения, а во-вторых, возникали они только в результате естественного взаимодействия между различными растениями, что удерживало Империум от попыток выращивать их промышленным способом. Правящая элита Хьюмейских Водопадов, как и других тропических городов, состояла из тех семей, чьи техномагосы обладали знаниями о самых быстрых и эффективных методах экстракции и очистки.

— Вон те оттенки в пологе, — произнёс Лев, указывая на огромные полосы в зелёном море под нами, имеющие другой цвет. — Они естественные?

— Я не изучал природу этого мира в подробностях, — признался я, — но мне кажется, что нет. Хоть лес и смертоносен, некоторые местные

довольно хорошо его знали. Когда мы передвигались по чаще, они предупреждали нас об участках, которые считали порченными.

— Значит, планета в хватке Хаоса, — пробормотал примарх. — Но он ещё не сжал кулак.

Я ничего не ответил. Для меня изменения флоры Камарта мало чем отличались от того, что я видел кое-где на Калибане, но я не собирался озвучивать эту мысль, чтобы не вызвать гнев Льва. Кроме того, мне подумалось, что в этой схожести есть что-то ещё. Не странно ли, что примарх после долгого отсутствия, стёршегося у него из памяти, неведомым ему самому способом попал в мир, столь родственной планете, где его нашёл Император?

Лев продолжил путь, проскальзывая через растительность с искусностью создания, обитающего в лесах. Я изо всех сил старался следовать за ним и уже тогда понимал, что выбранный примархом маршрут окажется не из простых. Сам бы я в такой местности за считанные секунды оставил бы позади большинство обычных людей, но моим движениям недоставало изящества, ибо я полагался на грубую силу и скорость. Эль'Джонсон же *струился* между деревьев, почти не оставляя следов. Если бы он не подстраивался под мой темп, то уже давно скрылся бы впереди.

— Нам стоит ожидать патрулей? — спросил примарх на ходу.

— Я обычно избегал данной области, но не думаю, что эти отбросы настолько организованны. Иногда они посылают в лес бандитские группы для охоты за выжившими или же просто поджигают и рубят деревья, если никого не находят. Их действия кажутся беспорядочными. Кроме того, — добавил я, — лес питает к ним не больше любви, чем к Империи. Возможно, какую-то часть джунглей затронула настоящая порча, но даже остальная растительность попытается задушить или сожрать любого, кто рискнёт пройти через неё. Ей неважно, кто кому служит, поэтому предатели не разгуливают тут без особой надобности.

— Это поможет застать их врасплох, — произнёс Лев.

Обойдя стороной какой-то клочок земли, он двинулся дальше. Только с самого края той чащобы я разглядел свисающие там лианы-удава, похожие на нити: тонкие, как проволока, но невероятно сильные. При первом столкновении с таким растением меня спасла только удача, так как одна рука оказалась свободна, и я смог воспользоваться цепным мечом.

— У вас есть план атаки? — поинтересовался я.

— Уничтожить их, — ответил Лев, не оборачиваясь. — Я не могу планировать, пока мы не увидим местность. — Примарх ненадолго остановился и оглянулся на меня. — Мой брат Сангвиний часто говорил о

судьбе. Он знал, как и когда умрёт. Я до сих пор едва мирюсь с чем-то подобным, но...

Вздохнув, он полностью сосредоточился на мне. Неожиданно оказавшись в центре внимания примарха, я ощутил тревогу.

— Возможно, удел моего брата был предопределён, тогда как судьбы других — нет, — сказал Лев Эль'Джонсон. — Раз уж на то пошло, у меня точно нет дара предвидения, как у него или презренного Кёрза, но мне не верится, что мы с тобой, Забриил, пережили гибель *планеты* лишь затем, чтобы пасть здесь.

Я с нарочитой невозмутимостью пожал плечами.

— Со смертью я смирился в тот момент, когда стал космодесантником. Я старался избегать её в прошедшие столетия лишь потому, что не видел достойной цели, ради которой не пожалел бы отдать жизнь.

Морщинистое лицо Льва потемнело.

— Мне нет пользы от подобного фатализма. У нас тут не достойная цель, а простая задача, которую нужно выполнить. Я ожидаю, что, когда мы закончим здесь, ты всё ещё будешь жив, Забриил с Терры.

Он развернулся и продолжил подъём по гребню кряжа, ведущего к самому вулкану. Пристыженный, я поспешил за ним, однако слова примарха заронили в самую глубину моего естества непривычное зёрнышко надежды. Лев, по сути, находился один на неведомой ему планете, безо всякого оружия и шансов получить помощь, а противостояли ему враги неизвестной численности и уровня опасности, и всё же он не рассматривал нашу вылазку как нечто вроде благородного последнего боя или задания, имеющего целью нанести максимальный ущерб неприятелю и погибнуть не напрасно. Он воспринимал это как... Что? Начало? Прелюдию к более великим трудам?

За годы, минувшие после того, как варп-шторм исторг меня, я не просто прятался, а изо всех сил старался действовать в соответствии со своей натурой и предназначением, всюду, где только мог, защищая жителей нового нелепого Имперiums от угроз. Некоторые из тех, кто получил мою помощь, понятия не имели, кто или что я такое, а большинству прочих хватало ума не проявлять лишнего любопытства. Так или иначе, мои вмешательства неизбежно оставались малозначимыми. Лев же, судя по всему, обдумывал нечто гораздо более крупномасштабное.

Несмотря на все мои сомнения касательно меня самого, Галактики, в которой мы оказались, и существа, бывшего моим генным отцом, я вдруг понял, что очень хочу узнать, чего он... вернее, мы сумеем достичь.

VIII

Они прошли через разбомбленные участки леса, где орудия косили наступавших врагов. Повсюду вокруг валялись потускневшая броня и изломанные кости мёртвых захватчиков. Судя по количеству останков, огромные силы шли на штурм со всех сторон, но не одним лишь числом они взяли крепость Красной Луны, и не ворота в итоге поддались противнику.

Теперь Лев указывает на тёмную брешь в основании стены, где из воронки, обнажившей твёрдые породы, торчат куски тусклого скалобетона.

— Мелта-бомбы? — спрашивает Забриил. — Их бы потребовалось немало.

— Я видел останки астартес, — мрачно говорит Эль'Джонсон, пригибаясь у отверстия. — Атаковало не просто отребье без нормального оснащения. Правда, точку прорыва потом никто не запечатал.

— Они убили в этом мире всех, кто мог представлять для них угрозу, и чрезмерно уверены в себе, — произносит Забриил. — Те, с кем я сражался в лесу, ожидали только лёгкой добычи.

— Думаю, глупо пытаться лезть на стены или проламывать ворота, когда враг оставил нам такой подарок, — заключает примарх.

Лев надевает шлем, после чего быстро и решительно движется вперёд. Он понимает, что в брешу может ждать ловушка, но желание схватиться с неприятелем сильнее. Кроме того, бдительный и хитрый противник вновь установил бы датчики охраны периметра, вырубил бы лес вокруг, чтобы улучшить обзор со стен, и починил бы искорёженные автоматические турели, которые сейчас взирали на окружающий мир безжизненными объективами. Всё здесь подтверждает слова Забриила, а если отнестись к неприятелю с излишним уважением, можно поплатиться так же дорого, как и недооценив врага.

Эль'Джонсон добирается до пролома и устремляется внутрь.

Вокруг него смыкается тёмный неровный ход сквозь стену шестиметровой толщины, однако Лев перемещается так проворно, что почти сразу выбирается наружу. Его не встречают ни лазерные сети, ни мины, ни гнусное колдовство.

Внутри темно, не считая отблесков света, что проникают извне. По звукам эха примарх догадывается, что помещение огромно, ещё до того, как переключает дисплей шлема на режим для полумрака. Воздух, проходящий через систему фильтрации, несёт резкую вонь прометиевого топлива и машинных масел, а также иные похожие запахи. Значит, захватчики проникли в крепость через ангар для техники, а не через келью какого-нибудь слуги капитула или похожее узкое место, где защитникам было бы легче сдержать их продвижение. Несчастный случай или же злонамеренный умысел?

Эти мысли пролетают в голове Льва за секунду, после чего из брешы за его спиной появляется Забриил с болт-пистолетами наготове.

— Энергии нет, — говорит космодесантник, изучая стены. — Ток здесь по проводам не идёт.

— Тогда движемся дальше, — отвечает примарх, — и сохраняем бдительность на тот случай, если во мраке есть нечто, чьи чувства острее, чем у нас.

Сенсоры его шлема выхватывают из густых теней дверной проём на дальней стороне помещения, и Эль'Джонсон направляется туда. От самих же дверей, разбитых при штурме, сохранились только покорёженные обломки.

В коридоре за ангаром воины впервые находят трупы внутри крепости. Пиктеры шлема, работая на пределе возможностей, показывают Льву лишь очертания мертвецов: в основном это обычные люди, хотя у многих видны внешние особенности, выходящие далеко за рамки стандартного человеческого облика. Переключившись на инфракрасный режим, Эль'Джонсон видит едва заметное свечение микроорганизмов, которые выделяют ничтожно малое количество тепла, разлагая остатки плоти. Примарх идёт по этому люминесцентному следу.

Цитадели, возводимые астартес, никогда не имели стандартной планировки, и даже в ином случае знания Льва Эль'Джонсона о ней устарели бы на тысячи лет, однако при его умении ориентироваться на местности это неважно. Направляясь к центру крепости, он верно выбирает каждый поворот, ведущий туда. Забриил же не отстаёт. Лев слушает дыхание своего генного сына по вокс-каналу с того момента, как они настроили связь перед выходом из лагеря, и радуется тому, что оно

ровное и размеренное. Космодесантник не терзается опасениями, но и не объят желанием предаться насилию.

Затем они видят свет.

Судя по всему, где-то в крепости ещё подаётся энергия. Мрак, в котором продвигаются оба воина, пронзают длинные лучи, льющиеся через один из дверных проёмов. Подобравшись ближе, примарх ждёт. Пусть силы Хаоса и не вполне предсказуемы, логично предположить, что те, на кого охотятся Лев и Забриил, будут собираться в местах со светом и энергией. Более того, на озарённом участке нет мертвецов, а значит, нынешние обитатели крепости унесли тела из тех пространств, где расселились сами, хотя на полу до сих пор видны старые кровавые следы.

— Повелитель, вы заметили, что пока нигде нет трупов космодесантников? — субвокализирует Забриил по воксу, и слова попадают прямо в ухо примарха. — Если защитники не понесли потерь на всей этой территории, то не очень понятно, как их вообще оттеснили.

Лев морщится.

— Полагаешь, их тела убрали?

— Как минимум сняли с них всё снаряжение. Вполне возможно, изуродовали и... употребили... в тех или иных целях.

Примарх сдерживает рык. Воины из этой крепости не были его генными сынами, но мысль о таких порочных деяниях всё равно вызывает гнев. Поэтому, когда он слышит шарканье и видит в освещённом коридоре какое-то создание с лысой головой, выступившее из дверного проёма рядом с затаившимися бойцами, то ждёт лишь мгновение, прежде чем зайти ничего не подозревающему существу за спину.

Это человек в простых тёмно-красных одеяниях с символами, на которых не хочется задерживать взгляд, среднего роста и обычного телосложения. Секунду примарх обдумывает, убить ему жертву быстро и тихо или сначала допросить.

Культист принимает решение за Льва, когда на его безволосом затылке открываются два глаза, а сразу же следом — широкий рот в основании черепа. Оттуда вываливается длинный синий язык, после чего раздаётся пронзительный крик, который воспринимается не только слухом, но и чем-то ещё.

Шагнув вперёд, примарх резко бьёт кулаком. Голова культиста разлетается на мелкие кусочки, его тело падает на пол, однако вопль продолжает звучать, причём гораздо дольше, чем обычное эхо. С того направления, откуда пришёл убитый, доносились какие-то шорохи, но теперь они быстро сменяются грохотом сапог. Кроме того, слышны звуки,

указывающие на более мерзостные способы передвижения, а также громкие крики, гиканье и нечленораздельная речь.

— Прикрой мне спину, — говорит примарх Забриилу.

Эль'Джонсон предпочёл бы продвинуться ещё дальше, не вступая в открытый бой, но убийства из теней всегда больше шли Кораксу.

Враги мчатся вперёд и целиком заполняют собой коридор, будто грязные воды бурного паводка. Лев видит рогатые головы, розовую кожу, чешую, несколько хвостов, раздвоенные копыта и другие, бесконечно разные и безумные изменения. Сами основы человеческих генов здесь растянуты далеко за пределы разрыва. Зрение культистов хуже, а умственные процессы идут медленнее, чем у примарха, поэтому он даёт им лишнее мгновение, дабы существа осознали, на что именно собираются напасть.

Создания из первого ряда — очень неровного — замечают Эль'Джонсона и замедляются от ужаса, но Лев уже врывается в толпу.

Он разит врагов подобно молнии, каждый его удар несёт смерть: кости дробятся, черепа раскалываются, туловища лопаются, а конечности отрываются с брызгами крови или ихора. Противники атакуют примарха каким-то оружием, но если изредка и попадают, то лишь задевают доспех. Оболочка из тёмного керамика без труда отражает мелкокалиберные пули автопистолетов, зубчатые клинки для свежевания и шипастые дубинки.

Позади время от времени грохочут болт-пистолеты Забриила. Разрушитель подчищает за Львом, добывая тех немногих, кто не становится жертвой гнева Эль'Джонсона и либо стремится напасть на примарха со спины, либо пытается проскочить мимо него, ибо путь назад преграждают их соратники.

Полчищу культистского отребья хватает где-то пяти секунд резни, чтобы понять: их численности не хватит для победы над тем, с чем они столкнулись. Когда те, кто оказался прямо на пути Льва, пробуют убратся от него подальше, паника начинает распространяться и на задние ряды. Оголтелые отбросы осознают, что бойцы спереди не покончат с угрозой вместо них, и тогда толпа старается развернуться в обратном направлении, что не меняет намерений Эль'Джонсона. Он искоренит всю порчу перед собой, и неважно, нападают враги на примарха или бегут от него.

Кому-то удаётся удрать. Это неизбежно. Культистов слишком мало, чтобы одолеть Льва, но достаточно, чтобы те, кто находился в задних рядах группы, успели спастись, пока Эль'Джонсон расправляется с остальными.

Повелитель Первого останавливается, ибо вокруг больше нет врагов. Его сабоны и наголенники покрывает кровь, также стекающая с

предплечий и кистей.

А ещё он тяжело дышит.

Ненадолго запустив цепной клинок, Забриил приканчивает тех, кого Лев смертельно ранил.

— Вижу, вы всё так же губительны в бою, повелитель, — говорит он, вновь глуша мотор.

— Если бы так, — бормочет Лев Эль'Джонсон.

Да, он одолел орду и сокрушил тела культистов, ни разу не оказавшись в опасности, но теперь, в отличие от схватки с хищниками в лесу, он способен сравнить эту стычку с прежними сражениями.

И понять, что тогда ему приходилось легче.

Строго говоря, различия почти незаметны. Примарх движется чуть медленнее, его удары утратили толику мощи, а выносливость, кажется, слегка уменьшилась. Хотя Лев уже готов к новой схватке и мог бы часами биться против таких врагов, он сам чувствует разницу.

— Тут на меня действует какая-то хворь, — говорит Эль'Джонсон. — Мне почему-то недостаёт проворства. Кёрз бы уже содрал плоть с моих костей, — полушёпотом добавляет он, когда в воспоминаниях мелькает хихикающий фантом его брата с волосами цвета воронова крыла.

И Лев не сомневается: даже если Кёрза давным-давно постигла та судьба, которую сам Конрад увидел тысячи лет назад, в Галактике до сих пор встречаются угрозы не менее опасные, чем Ночной Призрак.

В голове примарха возникает новая мысль.

— Забриил, а мои... *другие* братья тоже мертвы?

— С ними всё ещё менее понятно, чем с теми, кто принял сторону вашего отца, — отвечает разрушитель. — По большому счёту, Империиум забыл о них, но ходят разные слухи. В некоторых кругах, где я вращался, царила твёрдая уверенность в том, что примархи-предатели по-прежнему более чем реальны. Впрочем, Империиум в любом случае сделал бы вид, будто это не так.

Лев поджимает губу. Он ощущает идущие сквозь столетия отголоски влияния Малкадора, который пытался управлять чувствами и помыслами всех людей, беспрестанно хлопоча на периферии великой мечты Императора. Опять же если вести речь о секретах, то и прошлое самого Эль'Джонсона не назвать безупречным. Возможно, старик просто делал то, что считал правильным.

— Но, — продолжает Забриил, — величайшая внешняя угроза Империиуму — это, наверное, Абаддон.

Примарх с любопытством смотрит на него.

— Эзекиль Абаддон? Первый капитан Сынов Хоруса? Он ещё жив?

— Судя по тому, что я слышал, даже если учесть, что это пропаганда и неточные описания, он сравнялся в могуществе с любым из примархов, — говорит разрушитель. — Недавно Абаддон разрушил Кадию.

— Известный имперский мир-крепость рядом с Оком Ужаса, — добавляет воин, заметив, что Лев непонимающе смотрит на него.

Тот усмехается.

— Ну, я подумаю о блудном сыне моего брата, если наши с ним пути пересекутся, а сейчас у нас с тобой более насущные заботы. Сомневаюсь, что мы повстречали единственных обитателей этого места.

IX

По мере того как они продвигаются дальше, признаки осквернения цитадели становятся всё более очевидными. Ранее Лев гневался при виде неубранных и гниющих тел почитателей Хаоса, но отлично понимал, что их просто бросили в неиспользуемых помещениях, где мертвечина никого не беспокоила. Теперь же стены вокруг воинов покрывают различные символы: сначала им попадалась лишь непристойная мазня, следы мелочного вандализма, но дальше каракули постепенно сменяются аккуратными, чуть ли не изящными письменами. Тем не менее на них сложно сосредоточить внимание.

Свернув в очередной коридор, Эль'Джонсон борется с непривычным ему чувством — головокружением, которое волной накрывает примарха. Его разум не желает полноценно изучать такое окружение, что мешает ориентироваться. Положение дел ухудшает низкое, стонущее гудение, что исходит непонятно откуда. С тех пор как Лев впервые его услышал, сила странного звука ничуть не изменилась: он не громкий, однако вытесняет все прочие шумы. Примарх тянется к шлему, чтобы снять его, но Забриил хватается господина за руку.

— Лучше не надо, повелитель. Возможно, тут что-то есть в воздухе.

В глотке Льва зарождается рык, однако он не сбрасывает руку разрушителя. Эль'Джонсон знает, как варп может проникнуть в разум, а у Забриила, вероятно, больше опыта в таком аспекте, если вспомнить, сколько веков он провёл в этом невиданном тёмном тысячелетии. Когда-то Лев положился бы на свой организм, решив, что тот справится с любыми вредоносными элементами и ядами, но теперь ему известно, что у некоторых угроз нематериальная природа.

— Считаваю высокие энергетические показатели, прямо впереди, — добавляет Забриил. — Если нельзя доверять запахам и звукам, к врагу нас может привести электроэнергия. В крайнем случае мы повредим то, на что противник подаёт мощность, и тем самым выманим его.

Лев с готовностью шевелит пальцами, а затем переключает дисплей шлема в инфракрасный режим. Писанина на стенах исчезает из поля зрения, а вместе с ней ослабевает и дезориентация, хотя гудение не меняется.

Не встретив никакого сопротивления, они добираются до пары взрывостойких дверей с обильной гравировкой, которые вдвое выше Льва. Вернув режим обычного видения, примарх изучает рисунок: фигура в длинных одеждах, крылья и сжатый в руках меч.

— Сангвиний, — бормочет Эль'Джонсон.

Однако гигантское изображение его брата осквернили, скрыв благородный лик под черепами, взятыми у космодесантников. Мёртвые головы каким-то способом погрузили в металл, а на створках вырезали гнусные символы, похожие на искажённых скачущих зверей. Картина, некогда чествовавшая генного отца воинов, стала вычурной и уродливой, но наибольшую тревогу вызывает то, что она будто бы истекает кровью. Ненадолго включив тепловидение, Лев видит, что жидкость, льющаяся наружу, имеет температуру человеческого тела.

Впрочем, система управления дверями, похоже, не повреждена. Лев оглядывается через плечо.

— Держись позади меня, пока мы не узнаем, с чем имеем дело, — говорит он Забриилу, после чего запускает процесс открытия дверей.

Приходя в движение, створки издают протяжный вопль: возможно, так напряжённо стонут повреждённые механизмы, хотя гораздо больше звук напоминает далёкий голос, полный боли. Когда две половинки расходятся, между ними провисают и растягиваются полупрозрачные нити, как будто поверхности уже начали срастаться. Затем они с треском лопаются и грузно шлёпаются о металл, после чего раздаётся негромкое шипение.

Пространство за порогом окутано полумраком и плотной пеленой испарений. С одной стороны заметно болезненное желтовато-зелёное свечение. Гудение здесь громче, и из темноты доносится резкий голос:

— А вот и он — Несовершенный Рыцарь. Разве я не говорил тебе?

Тон и тембр характерны для космодесантника, но за словами не следует нападения. Более того, складывается ощущение, будто незнакомец не уверен то ли в самом присутствии Льва, то ли в его личности или сути.

— Ты ждал меня? — вопрошает примарх, входя внутрь. — Покажись.

Он перебирает режимы видения шлема, а его ауспики наведения вычленивают из мрака и другие силуэты. Тут же раздаётся уже иной голос, в котором звучат холод и беспощадность межзвёздного пространства.

— Какому повелителю ты служишь? — требовательно спрашивает тот.

Все они находятся в обширном помещении, которое, как предполагает Лев, служило стратегиумом размещавшимся здесь астартес. Очевидно, во время битвы за цитадель зал получил серьёзные повреждения, так как многие стены испещрены воронками от попаданий или паутинами трещин. Примарх не видит никакого знакомого оборудования: ни гололитов, ни когитаторных блоков. Вместо них змеятся по полу толстые, влажно блестящие кабели, подсоединённые к огромному прозрачному резервуару с жидкостью, который находится возле одной из стен. Именно от него исходит свечение, что позволяет рассмотреть созданий, стоящих перед баком.

Семеро космодесантников, все порченые. Пятеро, судя по всему, составляют разномастное отделение. Они вооружены болт-автоматами, а знакомые очертания их силовой брони нарушаются то рогом тут, то раздутой, бесформенной конечностью там. За ними стоят ещё двое: один, высокий воин в длинном облачении, держит зазубренный меч, а плечи другого кажутся неестественно крупными даже для постчеловека в доспехе. Эль'Джонсон не сразу понимает, что он носит шкуры животных как плащ. Во мраке не видно никаких знаков различия, но примарх замечает, что на латах повторяется узор в виде широко раскрытых золотых глаз.

Что ещё важнее, они пока не знают, враг он им или друг. Для них Лев всего лишь гигант в незнакомой чёрной броне, и, хотя на его нагруднике красуется крылатый меч Первого легиона, похоже, в нынешние времена этот символ не столь однозначен.

Лев Эль'Джонсон никогда не стремился вызывать у людей трепет, да и не следил, благоговеют ли перед ним, но он знает, что сама природа примарха зачастую вызывает у окружающих подобные чувства. Он пытается воспользоваться этим и сосредоточить их внимание на себе, одновременно сокращая дистанцию.

— Я служу лишь самому себе, — заявляет примарх. — А кого *ты* зовёшь повелителем?

Он хмурится, ощутив нечто странное: мозг будто оплетают паутиной.

— Его разум словно клинок, — тихо говорит высокий космодесантник.

Эль'Джонсон презрительно кривится.

— Прочь из моей головы, ведьмовское отродье! — рычит примарх, даже не пытаясь скрыть агрессию или отвращение.

Пять воинов, державших болтеры книзу, резко поднимают оружие и целются в него, но Лев не замедляет шаг. Ещё немного, и он подойдёт достаточно близко, а врагу неведомы его возможности.

— Не двигаться, — велит ледяным голосом тот, что в мехах.

Примарх игнорирует его с той же беспечностью, с какой не обратил бы внимания на любой приказ от какого угодно космодесантника. Те, кто жаждён до власти, прежде всего хотят, чтобы им подчинялись, поэтому будут повторять свои требования и затягивать с командой на открытие огня просто потому, что мертвец не сможет выполнять их указы.

— Я сказал...

Лев бросается в самый центр стрелковой цепи.

Когда он сталкивается с воинами, от силы удара двое из них валятся с ног, и по залу разносится грохот керамитовой брони. Коснувшись пола левой рукой, примарх поворачивает туловище и приземляется на обе ноги, после чего, используя оставшийся импульс, вздымает одну из жертв над полом и швыряет её в колдуна ещё до того, как тот успел бы отреагировать.

И вот тогда бой начинается по-настоящему.

Пусть его противники не примархи, но они — космодесантники, чья скорость реакции во много раз выше, чем у людей. Два снаряда рикошетят от наспинного блока и левого наплечника Льва. Примарх бросается назад, рассчитывая, что враги невольно выстрелят друг в друга, но те слишком дисциплинированны. Один из них всё же дёргается и падает, но болты врезаются в него с иного направления.

Из мрака вырывается Забриил, на бегу паля из болт-пистолетов, а Лев, не теряя ни мгновения, впечатывает кулак в лицевую пластину кого-то из предателей. Керамит раскалывается, и сила удара отбрасывает воина, однако другой уже рвётся вперед, вытянув руку. Пальцы его латной перчатки либо сами превратились в когти, либо каким-то образом слились с извратившейся плотью под бронёй. Поймав отступника за запястье, примарх вновь поворачивается, потянув его за собой, и раскручивает врага, как палицу. Тот космодесантник, которого Лев повалил наземь, но не метнул в чернокнижника, поднимается, однако тут же вновь валится на пол, сбитый с ног телом соратника. Забриил, пробежав мимо своей первой жертвы, с громким кличем бросается на колдуна. Цепной меч воина, столкнувшись с силовым клинком, выбрасывает пучок искр, рыча движущимися зубьями.

— Довольно! — грохочет командир, устремляясь на Льва.

Оголовье громового молота в руках вожака с треском оживает: оружие готово высвободить энергию, способную сокрушать броню. Примарх замечает его приближение, видит начало замаха и затем резко бьёт ребром ладони.

Он попадает в точку прямо под оголовьем. Общая сила выпада Льва и атаки лорда Хаоса такова, что рукоять с треском переламывается. Оголовье отлетает в сторону, а астартес-предатель, потеряв равновесие из-за того, что его удар не встретил ожидаемого сопротивления, врезается в примарха. Тот хватается его за меха и подкидывает вверх. Когда изменник, не привыкший к такому обращению, начинает падать, размахивая руками и ногами, Эль'Джонсон ловит врага и обрушивает его на колено. Раздробив вожаку броню и сломав спину, Лев сбрасывает его на пол.

Раздаётся крик Забриила.

Подняв взгляд, Лев видит, как колдун облучает Тёмного Ангела адским светом, что исходит из глазных щелей его шлема. Примарх подхватывает с пола чей-то болтер, ломает предохранительную скобу, чтобы положить палец на спусковой крючок, после чего стреляет в спину чернокнижника. Болты попадают точно в цель: неприятель пошатывается, теряет концентрацию, и его чары рассеиваются. Придя в себя, Забриил замахивается цепным мечом. Это оружие создано, чтобы прогрызать плоть и лёгкую броню, а не керамитовые пластины, но разрушитель наносит удар под идеальным углом и попадает в шейное сочленение. Предатель начинает дёргаться, а из-под мономолекулярных зубьев, впивающихся в тело, струями хлещет кровь. Забриил нажимает рукой на заднюю кромку цепного клинка, стремясь ещё глубже погрузить оружие и обезглавить противника.

Лев отбрасывает болт-автомат — он брал оружие латными перчатками, но даже после недолгого контакта с ним чувствует себя грязным. Наступив на предателя в расколотом шлеме, Эль'Джонсон крушит его череп. Следом на пол со стуком падает отпиленная голова колдуна. Значит, мертвы уже трое. Остальные ещё бьются, но все они ранены, да и примарх чувствует их замешательство. Враг не был готов к встрече с ним.

Затем воздух в помещении характерно подрагивает и сверкает. Во вспышке телепортации возникают две огромные фигуры.

Когда-то они были космодесантниками, однако теперь раздулись настолько, что их происхождение почти неузнаваемо. Чудовищная плоть прорвалась наружу между пластинами доспехов и срослась с ними. На обнажённых участках кожи извиваются жилы, пульсирующие гнусной энергией, а сами создания буквально покрыты искажённым оружием, которое торчит из их тел, будто наросты. Похоже, прежние размеры сохранили лишь головы, ныне утопленные в груди плоти и мышц, что показалось бы комичным, если бы существа в целом не выглядели такими смертоносными.

Лев инстинктивно тянется к оружию, которого у него нет. Он тратит всего полсекунды, но этого достаточно для его новых противников, не имеющих таких проблем.

В грудь Эль'Джонсону попадает ракета. Свет и шум детонации неописуемы, в них тонет весь мир. Ударная волна, отбросив примарха назад, вбивает его в стену с такой силой, что та трещит, и в ушах начинают вопить предупреждения доспеха, однако едва полёт Льва прерывается, как его настигает целый шквал снарядов — не самого крупного калибра, но всё равно опасных. Повелитель Первого бросается в сторону, пытаясь уйти от града огня, но через завесу из тревожных символов на дисплее шлема словно бы проступает жуткий исполин, который бьёт примарха кулаком размером с ящик для боеприпасов.

Теперь Лев не просто врежется в стену позади себя, а пробивает её. На пол сыплются куски ферробетона, и один из них попадает по шлему примарха, пока тот старается встать. Всё завлакивает пыль. Ударившее его чудовище издаёт рёв, полный звериной ярости, после чего бьёт по стене, желая расширить дыру и пролезть вслед за Эль'Джонсоном. Всего в нескольких метрах от примарха раздаётся оглушительный взрыв, указывающий на то, что второй монстр решил проложить себе путь орудиями.

Лев откатывается прочь с нынешней линии огня и пытается критически оценить ситуацию. Его доспех треснул, а судя по показаниям шлема, состояние наспинного блока станет критическим, если примархом проломают ещё одну стену. Инстинкты велют создать разрыв между ним и кошмарными преследователями, но у Эль'Джонсона нет дистанционного оружия, чтобы сражаться в таких условиях. Если же он останется рядом с ними, то не будет иметь укрытия от выстрелов в упор, к тому же не выйдет из зоны досягаемости их неимоверно могучих рук. Скорее всего, Лев справился бы с одним из них, хотя колдовской недуг по-прежнему впивается в него когтями, однако враги уже показали, что способны действовать совместно. Примарх оглядывается вокруг, ища что-нибудь, способное уравнять шансы, и тогда в его сердце внезапно рождается надежда. Хотя это помещение повреждено ещё серьезнее, чем зал, откуда Льва только что выкинули — так свирепо, что задняя стена уже целиком развалилась, — Эль'Джонсон понимает, что попал в оружейную.

Конечно же, её разграбили, но всегда есть шанс, что налётчики вынесли не всё. Лев протискивается между оружейными стойками, высматривая хоть что-нибудь полезное. Арсенал сотрясается от взрыва — это гнусные орудия одного из почитателей Хаоса извергли зажигательный заряд и пробили во временном укрытии примарха дыру почти метрового диаметра.

Эль'Джонсон продолжает поиски, не поднимая головы. Хотя любой астартес постоянно держит своё оснащение при себе, оружейную явно создали не просто так: здесь хранились боеприпасы, запасное снаряжение, более специализированные или эзотерические образцы, а также расходные средства поражения вроде гранат, чтобы космодесантники при необходимости пополняли личные запасы.

Обнаружив магазин с болт-снарядами, Лев забирает его на тот случай, если затем найдёт, во что его вставить. Затем он видит нечто, наполовину прикрытое упавшим куском потолка, и хватает объект. Конструкция ему не совсем знакома, но, судя по всему, за десять тысяч лет осколочные гранаты изменились не сильно.

Одно из чудовищ Хаоса, тяжело ступая, входит в поле зрения Льва. Левая нога монстра до сих пор защищена порченным керамитом, но вот правая, толщиной с грудь обычного космодесантника, полностью оголена. Эль'Джонсон выдёргивает чеку, после чего без труда совершает точный бросок: граната падает прямо под опускающуюся правую ступню предателя и детонирует.

Изменник испускает вой, звучащий так, словно он исходит из чего-то металлического, а не органического. От взрыва чудовище теряет равновесие, и выстрелы, направленные в примарха, уходят вбок, пробивая ещё больше дыр в уже и так пострадавших оружейных стойках. Лев бежит в другую сторону, но в конце ряда дорожку ему внезапно преграждает второй мутировавший предатель. Рука космодесантника Хаоса извергает огонь, и Эль'Джонсон, прыгнув вперёд, скользит по полу. Там, где мгновением раньше находилась его голова, полыхает черноватое пламя.

Лев поднимается на ноги уже возле отступника. Возможно, монстр и обладает невероятной силой, но его огромное тело не полностью прикрыто бронёй, поэтому примарх вбивает кулак в незащищённые рёбра. Ощущение такое, словно он ударил по стали. Вот только Эль'Джонсон действительно бил по ней в прошлом, и тогда металлу пришлось хуже, чем ему. Исполин пошатывается, и примарх, не упустив такую возможность, вырывает из его тела оружие. Брызжут кровь, машинное масло и другие, более неприятные жидкости.

Из плеча чудовища тут же вырастает новый окровавленный ствол с дульным срезом в форме разъявленной демонической пасти, который направлен Льву в лицо. Примарх успевает уклониться, и мелта-струя не сносит ему голову, но из-за этого он открывается для атаки и попадает под гигантский кулак. Извернувшись, Эль'Джонсон немного смягчает удар, однако его всё равно подбрасывает над полом. Упав, он вскакивает на ноги и в отчаянии швыряет во врага магазин с болтами. Следующим выстрелом

тварь испаряет предмет в полуметре от своей же морды. Боеприпасы детонируют, и создание пошатывается из-за мощного взрыва. Лев отступает, пока противник не пришёл в себя.

Так вот что такое Хаос? Вечно меняющаяся и преобразующаяся угроза, которая искажает всё знакомое и переделывает его таким образом, чтобы оно выдерживало даже самые мощные удары? Примарх всё так же твёрдо намерен покончить с мерзкими отродьями, но ему нужно что-то получше ножа.

Дойдя до конца оружейной, Лев, за неимением лучших вариантов, пробирается в помещение за ней. Оно поменьше, и здесь висят знамёна, которые, судя по всему, отмечают выдающиеся битвы или же великие подвиги, хотя все стяги осквернены тем или иным способом. Однако даже среди подобного варварства ощущаются безмятежность и благоговение. У комнаты нет какого-то функционального назначения, как в случае со стратегиумом или арсеналом, но именно сюда Рубиновые Полумесяцы приходили медитировать.

Что-то проносится рядом с головой Льва, и одно из знамён на дальней стене поглощает ползучий огонь. Изменники в оружейной приближаются, заходя с обеих сторон. Эль'Джонсон может либо остаться и сразиться с ними, либо попробовать выйти через дверь справа и вновь отступить. Второй вариант уязвляет его гордость, но примарх до сих пор не нашёл ничего, что изменило бы ход боя в его пользу.

Забриил всё ещё где-то там, позади. В схватку его привела вера в примарха: вера, что перевесила четыре столетия ненависти и злобы. Он — единственный сын Льва, о котором тот знает на данный момент, и примарх не бросит разрушителя на погибель.

Огонь бушует, пожирая всё, чего касается, и помещение затягивает дымом, однако сенсоры в шлеме Эль'Джонсона не регистрируют частицы пепла или атомы углерода. Напротив, воздух вокруг него становится всё более влажным. Серая завеса, клубясь перед его глазами, ненадолго заволакивает подступающих врагов. Два обломка расколотой стены прямо передо Львом выглядят почти как стволы деревьев, а низкий полог их ветвей словно бы заменяет собой потолок над его головой...

Разбитые куски стройматериалов под ногами не меняют очертаний, но теперь примарху видится, что их перекрывает голый камень. Куча обломков перед Львом превращается в гладкий и влажный валун, а затем его взгляд привлекает какой-то блеск. Это не отсветы на грубой поверхности ферробетона или на тусклых арматурных стержнях. То гудение в ушах исчезло, на смену ему пришла сладкозвучная песнь.

Лев тянется вперёд, и его латная перчатка смыкается на рукояти меча.

Крепко сжав её, примарх тянет на себя. Какое-то мгновение клинок держится внутри валуна, но затем выскальзывает с едва слышимым шорохом металла, трущегося о камень.

Это прекрасный силовой меч, идеально подходящий Эль'Джонсону по размеру. На гарде, простой крестовине, виднеется изображение миниатюрной версии самого клинка с крыльями по бокам: то символ Тёмных Ангелов, герб, принятый Львом и для себя самого.

Большим пальцем он нащупывает шпенёк включения. Батарея питания заряжена, поэтому расщепляющее поле с треском окутывает клинок и мгновенно испаряет едва заметный туман, что цеплялся к мечу.

Лев улыбается, а лес — то ли иллюзорный, то ли реальный, то ли нечто среднее — плавно исчезает. Вокруг примарха вновь резко очерчиваются силуэты повреждённых в бою стен, и воздух заполняется дымом, сквозь который к нему шагают две огромные тени.

Эль'Джонсон бросается в атаку.

Внезапная смена тактики застаёт порченных астартес врасплох, и выстрелы одного из них проходят мимо, пусть и совсем рядом с примархом. Повелитель Первого же мчится к тому, под чьей ногой взорвалась граната. Чудовище гневно ревёт и пытается вновь навести оружие на стремительно приближающегося врага, однако Лев, гонимый вперёд своей целью, слишком быстр, и теперь у него есть зубы. Клинок проходит сквозь правый локоть почитателя Хаоса, и гигантский кулак с грохотом падает на пол, после чего Эль'Джонсон с разгона таранит создание плечом. Шатаясь, оно врезается спиной в стену.

Повинуясь чутью, Лев пригибается, и выпущенный другим предателем снаряд, пролетев над головой примарха, попадает точно в грудь раненому чудовищу. Выпрямившись, Лев всаживает силовой клинок в воронку от разрыва, пока рана не исцелилась благодаря нечестивому метаболизму, разрубает хребет и прикалывает существо к стене. Затем примарх разворачивается, одним движением вырывая меч и разрезая ещё больше внутренних органов. Другой еретик словно бы совершает контрольный выстрел, когда очередной его шальной снаряд взрывается в черепе выпотрошенного великана.

Сорвав с пояса нож для свежевания, Лев метает малый клинок во врага, и тот, со свистом рассекая воздух, вонзается монстру в глаз. Бывший космодесантник воет от боли, но его муки прекращаются мгновением позже, когда примарх, подступив вплотную к чудовищу, пронзает его силовым клинком и дёргает оружие вверх. Энергетического поля меча и силы Повелителя Первого хватает, чтобы разрубить верхнюю половину тела и развалить череп надвое. Труп падает к ногам Льва.

Пару секунд примарх тяжело дышит, затем поворачивается и бежит обратно в стратегиум через оружейную. Он появляется как раз вовремя, чтобы увидеть, как Забриил борется с последним изменником, ещё стоящим на ногах. Наклонив один из своих болт-пистолетов, воин дважды стреляет в шлем предателя с расстояния менее полуметра. Потом он смотрит на Льва и, судя по тому, как опускаются плечи разрушителя, испытывает облегчение.

— Что это были за твари? — спрашивает Забриил.

— Теперь они мертвы, — отвечает примарх, — а больше ничего не важно.

Командир в мехах, чью спину сломал Лев, всё ещё дёргается. Забриил подступает к нему и целится в голову.

— Стой! — командует примарх. Подойдя к покалеченному врагу, Эль'Джонсон опускает на него взгляд. — Твой колдун убит. Что ещё мне сделать, дабы избавиться от ослабляющей меня хвори?

— *Ослабляющей* тебя? — шипит предатель. Его дыхание затруднено и прерывисто, но спустя мгновение Лев понимает, что он смеётся сквозь боль. — Ты перебил моих лучших воинов и сломал мне спину, будто я дитя. Что же ты за создание, раз считаешь себя ослабленным, пока творишь подобное?

Лев поднимает руки и снимает шлем. Может, космодесантник знал лицо примарха раньше, а может, и нет, — это не имеет значения, как и то, что Эль'Джонсон рискует, вдыхая здешний воздух без фильтров. Сейчас владыка Калибана заявит о себе впервые за десять тысяч лет, и он не станет говорить из-за керамитовой лицевой пластины.

— Я — Лев Эль'Джонсон, примарх Тёмных Ангелов и сын Императора.

Глаза еретика округляются, и в них нет ни сомнений, ни отрицания. Впрочем, затем он улыбается, скаля неровные заострённые зубы.

— Нет никакой хвори, *мой повелитель*. Вы просто постарели.

Примарх взирает на него ещё секунду, а потом отворачивается. Беспримесная истина опалает так, что Льву тяжело дышать.

Болт-пистолет Забриила говорит последнее слово, и в зале воцаряется тишина.

Х

За мной охотились столетиями.

Всё это время я обходился без настоящих союзников. Откуда им взяться у космодесантника-изгоя вроде меня? Мой легион стал многогранным и, по сути, неузнаваемым, а все его отпрыски проявляли ко мне открытую враждебность. Лев, каким бы грозным он ни выглядел, хотя бы понимал, что, возможно, некоторые из нас — тех, кого сослали на Калибан, — не ведали истины о событиях Разрушения или не знали о том, кто именно начал конфликт. Нынешние же Тёмные Ангелы и их родичи не были способны постичь такие нюансы.

Я бы нигде не обрёл соратников. Простые люди Империи могли относиться ко мне с уважением, восхищением и даже благоговением, но космодесантник привлекает внимание, причём официальное, то есть совершенно непозволительное для меня. Без доспеха я провёл времени больше, чем в нём, ибо чаще доверял свою защиту частичной анонимности, нежели керамиту. Подобных мне я встречал дважды: первого воина переполняла злоба, и он вредил самому себе, поэтому наши с ним пути быстро разошлись, а второй с головой ушёл в занятия, с которыми я не мог мириться. Тогда мне думалось, что его действия объясняются долгим пребыванием в изоляции, но, вполне возможно, его поклонение началось ещё на Калибане.

Четыреста лет я чаще убегал от схваток, чем вступал в них, и лишь изредка становился зачинщиком. Временами даже примыкал к изменникам, прикрываясь ложными намерениями ради собственного выживания, однако, прежде чем покинуть предателей, неизменно делал всё возможное, чтобы помешать им достичь их целей. Так или иначе, прошли целые века с тех пор, как я в последний раз сражался на службе Империи плечом к плечу хотя бы с одним боевым братом, не говоря уже о примархе моего легиона.

Мне этого не хватало. Война — вот истинное предназначение космодесантника, и я не сомневался, что, каким бы ни стал Империи, те искажённые создания, против которых мы с примархом бились в бастионе Рубиновых Полумесяцев, заслуживали пасть от моего клинка и болтов. Однако же наша победа оказалась горькой.

У моего повелителя, несомненно, вызвало отвращение то, что он физически ослаб. Хотя он по-прежнему недосыгаемо возвышался над любым из когда-либо виденных мною воинов и уж точно превосходил меня в ратном мастерстве, возраст стал для примарха неодолимым врагом. Притом что окружающие никогда не могли заглянуть Льву в душу, сейчас я знал, что он обеспокоен. Конечно, если изменения накопились за десять тысяч лет, Эль'Джонсон сохранит боеспособность ещё сто веков. Но что, если большую часть этого времени Лев провёл в стазисе и процесс старения шёл заметно быстрее? Ведь примархи — искусственные создания по природе своей. А вдруг его тело, измученное столь долгим сроком жизни, теперь деградирует даже стремительнее, чем у смертных?

Так или иначе, эта проблема касалась будущего, и я никак не мог помочь моему владыке решить её. Гораздо более насущной заботой стало то, что мы нашли в другой части цитадели.

То, что оставили в крепости почитатели Хаоса, мы в основном либо не понимали, либо не желали понимать, однако проверили, куда идут трубы от гигантского резервуара со светящейся жидкостью, и попали в помещение неподалёку. Открыв двери, мы услышали злобные вопли и рычание, а потому я приготовился к встрече с ордой мутировавших чудовищ.

Я бы почти наверняка предпочёл, чтобы там нас ждали именно они, но никакой атаки не последовало. Мы осторожно продвинулись дальше и зажгли люмены.

Там содержались девять существ, прикованных к стенам настолько толстыми цепями, что, полагаю, они бы удержали даже саркофаг дредноута. Создания выли, дёргались, бессловесно ярились и натягивали путы, стараясь добраться до нас. Мы же шагали меж них, онемев от ужаса, глядя на чёрные глаза без белков, растянутые лица и жутко выросшие клыки. Несмотря на отсутствие доспехов, нам стало ясно, кого мы нашли.

Последних из Рубиновых Полумесяцев.

Мне неведомо, с помощью каких гнусных искусств их извращали и мучили, но в космодесанниках не сохранилось рассудка, лишь бездумная жестокость. Когда мы поняли, что астарес ничем не поможешь, Лев даровал им чистую смерть, отрубив головы тем двуручным мечом. Когда он убил первого из Рубиновых Полумесяцев, другие взбесились ещё

сильнее, и на мгновение я подумал, будто мы совершили ошибку, раз они так гnevаются из-за гибели товарища. Но затем ближайший из них начал бешено слизывать с плеча брызги крови обезглавленного собрата, и мы осознали жуткую правду. Эти сыны Сангвиния пали жертвой Хаоса, чьё воздействие обратило благородных воинов в безмозглых зверей. Значит, Лев поступал милосердно.

Из их тел выкачивали кровь, которую посредством некоего колдовского или алхимического процесса превращали в ту самую светящуюся жидкость. С какой целью? Мы так и не выяснили.

Я и примарх забрали из крепости всё ценное, что только могли, а потом заложили возле уцелевших топливных элементов взрывчатку, которую подорвали на расстоянии. Дым поднимался до небес, однако ранним вечером с запада пришёл сильный ливень. Лишь в этот промежуток длиной в пару часов удалённый наблюдатель мог бы заметить, что гора Сантик вновь дымится.

Лев нанёс первый удар в своей войне.

Когда мы вернулись в лагерь, то принесли не только вести о триумфе, но также оружие и припасы, которые, по нашему мнению, ещёгодились к использованию. Народ взирал на Льва с уже новым изумлением, ведь он покончил с этой угрозой всего за один день, и тогда я почувствовал внутри отголоски старой обиды. Разве не я защищал их до сих пор? Впрочем, он ведь примарх, и, что бы Эль'Джонсон там ни думал о своих нынешних способностях, они намного превосходили мои. Я не мог успешно бороться с отребьем, прибывшим на Камарт, но вот Лев — совсем другое дело.

Если раньше он являл собой истинное воплощение языческого бога-воина, блистательное и пугающее, то теперь из-за волос с проседью и лица, изборождённого морщинами, он больше походил на какого-нибудь почтенного персонажа из древнетерранской мифологии: уж точно не доброго, но мудрого и решительного. Пожалуй, так людям легче верилось, что они небезразличны ему, и он сам становился небезразличен для них.

Впрочем, как бы Льва ни воспринимали местные, это не влияло на его целеустремлённость.

— Полагаю, там была не единственная крепость предателей на Камарте, — тихо сказал мне Эль'Джонсон.

— Скорее всего, так и есть, — ответил я. — На планете имелись и другие укрепления, а значит, врагу пришлось захватить и их тоже. Не знаю, как организована связь между ними или как скоро другие еретики проведают о том, что случилось здесь.

Лев глубоко вздохнул, раздувая ноздри.

— Я не собираюсь ждать, пока они узнают сами. Когда-то меня титуловали лордом-защитником. При сомнительных обстоятельствах, но сама идея правильна. Мой долг не будет исполнен до тех пор, пока хоть какая-то часть человечества находится в опасности.

Я нахмурился.

— Хоть какая-то?

— Именно. — Лев взглянул на меня, и его прикрытые усами губы шевельнулись в едва заметном намёке на ледяную улыбку. — Поэтому нам лучше начать.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

ВОСХОЖДЕНИЕ

XI

— Баэлор?

Гололит на мостике «Ока злобы», крейсера типа «Резня», с миганием ожил. Когда над устройством появилось дымчатое изображение Серафакса, Баэлор улыбнулся за лицевой пластиной шлема. Рыцарь-капитан хотя бы воздержался от того, чтобы просто связаться с ним при помощи колдовства. Не то чтобы это вызвало бы у Баэлора неодобрение, особенно учитывая природу окружающих его союзников, но какая-то часть его, сохранившаяся с былых легионных времён, настаивала, что к силам псайканы и прочему подобному следует прибегать лишь в случае настоящей нужды.

— Какие будут приказы, рыцарь-капитан?

— Камарт умолк.

Баэлор нахмурился.

— Умолк?

— Это очень необычно, — произнёс Серафакс, наполовину размышляя вслух. — Некоторое время назад я слышал всякое бурчание о каком-то локальном мятеже и запоздалом сопротивлении местных. Ещё упоминали «Несовершенного Рыцаря». Мы ведь устранили имперские системы обороны, поэтому я не придавал этому особого значения, как и, пожалуй, те, с чьими разумами я контактировал. Возможно, там даже начались внутренние распри. В конце концов, такое случается.

Баэлор кивнул. В многочисленных рядах их боевой банды дисциплина различалась по уровню от «жёсткой» до «нулевой». Всё зависело от натуры конкретных командиров и бойцов.

— Но тут нечто большее?

— Теперь вообще никто не отвечает, — сказал Серафакс, смотря в глаза Баэлора своим единственным видимым оком. — Никто. Если даже на планете ещё остались наши, никто не открывает мне свой разум.

Под «нашими» Серафакс подразумевал чернокнижников. В Империуме-Нигилус астропаты были практически бесполезны вне зависимости от того, на какое расстояние требовалось передать сообщение. Колдовская связь с использованием варпа, пусть и по-прежнему несовершенная, обеспечивала гораздо более высокую надёжность.

Баэлор хмыкнул: ему кое-что пришло в голову.

— На Камарте вёлся проект «Кровавая ярость». Они могли вырваться на свободу?

— Маловероятно, — ответил Серафакс. — Однако мне бы не хотелось, чтобы наши усилия в интересах кузенов пропали напрасно. Нужно узнать, что произошло. Возьми «Око» и всё выясни.

Приложив кулак к груди, Баэлор поклонился.

— Так точно, рыцарь-капитан. — Он выдержал секундную паузу. — А если там произошло восстание, каким-то образом достигшее успеха?

Серафакс поморщился.

— Тогда спаси всё, что удастся спасти, и уничтожь всё, что необходимо уничтожить. Нельзя дать надежде укорениться. Прими то решение, которое считаешь наилучшим. Я полностью тебе доверяю, друг мой.

— Будет исполнено, рыцарь-капитан, — отозвался Баэлор.

После того, как Серафакс прервал связь, а гололит потух, воин развернулся к остальной части мостика.

«Око злобы» служило богам Хаоса уже почти тысячу лет. Впервые крейсер перешёл на сторону еретиков в период Двенадцатого Чёрного крестового похода, но его новые хозяева разбойничали ещё целые века после завершения основной кампании, пока космолёт не отбили у них воины рыцаря-капитана. Баэлор не знал, почему Серафакс заинтересовался кораблём: то ли из-за отдалённой схожести его обозначения с названием растущей боевой банды, то ли из чисто тактических соображений. Так или иначе, именно Баэлор возглавил абордажную группу, и он же убил командира звездолёта, бывшего legionера Сынов Хоруса, в чьём лице всё ещё угадывались черты его примарха.

Теперь, имея под началом «Око злобы», Баэлор повелевал мощью гораздо большей, чем когда-либо в дни Великого крестового похода. Он повернулся к кантикаллаксу Диморе из Нового Механикума, чьё тело — если такой термин ещё подходил — соединялось с командным тронem. Космодесантник не имел возможности подключаться к порченным управляющим схемам крейсера, да и не горел желанием, но Димора признавала власть Баэлора. Фактически, он руководил от имени Серафакса, так как лишь присутствие чернокнижника ещё вызывало у

магоса что-то, в чём воин распознавал эмоцию. При этом Базлор пока ещё не понял, почему Димора, которая, по сути, сроднилась с крейсером настолько, что *стала* им, так страшилась Серафакса. В любом случае его не особенно интересовало, по какой причине магос строго соблюдает субординацию.

— Готовь корабль к варп-путешествию, — велел Базлор. — Мы отправляемся к Камарту.

ХII

Много времени минуло с тех пор, как Льву в прошлый раз приходилось захватывать мир, не имея армии космодесантников за спиной, но Камарт — не Калибан. Пусть местные джунгли, пустыни и высокогорные перевалы недружелюбны к неосторожным, в них нет ни укоренившейся злобы калибанских лесов, ни угроз настолько же серьёзных, как Великие Звери, против которых вели свою кампанию Лев с Орденом. Да, на Камарте имелись почитатели Хаоса, однако и на Калибане встречались опасности колдовского толка. Когда-то примарх собрал народ родной планеты и повёл его против Рыцарей Люпуса, а теперь, спустя десять тысяч лет, точно так же возглавил поход против тех, кто называл себя новыми владыками Камарта, хотя вместо генерального сражения тут случилась партизанская война. Последователи Хаоса уничтожили вышестоящее командование мира наряду с большей частью инфраструктуры, вот только уцелевшего населения хватало, чтобы дать врагу отпор. Людям не доставало только мужества и знания.

Но лишь до тех пор, пока не прибыл один из сыновей Императора.

Прячущиеся за дверьми предатели ждут глухого стука устанавливаемых пробивных зарядов, однако даже в лобовом штурме Лев действует наперекор ожиданиям врага. Он не применяет взрывчатку, а одним ударом ноги выбивает толстые металлические створки и попадает в диспетчерскую космопорта Каллия-града прежде, чем кто-либо из её защитников успевает понять, что происходит.

Льву противостоят те, в ком он уже научился видеть обычное отребье Хаоса: эти оборванцы с радостью атаковали планету, следуя за своими хозяевами, но им не хватает мужества сражаться теперь, когда ситуация изменилась не в их пользу. Примарх не обращает никакого внимания на случайные попадания из автоматов и пулеметов по керамиту, он просто разит всех вокруг силовым мечом. Повелитель Первого назвал его Верностью, ибо именно в верности Лев поклялся отцу и всем людям

Империаума. Изменники бросаются на Эль'Джонсона безо всякой выучки, ведомые одним только отчаянием, а клинок, в свою очередь, рассекает их одежду, плоть и кости. Схватка заканчивается за считанные секунды, но Лев разворачивается на месте и ждёт, вытянув руку с мечом. Убедившись, что из укрытия не выскочит последний враг и не детонирует наспех заложенная взрывчатка, примарх убирает оружие в ножны, после чего оборачивается к двери.

— Готово, — говорит Эль'Джонсон, и внутрь шеренгой входят его сторонники.

Они выглядят почти так же разношёрстно, как и те, кого только что убил примарх, но этих людей набрали из числа беженцев и выживших, а решимость вернуть себе Камарт помогла им обрести мотивацию и единство. Даже в дни Великого крестового похода Льву редко доводилось воевать вместе с полками Имперской Армии, которые обладали такими качествами в той же мере. Многие камартцы пугались, когда впервые встречали Эль'Джонсона и узнавали, кто он такой, ибо считали, будто примарх собирается казнить их за то, что они изначально не проявили достаточного упорства в боях. Повелителю Первого приходилось убеждать их в обратном, объяснять, что они не смогли бы победить в тех битвах и что он прибыл к ним, дабы помочь одержать верх в следующих.

Если бы тогда люди решили храбро биться до конца, то обрекли бы себя на бессмысленную гибель, и примарх лишился бы возможности отвоевать планету. Сейчас же Пашон и М'киа охраняют двери, а Джован, Ричия и магос Валдакс убирают отрубленные конечности, чтобы затем изучить когитаторные блоки космопорта. Они почти достигли своей цели.

— Илин, доклад, — запрашивает Лев по вокс-связи.

— Оставшиеся силы предателей были отброшены в фабричный район, — отвечает Илин прерывистым из-за вокс-помех голосом. — Первое и второе бронетанковые формирования зашли туда вслед за ними и добились. Город ваш, владыка Лев.

Уста примарха трогает мимолётная улыбка. Этим так называемым «бронетанковым формированиям» далеко до «Хищников» модели «Деймос», боевых танков «Сикаранец» и сверхтяжёлых «Глеф», которыми Эль'Джонсон мог командовать сравнительно недавно — по его счёту времени. Сейчас же примарх располагает в основном «Химерами» и схожими вариантами БМП из парка планетарного гарнизона, которые не уничтожили и не осквернили захватчики, а также гражданскими и промышленными машинами с обшивкой из листовой стали и кустарными орудийными спонсонами. Техника такая же разнородная, как и пехотинцы,

но она помогала ему отбивать города у еретиков, считавших себя хозяевами планеты.

— Город *наш*, Илин, — твёрдо произносит Лев. — Победа принадлежит жителям Камарта, и они все должны ею гордиться. — Он обрывает связь и снимает шлем. — Магос, ваша оценка?

Валдакс извергает поток трещащей статики, которую тем не менее можно истолковать как недовольное шипение сквозь зубы. Правда, их у него уже нет.

— Никто в здравом уме не захочет к этому подключаться.

Лев снова испытывает весёлое удивление. Похоже, за время его отсутствия Адептус Механикус стали ещё более странными и скрытными, но Валдакс — явное исключение из правил. Судя по всему, он (или она?) сохраняет большую часть личностных качеств, присущих ему как человеку, хотя при этом как минимум наполовину стал механизмом. Возможно, именно поэтому магос сбежал от захватчиков и выжил, а не погиб, стараясь защитить свои любимые машины.

— Сможете заставить их работать? — напоминает примарх.

Даже если Валдакс до сих пор обладает человеческой личностью, иногда ему всё равно требуются конкретные запросы.

Магос издаёт резкий битональный шум, который, как уже понял Эль'Джонсон, обозначает негативный ответ, а затем выражает сомнение, характерно покачивая двумя мехадендритами.

— Это зависит от того, что вы вкладываете в понятие «работать», мой владыка Лев. Машинный дух всё ещё здесь, но он полностью запятнан. Теоретически мы можем использовать ауспик и вокс дальнего действия, а также проводить необходимые расчёты для сопровождения пустотных кораблей при взлёте и посадке на поверхность, однако я не дам вам никаких прогнозов касательно точности или надёжности.

— Вы имеете в виду, что если судно на орбите попробует приземлиться, то электрогейст может попытаться разбить его об землю? — спрашивает Лев, и Валдакс отвечает коротким свистом, обозначающим согласие.

— Именно. Вы всё равно что держите в руке клинок, способный в любой момент повернуться остриём к вам. Я загружу инфоскребки, разработанные моими товарищами и мной, а затем постараюсь очистить системы от заражения, чтобы нам удалось восстановить контроль.

Лев вздыхает.

— Понятно. — Он вновь включает вокс. — Забриил, тебе улыбнулась удача?

— Как раз собирался вызвать вас, мой повелитель, — отвечает воин тяжёлым голосом. — Здесь так же, как и везде: астропатов вырезали, причём, вполне вероятно, сразу же после захвата города предателями.

Примарх морщится.

— Понял тебя. — Лев поворачивается к Валдаксу. — Ну, магос, если на планете и остались живые астропаты, мы не знаем, где они. Раз нет возможности позвать на помощь, нужно понять, удастся ли улететь отсюда самим. Для начала не прикинете ли вы, есть ли на орбите способные к варп-путешествиям корабли?

Вроде бы невозможно смотреть на что-либо подозрительно, когда у тебя механические линзы, но Валдакс явно разглядывает порт прямого интерфейса на когитаторном блоке с сомнением. Спустя секунду он мотает головой и приступает к работе в режиме ручного набора. Многосуставчатые металлические пальцы начинают бегать по клавишам активации, пока сам магос фыркает и посвистывает, жалуясь на неторопливость сего процесса.

Лев подходит к окну и взирает на посадочные площадки. Некогда бурлящее деятельностью пространство, где члены экипажа и сервиторы проводили дозаправку, где садились на борт и высаживались с кораблей путешественники, а тару с уникальными химическими соединениями Камарта грузили в трюмы для дальнейшей перевозки в миры по всей Галактике, ныне безжизненно и неподвижно. Примарх видит три огромных, измалёванных символами десантных шлюпа, беспорядочно посаженных здесь атакующими силами врага. Замечает он и скелеты, лежащие там, где погибли люди; хотя некоторые тела уже расчленены падальщиками — или четвероногими, или двуногими.

— На орбите в основном одни обломки, а судя по темпам схождения, немалая их часть уже довольно скоро рухнет, — говорит Валдакс. — Похоже, флот предателей уничтожил все крупные корабли, которые не были верны им. Предположу, что если некоторые суда могли сбежать, то так и поступили.

Лев мрачно кивает. Именно такого исхода он и опасался.

— Джован, когда подтвердится, что все очаги сопротивления зачищены, возьми команду, и всё там обследуйте. — Он отрывисто кивает в сторону посадочных площадок. — Может, какие-то корабли на орбите ещё удастся починить, чтобы получилось хотя бы переправить в другую систему небольшой экипаж. Но пока не посмотрим, не узнаем, а для этого нам нужен какой-нибудь челнок.

— Так точно, владыка Лев, — отвечает Джован, кивнув.

Примарх, как и все остальные, понимает, что им вряд ли повезёт, но он не собирается портить момент их триумфа, открыто признавая, что больше ничего нельзя сделать. Повелитель Первого вернул надежду этому миру и его народу, и теперь не откажется от неё, не бросит людей.

Он продолжит действовать так, словно возможно всё, и потащит камартцев за собой.

Проходит три дня после взятия Каллия-града. Эль'Джонсон, стоя на посадочной площадке, вместе с Забриилом, Валдаксом, Джованом и десятью членами недавно сформированной Львиной Гвардии смотрит на транспортник типа «Аквила». Ранее примарх собирался наложить запрет на создание для него личной охраны, так как из всех людей на планете он меньше всего нуждался в защите, но Забриил отметил, что камартцы хотят таким способом почтить и уважить его, поэтому отказ от телохранителей лишь оскорбит их.

— Вы провели все необходимые проверки? — спрашивает Лев, глядя на десантное судно.

— Учитывая природу наших врагов, в нынешних обстоятельствах довольно сложно определить, что именно является необходимым, — отвечает Валдакс. — Тем не менее я не вижу ни мусорного кода, ни заражения машинного духа. В физической структуре, судя по всему, нет никаких изъянов, способных повлиять на безопасность или функциональность. Если там и есть какие-то скрытые ловушки или умышленные повреждения, мне не под силу обнаружить их.

— Пока что вы ни разу нас не подвели, — говорит примарх. — Если считаете корабль пригодным, о большем я просить не могу. — Он поворачивается к Джовану. — Собрал команду?

— Людей со знанием пустотных кораблей не хватает, — немного пристыженно начинает Джован. — Ублюдки прикончили всех, кто находился на орбите, а на земле таких всегда было мало, и сколько ещё погибло при вторжении... Я бросил клич и собрал всех, кого возможно, но их познания либо самые базовые, либо крайне специализированные. «Середнячков» почти нет.

— Не так давно мы даже и думать не смели о том, чтобы подняться на орбиту в поисках сохранившихся кораблей, — напоминает ему Лев. — Давай не будем омрачать открывшуюся нам возможность сожалениями о том, чего не имеем. Магос, нам может понадобиться прикрытие. Какая ситуация с системами планетарной обороны?

— Мы исправили последние сбои в сети, — произносит Валдакс синтетическим голосом, что сочтется удовлетворением. — Большую часть

орудийных батарей предатели держали в рабочем состоянии — видимо, на всякий случай. Если кто-то приблизится к орбите с враждебными намерениями, он обнаружит, что Камарт отнюдь не беззащитен.

Магос говорит храбро, но Лев и без своих сверхъестественных чувств заметил бы, что люди вокруг охвачены невысказанной тревогой. Все они знают, что сейчас Камарт значительно слабее, чем прежде, а даже когда планета располагала былой мощью и небольшим гарнизоном астартес, врагу не потребовалось много времени, чтобы захватить ее. Если вернуться крупные силы Десяти Тысяч Глаз, их вряд ли получится остановить.

И всё же освобождение Камарта — великое достижение. Эль'Джонсон открывает рот, чтобы отдать следующий приказ, но осекается, а затем поворачивается лицом к северо-западу.

— Повелитель? — спрашивает Забриил. — В чём дело?

— Я... не уверен, — признаётся Лев.

Он ничего не видит, ничего не чувствует, не слышит ничего необычного или неправильного, однако же *что-то* там всё-таки есть...

— Нам отправить отряд разведчиков? — интересуется Джован, но примарх качает головой.

— Нет. Я даже не знаю, угроза ли там. Пойду сам.

Стоит ему произнести эти слова, как он чувствует облегчение. Эль'Джонсон знает, что решение правильное, пусть даже и не уверен почему.

— Мы отправимся с вами, повелитель, — говорит М'киа, салютуя ему.

Примарх изумлённо усмехается.

— Это предложение, — спрашивает он капитана Львиной Гвардии, — или утверждение?

Женщина прикусывает губу, но не отступает.

— Простите меня за наглость, повелитель, но в личной охране нет особого смысла, если вы оставляете её и идёте в лес один.

Эль'Джонсон смотрит на Забриила, но бывший разрушитель проверяет магазины болт-пистолетов: он пополнил боезапас после того, как удалось отбить главные оружейные Камарта. Судя по всему, космодесантник умышленно избегает взгляда своего генного отца.

— Ну ладно, — произносит Лев. — Забриил, ты с нами. Джован, магос, пожалуйста, действуйте согласно плану.

Грузовик «Голиаф», который служит примарху транспортом, далеко не «Лэндрейдер», хотя герб в виде крылатого меча нарисован на корпусе с такой же любовью и уважением, как и на любой другой технике из его

прошлого. Машина доставляет примарха, Забриила и Львиную Гвардию к северо-западной окраине Каллия-града, где Эль'Джонсон сходит на землю и вглядывается в лес.

— Что вы чувствуете, повелитель? — спрашивает Забриил, слезая с грузовика вслед за примархом, пока М'киа и остальные выбираются из транспортного отсека.

— Не знаю, — тихо признаётся Лев. — Не могу сказать, что чувствую вообще *что-либо*, но меня словно позвали.

— Ухищрения врага? — осторожно спрашивает разрушитель.

Эль'Джонсон качает головой. Нечто явно тянет его за душу, но примарх не знает, стоит ли за этим чей-то разум, злобное намерение или что-то другое. Он просто чувствует желание быть *там*, а не *здесь*.

— Оставайтесь настороже, — приказывает Лев, направляясь к деревьям. — Вряд ли мы идём к врагу, но осторожность никогда не помешает. К тому же бывало, что я ошибался, — едва слышно добавляет он.

Если Забриил или бойцы Львиной Гвардии и слышат последнюю фразу, то никак ее не комментируют и следуют за ним под полог из ветвей. Местные смешанные леса не столь непроходимо густы и не так враждебны людям, как джунгли севернее, однако тут всё равно дикая природа, хоть и подобравшаяся вплотную к границам города. Эль'Джонсон слышал истории о том, как путники засыпали в глуши, а пробудившись, обнаруживали, что их опутали быстрорастущие корни, которые стремятся вытянуть из их тел все питательные вещества. Примарх не считает те рассказы до конца правдивыми, но и не может утверждать наверняка, что это выдумка.

Лев ступает по мягкой, покрытой мхом земле, на которой видны затенённые очертания веток и чёрно-пурпурные вкрапления иголок, опавших с высоких деревьев вокруг. Издалека доносится негромкое уханье, что зовёт его вправо. Оно не угрожает и не успокаивает: это просто звук глуши, обретшей голос. Примарх видит, где травоядные общипали подлесок, где тупозубые животные, питающиеся веточным кормом, съели листья на низко свисающих ветвях и где из стволов с грубой корой прорастают мясистые плодовые тела грибов. Здесь нет следов Хаоса, лишь естественный цикл жизни и смерти леса.

— Повелитель? — произносит Забриил.

Формально говоря, это не вопрос, но по тону ясно, что интересуется воина.

— Немного дальше, — отвечает примарх.

Он не может сказать, сколько именно ещё идти или в каком направлении, но знает: объект поисков уже близко, пусть ему и неведомо, что это такое.

Отряд поднимается вверх по склону долины, в которой расположен Каллия-град, и совсем скоро входит в гряды низко висящих облаков. Лев шагает дальше, но следит, чтобы его человеческие гвардейцы не отстали. Они здоровы и подтянуты, однако если примарх и не замечает, как взбирается вверх, то люди уже задыхаются, пыхтят и иногда оступаются.

— Повелитель, — вновь говорит воин спустя пару минут.

Теперь он не спрашивает. Лев останавливается и смотрит по сторонам.

— Да, Забриил?

Тёмный Ангел легонько стучит по боковой части своего шлема.

— Системы или сбоят, или выдают бессмысленные данные. Где мы?

Примарх нахмуривается. Солнце исчезло сразу же, как они вошли в гряды облаков, поэтому он не может ориентироваться по светилу. Принюхавшись, Лев чувствует, что воздух влажный и холодный, в нём угадываются знакомые запахи мокрой растительности и гниения.

Знакомые, но не *те же самые*.

Он надевает шлем и хмурится ещё сильнее, когда видит то, о чём говорил Забриил. Его сенсоры с трудом фиксируются вообще на чём-либо, а информация о местном времени отсутствует. Даже прицельные нити не желают центрироваться должным образом, как будто доспех утратил способность рассчитывать дистанцию.

Лев снимает шлем и снова вдыхает, но тревога лишь усиливается, как и неопределённое ощущение беспокойства. Примарху не нравится то, чего он не понимает.

— Забриил, оглядись по сторонам, — говорит он. — Без шлема. Скажи, что ты видишь.

К ним гуськом поднимаются бойцы Львиной Гвардии, по-прежнему держа оружие наготове. Выполняя приказ, разрушитель обнажает седую голову во влажном воздухе.

— Лес, повелитель.

Примарх делает шаг к нему.

— *Какой лес?*

Прищурившись, воин снова осматривается, и по его лицу Лев замечает, в какой момент тот постигает смысл заданного вопроса.

— Если бы я не знал, что это не так, — медленно начинает Забриил, — то сказал бы, что он напоминает мне леса Калибана из далёкого прошлого.

— Значит, дело не во мне, — произносит Лев.

Примарх не понимает точно, стало ему легче или нет. Если Забриил пришёл к такому же заключению, значит, то, что произошло с Эль'Джонсоном перед прибытием на Камарт, случилось на самом деле. Это не иллюзия, не обман и не порождение больного разума, искавшего знакомые черты в окружающем мире.

Однако в таком случае встаёт уже другой, гораздо более серьёзный вопрос: что же здесь творится?

— Владыка Лев, о чём вы говорите? — спрашивает М'киа.

На её лице читаются усталость и растерянность, но не тревога. Эль'Джонсон понимает: хотя женщина занимает пост капитана личной гвардии примарха, ей даже в голову не приходило, что могут возникнуть какие-то трудности, когда он рядом. Это откровение тревожит его.

— Галактика — загадочное место, а я не могу объяснить всего, — произносит Лев. — Я не говорил открыто об обстоятельствах своего прибытия на Камарт, так как и сам не до конца их понимал. Бродя по месту, очень схожему с этим, я вдруг оказался в джунглях, где встретил Забриила. Теперь же, судя по всему, я вновь вернулся в тот лес, только на этот раз попал сюда вместе с вами. Сказать по правде, понятия не имею, куда мы зашли. И как выбраться, тоже не знаю.

— Но мы ведь можем просто вернуться по своим следам? — предлагает юноша из Львиной Гвардии по имени Колан.

Несколько других бойцов шикают на него, словно намёк на столь очевидное решение оскорбляет примарха, однако Лев успокаивает их взмахом руки. Тем не менее его гложет чувство того, что он всё ещё не там, где следует.

— Это предложение не хуже любого другого. Давайте попробуем.

Группа разворачивается и идёт туда, откуда пришла. Или, по крайней мере, пытается, так как растерянная М'киа останавливается, не пройдя и пятидесяти метров.

— А разве мы не должны спускаться? Я точно уверена, что сюда мы *поднимались* по гребаному склону.

Лежащая же перед ними местность, вне всяких сомнений, преимущественно равнинная. Теперь лица всех камартцев выражают тревогу.

— Мой повелитель? — спрашивает один из гвардейцев слегка дрожащим голосом. — Что нам делать?

Эль'Джонсон раздумывает. Здравый рассудок твердит ему, что Колан мыслил верно, но продолжать делать то, что уже не сработало, — глупо.

Кроме того, он всё ещё чувствует нечто, притянувшее его сюда, а загадочные туманные леса, которые напоминают чащи давно потерянного Калибана, пока ещё не навредили примарху.

Словно в ответ на мысли примарха, вдали раздаётся вой, однако его уже не отнести к тому безобидному голосу дикой природы, как на Камарте. Нет, здесь завывает нечто зубастое, и Львиная Гвардия тут же вскидывает оружие. Люди водят стволами автоматов, дробовиков и лазружей меж деревьев, но туман ухудшает видимость и приглушает звуки. Даже примарх с трудом может сказать, откуда именно доносился шум.

— Следуйте за мной, — говорит он, поворачиваясь.

Если здравому рассудку не под силу провести его дальше, Лев доверится инстинктам.

Он движется стремительно, но не настолько быстро, чтобы люди не поспевали за ним. Примарх возглавляет строй с Верностью в руке, тогда как Забриил замыкает группу, держа болт-пистолеты наготове. Лев чувствует, что его сына беспокоит и это место, и странность всего происходящего, но уважает разрушителя за то, что тот скрывает свои ощущения. Гвардейцы пока что держатся, но, если космодесантник выкажет при них явную неуверенность, люди наверняка запаникуют.

Лев не знает, чем именно руководствуется, выбирая маршрут, ибо лес постоянно меняется, при этом оставаясь практически одинаковым, но примарх не колеблется. Что-то, находящееся впереди, притягивает его, словно магнит.

Тот же вой теперь раздаётся позади группы, и, пожалуй, немного ближе, чем раньше. Затем звучит ещё одно завывание. Его явно издаёт другой зверь, однако звук тоже доносится сзади, пусть и с другой стороны.

— За нами охотятся, — субвокализирует в ухо примарху Забриил, дабы его не услышала Львиная Гвардия, хотя примарх видит, что люди уже пришли к такому выводу сами.

— Великие Звери, — тихо отвечает ему Эль'Джонсон.

— Я думал, вы их всех убили.

— Так и есть, но, насколько я понимаю, большая часть Калибана ныне тоже не существует, и всё же мы здесь.

— Наверное, какие-то варп-фокусы.

— Если там Великие Звери, то у меня есть чем с ними сражаться, — говорит примарх, сжимая рукоять Верности. — Но однажды я уже выбрался отсюда, и мы ещё можем...

Замерев, он внимательно рассматривает что-то среди деревьев. Это купол из серого камня, едва заметный, но безошибочно узнаваемый. Лев

видел его здесь в прошлый раз.

— Почему мы остановились? — спрашивает М'киа, нервно оглядываясь — так, словно ей кажется, что лес вот-вот извергнет прожорливых хищников.

Возможно, она недалеко от истины.

— Не помню, чтобы на Калибане мне попадалось что-то *такое*, — произносит Забриил уже в полный голос.

Пара гвардейцев недоумённо смотрят на него, но Лев игнорирует замечание разрушителя. Строение может послужить людям укрытием, где они останутся в безопасности, пока примарх и Забриил будут разбираться с хищниками. Да, Великие Звери были грозными противниками, но только для рыцарей Калибана, которые, невзирая на их храбрость и воинское мастерство, не принадлежали к числу закованных в силовую броню космодесантников с настоящим болт-вооружением.

Однако же в голове всплывают слова Смотрящего... или же то, что заменяет ему фразы.

«Не иди этим путём. Ты ещё недостаточно силён».

Лев понятия не имеет, обрёл ли он ту силу, нехватку которой почувствовало создание. С тех пор Эль'Джонсон восстановил память, но подсказывает она лишь то, что к Смотрящим-во-тьме нужно прислушиваться. Кроме того, если уж ему недостаёт силы для чего-либо, то его спутникам — и подавно.

Любопытство подождёт. На первом месте — безопасность тех, за кого он отвечает.

— Не обращайтесь внимания, — говорит примарх, вновь идя вперёд. — Нам от этого никакого проку.

Лев не требует поспешить, однако камартцы торопятся и без указаний, ведь снова воют звери. Животные — если здесь водятся именно они — приближаются. Точное расстояние определить сложно, но громкость звука указывает примарху на то, что дистанция уменьшилась.

— Нужно найти позицию для обороны, — воксирует Забриил. — Иначе у людей не будет ни шанса. Я не знаю, что там за существа, но их как минимум двое, и у меня вряд ли получится удержать обоих.

— Мы почти пришли, — без раздумий отвечает Лев.

— Куда?

— Я знаю этот лес, — произносит Эль'Джонсон. — Я знал его в юности, знаю и сейчас. Он мог измениться, однако ему ничего не утаить от

меня. — Примарх на мгновение останавливается, затем поворачивает и идёт вдоль речного русла. — Не отставать!

Ощущение зова вливается в грудь, словно крюк: оно не причиняет боли, но настойчиво тянет вперёд. Лев смог бы воспротивиться ему, если бы пожелал, но зачем? Он знает, что хочет идти туда, куда его ведут.

Эль'Джонсон обходит лесного хранителя — огромное дерево, чья вершина теряется в тумане, — и следует за течением вниз по склону. Мгла впереди начинает рассеиваться, лес теперь виден более отчётливо. Сзади доносится очередной рёв, и, хоть в нём слышна та же свирепость, звучит он немного приглушённо.

Но затем всё вокруг меняется буквально за один шаг.

Льва по-прежнему окружают деревья, однако он больше не в лесах Калибана. Местная растительность тоньше, ниже, с более гладкой корой, а лучи солнца пробивают полог из крупных длинных листьев и обрушиваются на тебя, как удары молота. Какое-то мгновение примарх думает, что вернулся в джунгли, однако воздух здесь сухой, и при вдохе кажется, что заднюю стенку горла царапают ножом. Земля под ногами мягкая, но не как мох или трава.

Как песок.

Оглянувшись назад, примарх видит растерянно ковыляющих бойцов Львиной Гвардии, которые озираются с круглыми от страха глазами. За ними идёт Забриил, и, хотя разрушитель снова надел шлем, положение плеч и то, как он резко поворачивает голову из стороны в сторону, оценивая новое окружение, выдают его неуверенность.

— Эй! Вы кто? — доносятся слова низкого готика.

Судя по голосу, кричит не кто-то из членов группы. Лев поворачивается в тот же миг, как меж деревьев с рёвом проезжает небольшая четырёхколёсная машина, почти что багги. За рулём мужчина, который, судя по тёмно-коричневому загару, провёл большую часть жизни под палящим солнцем. Вокруг головы обёрнута ткань, глаза скрыты светозатемнителями. Машина плавно тормозит, и водитель с изумлением взирает на Льва. Агрессивность тут же исчезает из его тона.

— Что?.. Откуда?..

— На какой мы планете? — спрашивает примарх.

Он уже понимает, что произошло, хоть ему и неизвестно, как именно.

— Планета? А-авалус, повелитель, — заикаясь, отвечает мужчина. — Прошу, скажите, к-кто вы?

Лев пристально взирает на человека, но не замечает ничего подозрительного. Обычный житель Империи из мира, который

придерживается имперских законов.

— Я — Лев Эль'Джонсон, примарх Тёмных Ангелов и сын Императора.

— Он вкладывает Верность в ножны. — Мне нужно поговорить с теми, кто здесь у власти.

XIII

Серафакс разбирался в варпе, что упрощало путешествия через это царство, но риск оставался всегда, особенно теперь, когда имматериум кипел из-за возникновения Великого Разлома. Баэлор знал о чарах и оберегах, коими рыцарь-капитан оплёл «*Око злобы*», однако ему всё равно не нравились полёты через эмпиреи. В конце концов, там могли обитать лишь порождения эфира — создания, которых он называл «богами» и «демонами» больше для простоты и удобства, нежели потому, что такие обозначения его полностью устраивали. При контакте с чистым варпом любого жителя материальной вселенной ждала лишь смерть, и даже кораблям, чьи экипажи состояли в союзе с правителями этого измерения, требовалась защита от него.

Поэтому, хотя половина лица офицера, командующего Баэлором, непрерывно горела, сам он находился в окружении существ, к которым во времена Великого крестового похода проявлял бы лишь отвращение и ненависть, а звездолёт под его началом вёл через эмпиреи не навигатор, а демон, скованный цепями с резными рунами власти и подчинения, космодесантник *всё равно* чувствовал переходы в варп и обратно.

Почти всегда они сопровождались теми или иными неприятными ощущениями.

На сей раз Баэлору целую секунду казалось, словно весь его скелет раскалился докрасна, что причинило ему жестокие муки, а слюна у него во рту превратилась в кровь уже по-настоящему. Пока угасали болезненные конвульсии, он судорожно и тяжело выдохнул: трясущееся «*Око злобы*» вернулось в реальное пространство. Стянув шлем, воин сплюнул на палубу комок густой слизи. Та негромко зашипела.

— Вам доставляет неудобство слабость плоти? — спросила Димора с командного трона.

— Говоришь как чёртовы Железные Руки, — проворчал Баэлор и смерил кантикаллакса взглядом. — У самой-то она тоже осталась. Разве на

тебя не действует переход?

— Подействовал бы, не отключи я свою нервную систему от биологических компонентов на время процесса, — надменно ответила Димора.

Огни на мостике корабля начали тошнотворно пульсировать.

— Нас вызывают, — прожужжала кантикаллакс.

— Так скоро?

Баэлор хмуро глянул на приборы, кое-как замерцавшие перед ним. Теперь они выдавали испещрённые помехами изображения намного худшего качества, чем безупречные гололиты, которые проецировались ими в прошлом. Впрочем, космодесантник всё-таки понял, что звездолёт вышел из варпа гораздо ближе к Камарту, чем получилось бы с помощью обычных методов навигации. Странствие на борту демонического корабля всё же давало *некоторые* преимущества: они уже выходили на орбиту мира, а не тратили часы на полёт от точки Мандевиля.

— Поднять заслонки.

Взрывозащитные ставни, которые отгораживали мостик от сводящих с ума видов бурлящего варпа, начали подниматься, открывая взору насыщенные цвета Камарта: оттенки зелёного, синего, коричневого и пурпурного. Баэлор всегда чувствовал себя увереннее, когда мог смотреть на собеседника, пусть даже тот и находился где-то на поверхности планеты.

— Давай послушаем.

— Подчиняюсь, — снова прожужжала Димора, после чего затрещали вокс-рупоры.

— Повторяю, говорит космопорт Каллия-града. Вы не передаёте опознавательные коды. Обозначьте себя, или по вам откроют огонь.

Баэлор нахмурился ещё сильнее. Он не посещал Камарт с тех пор, как Десять Тысяч Глаз захватили планету, но такого приёма не ожидал. Звучало всё слишком... по-имперски.

— Кто это? — требовательно спросил космодесантник.

— Тот, у кого есть работающие оборонительные батареи «земля — орбита», но почти нет терпения. Обозначь себя, говнюк.

А вот это уже явно *не* имперский протокол, однако и с подобным обращением Баэлор мириться не мог. Он презрительно скривил губы.

— Кантикаллакс, — произнёс космодесантник. — Обозначь нас для тех, кто находится на планете.

И «*Око злобы*» заревело.

Всё началось с того, что закованного в цепи демона стрекнуло пси-шипамии, заряженными остатками душ псайкеров и чернокнижников, чьи черепа собрал Серафакс. Его вопли, полные гнева и боли, отозвались по всей надстройке корабля, хлынули в вокс и обрушились на планету внизу потоком шума и порчи. Баэлор представил, как рупоры на том конце взрываются в снопах искр, системы выходят из строя, а люди отшатываются от пультов, и из ушей у них хлещет кровь. Он уже видел такое прежде.

Когда крик затих, космодесантник вновь подключил вокс.

— Теперь *вы* обозначьте себя.

Прозвенела тревога, потом ещё раз и ещё. Не обычное предупреждение: некое событие повторялось в неравномерном ритме, каждый раз вызывая реакцию системы.

— Множественные захваты цели, — сказала Димора в тот же момент, как вновь затрещал вокс.

— *Мы — Камарт*, — донёсся голос с поверхности мира. Он дрожал, но звучал решительно. — *Мы — Камарт, и мы стоим за Льва!*

Не веря собственным ушам, Баэлор уставился на вокс.

— Что? Что ты сказал?

Ответа не последовало, но в этой тишине наземные батареи извергли несколько лазерных лучей высочайшей фокусировки. Все они врезались в щиты «Ока злобы».

— Совершаю манёвр уклонения, — доложила Димора.

По всему кораблю заревела тревога, а палуба под Баэлором сместилась: кантикаллакс подала больше энергии на двигатели. Сфера Камарта начала стремительно исчезать из поля зрения, но космодесантник почти не заметил этого, ибо мыслями он возвращался к только что услышанной фразе.

«Мы стоим за Льва».

Камарт не был рекрутским миром Тёмных Ангелов или одного из их так называемых капитулов-наследников, ведь в ином случае на поверхности бы не присутствовал даже такой небольшой контингент Рубиновых Полумесяцев. И да, некоторые миры Империи почитали имена примархов — в связи с историческими событиями или учёностью их жителей, — однако ветеран не слышал ничего подобного, когда впервые обрушился на эту планету вместе с остальным флотом Десяти Тысяч Глаз.

— Выглядишь взволнованным, Баэлор.

Он пристально смотрел на тактический гололит и игнорировал слова кантикаллакса. Во всяком случае, пытался.

— Твой пульс резко участился, и я фиксирую повышенный уровень адреналина в твоей...

— Держи свои сенсоры при себе! — злобно огрызнулся космодесантник.

Осознав, что его рука лежит на рукояти примагниченного к бедру болт-автомата, Баэлор убрал её. Ветеран не собирался пускать болт-снаряд в главные логические схемы кантикаллакса, хотя идея казалась соблазнительной.

— И открой ответный огонь!

— Основные цели прикрыты пустотными щитами.

— Просто выполняй!

«Око злобы» едва ощутимо содрогнулось, выпустив в пустоту тонны высокомоощных снарядов, дабы они, неся смерть, пробили атмосферу и поразили Камарт. Баэлор сжал края голопроектора, чувствуя, как тот трескается, а отпустил прибор лишь после того, как все фугасы взорвались, порождая шквалы помех в визуальном потоке. Что бы он ни говорил Диморе, залп пропал впустую. Серафакс бы не одобрил.

Но, опять же, рыцаря-капитана здесь не было. Серафакс не слышал того, что слышал Баэлор.

Ветеран сотни лет сражался под командованием рыцаря-капитана и лицезрел такое, во что никогда бы не поверил, будучи наивным зашоренным воином Великого крестового похода. Увиденное не всегда ему нравилось, однако Баэлор понимал, что оно необходимо. Серафакс следовал плану — смелому и гениальному, способному изменить облик самой Галактики, такому, что ради его воплощения стоило применять любые орудия и любые методы. Такого, что оправдывал любую цену.

Ничто из этого не вызывало у Баэлора такой реакции, как передача с планеты. Он сталкивался с надругательствами над законами физики, встречался с сущностями, от речей которых из носа хлестала кровь, и со всем мирился. Едва ли подобные события можно назвать приятными, но воину и не положена отрадная жизнь. Его создали для того, чтобы он сражался и убивал до тех пор, пока не умрёт сам, и в таких пределах Баэлора не ждало ничего, что он счёл бы радостным.

Но то, что он услышал здесь, породило внутри него *сомнения*, а сомнения — это слабость, которую он не мог себе позволить.

Взяв себя в руки, ветеран погасил пожар гнева и неуверенности, разожжённый внутри него простыми словами.

— Боевой прогноз?

— Мы уступаем в огневой мощи, — прямо ответила Димора. — За нами преимущество в манёвренности, но, хоть наши цели и не могут уклониться от выстрелов, мои расчёты выдают вероятность в семьдесят восемь целых девяносто пять сотых процента, что батареи собьют щиты и обездвижат либо уничтожат корабль прежде, чем мы успеем нанести ощутимый урон какой-либо из них.

Космодесантник зарычал.

— Можешь проверить объект «Кровавая ярость»?

Несколько секунд Димора жужжала и щёлкала.

— Судя по всему, объект уничтожен. Признаки энергопитания отсутствуют, а само сооружение лежит в руинах.

— Варп побери! — рывкнул Баэлор.

В рамках «Кровавой ярости», одного из побочных проектов Серафакса, они искали способы высвободить из сердец сыновей Сангвиния бездумную жестокость, таящуюся в них. Сам по себе Камарт не представлял особой важности, поэтому потеря мира стала лишь напоминанием Империи о том, сколь шатка его власть в Галактике, но вот наличие небольшого гарнизона Рубиновых Полумесяцев предоставляло слишком хорошие возможности, чтобы их игнорировать. Захватить астартес живьём оказалось крайне сложной задачей, и Марког бы трижды погиб на той операции, если бы не его дары.

Баэлор пристально смотрел на гололит. Вероятно, ему всё же удалось бы высадить десант, вот только, кроме него, астартес на борту не имелось. Разношёрстные банды и мутанты, которые бродили по палубам, ведя полудикий образ жизни и не ведая ни о каких стратегических соображениях, с радостью бы ухватились за шанс поучаствовать в боях на поверхности, однако «Око» не несло в своём чреве специализированную группировку вторжения. Они бы с лёгкостью взяли штурмом один город, но если уцелевшее население мира действительно подняло восстание, да ещё и каким-то образом обрело такое упорство и тактическую подготовку, что взяло верх над войсками, покорившими его в первый раз, то Баэлор ввязался бы в войну на истощение, непосильную для одного корабля с культистами.

— Мы отступаем, — сказал космодесантник. — Владыка Серафакс решит, вернёмся ли мы сюда с более крупными силами, чтобы вновь поставить планету на колени. Отправляй нас обратно в варп.

— Подчиняюсь, — ответила Димора, но Баэлору показалось, что он слышит в её голосе обвинительные нотки.

Космодесантник проигнорировал их и сказал себе, что это просто игра разума, распалённого непривычным чувством поражения. В течение всех прожитых им веков, начиная с первых лет ещё в качестве неопита, которого забрали с Грамари, продолжая Великим крестовым походом и заканчивая этим новым тысячелетием, Баэлор проигрывал крайне редко. Однако же одно поражение до сих пор обитало в сердце ветерана, будто червь, пожирающий плод изнутри.

Его Баэлору нанёс Лев, когда явился на Калибан.

XIV

Авалус не был готов к прибытию примарха, но разве можно сказать иначе про любую другую планету?

Мы с моими спутниками точно так же не были готовы к тому, каким образом сюда попали. Я твёрдо верил, что просто вижу галлюцинации, пока мы пробирались через леса... чего, Калибана? Невозможно. И всё же те заросли столь сильно напоминали сырые и густые чащи мира, где я провёл в изгнании столько злосчастных лет. Даже не могу представить, как чувствовали себя Львиные Гвардейцы, но люди не рухнули наземь, объятые страхом, а это многое говорило об их характере. Лишь присутствие Эль'Джонсона позволяло нам сосредоточиться, ибо он накрепко сцеплял нас с реальностью, в чём бы та ни заключалась. Тогда я вновь начал вспоминать, почему примархи представляли собой столь могучие орудия войны.

Дело не просто в их превосходном ратном мастерстве или высочайшем уровне тактической грамотности. Они походили на звёзды, нисшедшие на землю: настолько же яркие и притягивающие к себе. Любой примарх умел вдохновлять воинов и сокрушать сопротивление неприятеля как никто иной, за исключением, конечно же, Императора. Стоять рядом с одним из них означало стоять рядом с настоящей природной стихией, с существом, которое одновременно воплощало в себе и поистине несравненное неистовство самой жизни, и способность мгновенно отнять её.

В минувшие долгие годы я порой задумывался, кем бы могли стать примархи, если бы войны человечества закончились до мятежа Хоруса. Передали бы Гиллиману управление будущими Адептус Терра? Исследовал бы Магнус эмпирии вместе с Императором, приоткрывая величайшие их тайны? Искал бы Фулгрим совершенства в искусстве, пока Феррус Манус трудился бы совместно со жрецами Марса, разрабатывая новые, лучшие машины?

В моём воображении не всем примархам находилось место. Основываясь на том, что я слышал об Ангроне, мне не удавалось представить его в Галактике без войны. Правда, я не сомневался: если в Галактике есть Ангрон, там *будет* война. Мортарион так сильно походил на духа смерти, некогда служившего символом моего легиона, что я не мог вообразить, как он расслабляется. Русс бы уж точно очень быстро заскучал. А что насчёт Ночного Призрака? Какое место в мирные времена отвести этой зловещей фигуре, не говоря уже о его легионе, целиком состоящем из убийц и садистов?

А ещё оставался Лев.

Он был воином. Не буяном, как Волчий Король, и не зверем вроде Ангрона. Лев сражался не потому, что это доставляло ему удовольствие, и не из-за неиссякаемой, сжигающей изнутри ярости. Он сражался потому, что такова была его природа. Он сражался, ибо в Галактике всегда сохранялись угрозы человечеству, а долг его состоял в том, чтобы защищать людей. Эту обязанность примарх взял на себя задолго до того, как его нашёл Император. Прибытие нашего легиона лишь дало ему возможность выполнять сей долг в ещё больших масштабах. Тогда я не ведал, что у Льва на сердце, ведь он всегда отличался замкнутостью и неразговорчивостью, но мне думалось, что по-настоящему сломить его дух способно лишь одно: отсутствие битв, где бы в нём нуждались.

Каким бы способом нас ни перенесло в другой мир, мы оказались на плантации с фруктовыми деревьями, которые росли на орошаемых землях вокруг оазиса. Смотритель, наткнувшийся на нас, едва ли мог уложить в голове, кто такой Лев, однако примарх внушил ему такой благоговейный трепет, что он немедленно передал по воксу новости. Вскоре прибыли войсковые транспорты. Я понимал осмотрительность местных: из ниоткуда появились десять солдат, космодесантник и закованный в броню гигант, утверждающий, что он герой из древней истории. Это в лучшем случае угроза безопасности.

Народ Камарта желал обрести спасителя, а Лев идеально отвечал их чаяниям, поэтому там люди последовали за ним безо всяких вопросов. Войска Авалуса прибыли, ожидая схватки, но стоило бойцам заметить Повелителя Первого, как они тоже уставились на него, разинув рты от почтения и страха.

Нас доставили в город Ксеркс — планетарную столицу, что находилась примерно в тридцати километрах от плантации и занимала целую долину. Стаи крылатых рептилий размером не больше моей ладони с клёкотом летали вокруг огромных жилблоков, устремлявшихся в небеса подобно искусственным утёсам. Пространство между этими громадинами

полнилось шлаком цивилизации: лачугами и шалашами, трущобами и базарами, а также рядами приземистых домиков, на которые либо никто не обращал внимания уже так давно, что они превратились в неотъемлемую часть городского ландшафта, либо они стояли там ещё до возведения жилых башен.

Львиные Гвардейцы, каким-то неведомым образом попавшие на другую планету вместе со мной и примархом, всё ещё пытались свыкнуться с этим фактом. Как я полагал, они впервые покинули свой мир. Лев же почти всё время молчал и тратил на разговоры лишь по несколько секунд, когда ему приходилось обращаться к очередному офицеру званием выше предыдущего. Даже если человек не убеждался в том, что перед ним Эль'Джонсон, примарх производил такое внушительное впечатление, что военный перекладывал проблему на плечи ещё более высокопоставленной персоны. Вот почему о планете, которую я никогда прежде не посещал — и даже не слышал её названия, — пришлось разузнать мне.

— Вы подвергались атакам после возникновения Великого Разлома? — спросил я одну из солдат, капрала по имени Инда.

— Много раз, повелитель, — ответила она, — но благодаря флоту и щитам мы пока в безопасности, слава Императору.

Женщина сотворила на груди знамение аквилы. Мы ехали по эстакадной автостраде, и Инда указала на пятна гари и копоти вдали.

— За всё время поверхности достиг только один десантный челнок. Он разрушил трущобы, но оказался пуст.

Я бросил взгляд на Льва, однако примарх ничем не показал, что слышал её слова.

— Как давно произошло крушение? — спросил я Инду.

— Где-то шесть месяцев назад.

— Очень странное происшествие, — подал голос один из линейных пехотинцев с татуировками в виде тёмных завитков на щеках. Судя по всему, такие манерные узоры здесь встречались у многих. — Это случилось даже не во время битвы, хотя корабль точно не из наших, потому что поднялась масштабная тревога. Мы не попали в отряд, который отправили исследовать место падения, но известно, что там не нашли ни выживших врагов, ни даже тел среди обломков.

— Кроме тех несчастных душ, чьи дома разрушились, — добавила Инда.

Она приложила верхнюю часть сжатого кулака к губам, а затем убрала. Позже я узнал, что это местный обычай. Так люди благословляли души

умерших, когда упоминали их вслух. Несколько бойцов её отделения повторили жест.

— Я рад, что ваша система выстояла, — произнёс Лев, стоявший в пассажирском отсеке ближе к кабине. Значит, он всё-таки слушал, что меня нисколько не удивило. — Это многое говорит о мужестве и дисциплине тех, кто её защищает. Люди Камарта, той планеты, откуда я прибыл, обороняли её не менее храбро, но она всё равно пала перед захватчиками. Тем не менее потом народ восстал и отбил её.

Инда посмотрела на Львиную Гвардию широко раскрытыми глазами.

— Вы *отбили* мир?

Слова примарха немного подняли настроение М'киа и остальным гвардейцам, которые всю дорогу выглядели слегка обескураженными. Если бы я, оказавшись на их месте, слышал, что кто-то успешно выдержал оборону против сил Хаоса, тогда как моему родному миру это не удалось, то подумал бы, что моему народу чего-то не доставало. Лев же смог и отдать должное жителям Авалуса за то, как они сопротивлялись врагу, одолевшему другую планету, и подчеркнуть решимость камартцев, которые оправились от такой катастрофы. Хоть примарх и не владел искусством дипломатии так, как некоторые из его братьев, за время, проведённое с ним на Камарте, я успел заметить, что Эль'Джонсон изменился в этом аспекте.

В годы Великого крестового похода Лев служил Императору таким же орудием, как и наш легион до воссоединения с ним. Выполняя волю своего отца, он никогда не мирился с теми, кто противился ей. Опираясь на доводы и убеждения он предоставлял тем, за чьей спиной не стояли вся мощь Первого и мандат Повелителя Человечества.

Сейчас же дела обстояли иначе. Никто не мог сказать наверняка, *жив* ли Владыка Людей, какой бы смысл мы ни вкладывали в это слово. Империи, в который я вернулся, уже давно отошёл от Его изначального замысла, а Великий Разлом лишь усугубил положение, расколов даже такое государство. Остались ли от человечества лишь островки, разбросанные в море злобы и безумия, как во времена Старой Ночи?

Безусловно, Лев мог возмутиться таким положением дел и, опираясь на найденные им очаги сопротивления, попытаться слепить Империум, некогда задуманный его отцом, пусть та мечта и рассыпалась в прах прежде, чем удалось претворить её в жизнь. Однако он осознавал, что Камарт слишком пострадал, и там удалось бы восстановить лишь самые базовые элементы нормальной жизни. Чего-то большего мир бы не выдержал. Также Эль'Джонсон не признавал заявлений о собственной божественности, но и не реагировал на них гневно, хотя я видел, какую

неприязнь вызывает у него сама эта мысль. Кроме того, примарх не высказывался по поводу имперского кредо. Теперь он проявлял определённую гибкость — прагматизм, которым, возможно, не всегда руководствовался прежде. Благодаря этому Лев выказывал больше внимания к тем, кого ему велел защищать долг.

Учтите, это не говорит о его слабости. Да, он постарел и, по его же словам, потерял былую физическую форму, но Повелитель Первого не превратился в сломленного старика, который склонится перед обладателями сильной воли.

Центром власти на Авалусе служил Лунный дворец. Несмотря на древность комплекса, он находился в хорошем состоянии. Хотя я не считал себя знатоком в вопросах архитектуры или эстетики, его здания казались мне примером того, как человечество может творить красоту, отходя от норм, установленных Империумом. Если огромные жилблоки выглядели угрюмыми, серыми и утилитарными, то устремлённые вверх шпили и купола самым своим видом обещали что-то радостное и чудесное, лежащее далеко за пределами одной лишь практичности.

Именно к Лунному дворцу мы мчались на всех парах, и именно там нас — вернее говоря, Льва — встретила у ворот маршал Харадж.

Сина ап на Харадж была поджарой женщиной зрелого возраста и строгого вида, чьи тёмные волосы обильно испещряли седые пряди. Лицо маршала, как и у многих её сограждан, покрывали татуировки. В пути мы узнали: когда стало ясно, что кошмарная ситуация, порождённая Великим Разломом, не улучшается, бывший планетарный губернатор уступил Сине власть, после чего на Авалусе ввели военное положение. К тому моменту маршал Харадж уже командовала силами обороны системы, а с тех пор единолично управляла вообще всей системой.

Сину окружали стражи, а мы находились под прицелом могучих стенных орудий Лунного дворца, однако никто не занял позицию между нашим транспортом, сбавляющим ход, и женщиной, стоящей по стойке вольно. Если бы я захотел, то застрелил бы маршала, и среагировать не успели бы никто и ничто. За исключением, наверное, самого Льва.

— Довольно глупо с её стороны, как по мне, — пробормотал я.

— Не глупость побудила маршала встречать нас у ворот вместо того, чтобы отгородиться ещё большими препонами из стражей и проверок, — так же тихо ответил Эль'Джонсон. — Надежда.

— Мне же не нужно напоминать вам, повелитель, что они часто идут бок о бок?

— Нет, не нужно.

Лев не стал ждать, пока машина окончательно остановится, а просто перемахнул через борт и приземлился с глухим керамитовым стуком. Над плечами примарха взметнулся плащ. От столь внезапного движения почётная стража маршала резко вскинула лазружья, но Повелитель Первого не обратил на них никакого внимания, ибо те не представляли для него никакой угрозы.

— Я — Лев Эль'Джонсон, — провозгласил он сильным, но не властным голосом. Я бы сказал, что Лев хотел внушить доверие, не угрозу. — Примарх Тёмных Ангелов и сын Императора.

Маршал Харадж медленно выступила вперёд, словно маленькая девочка, приближающаяся к огромному зверю, который, как её заверяли, приручён, но ей самой в это верится с трудом. В глазах маршала я видел изумление.

— Возвращение примарха стало бы настоящим чудом, — произнесла она голосом на удивление сладкозвучным для той, кому в жизни явно приходилось очень часто выкрикивать приказы. — В последнее время мы вдоволь насмотрелись чудес, вот только добра они нам не несли.

— Чудес я вам предложить не могу, — спокойно ответил Лев. — Как и не могу предложить иных подтверждений моей личности, кроме тех, кои вы можете узреть собственными глазами, однако воины со мной способны рассказать о моих деяниях в мире под названием Камарт.

— В нынешние дни обрести доверие непросто, — сказала маршал, — а уж правду и того сложнее. — Она подняла руку, и из-за спин стражей вышел толстый мужчина с белоснежной бородой и в богатых одеяниях, украшенных символами, смысл которых я познал в прежние годы. — Провидец Шавар — один из моих советников и помощников. Он уже много раз помогал нам установить истину, когда мы сталкивались с затруднениями. Если вы не возражаете?..

Неоконченный вопрос повис в воздухе, но, по сути, он тут даже не стоял: ведь если Лев откажется от проверки, значит, ему есть что скрывать.

Неудовольствие примарха легко читалось на его лице ещё до того, как он заговорил.

— Вы дадите своему ведуну изучать мой разум?

Никогда прежде он так сильно не походил на брюзжащего старика.

— Мои дары псайканы санкционированы самой Террой, — произнёс Шавар.

Наверное, псайкер хотел, чтобы это прозвучало успокаивающе, однако в его словах отчётливо читалось высокомерие, и примарх вознегодовал.

— Самой Террой? Во время Великого крестового похода мой отец запретил применение подобных сил! Этот эдикт преступили только в час величайшей нужды, причём лишь Легионес Астартес с их дисциплинированными разумами.

Покинув транспорт, я встал рядом с примархом.

— Мой повелитель, рассмотрите сложившуюся ситуацию. Для здешних людей вы, по сути, создание из мифов, а этому человеку отдал приказ его командир и губернатор, который решительно настроен узнать, действительно ли вы тот, за кого себя выдаёте. — Взглянув на Шавара, я убедился, что мои речи верны. — Его вердикт может определить, находятся ли они в присутствии сына Императора, способного принести им спасение, или же у ворот стоит двуличный и невероятно могучий враг. Понятно, что псионик нервничает и не лучшим образом подбирает слова.

Щека Льва дёрнулась, и он фыркнул.

Я уже приготовился вновь увидеть перед собой холодного как камень полководца — вождя, знакомого мне по Великому крестовому походу, того, кто ожидал беспрекословного подчинения от окружающих и скрывался под завесой тайн, в том числе таких, о которых не ведали даже его сыны.

А потом он кивнул.

— Хорошо. Делай что должен, провидец, но имей в виду: я мало с кем делюсь своими мыслями, и, если ты задержишься в моей голове дольше или залезешь в неё глубже, чем необходимо, это мне не понравится.

Шавар выдохнул.

— Благодарю вас, повелитель.

Провидец закрыл глаза и свёл руки вместе.

Мне никогда не нравилось варповство. Ещё до Никейского эдикта, когда легионы использовали библиариумы по своему усмотрению, оно тревожило меня, порождая чувство полнейшей неправильности. Тем не менее я мирился с его необходимостью. В конце концов, без Воинства Пентаклей мы бы не победили в битве у Чёрных врат. Я лишь надеялся, что для всех присутствующих всё пройдёт гладко, хотя незаметно подготовил болт-пистолеты на случай иного исхода.

В данном случае я беспокоился напрасно. Чуть меньше десяти секунд глаза Шавара двигались под веками, после чего он начал дёргаться и тяжело дышать, а затем и вовсе упал на колени, хватая воздух. Бойцы хотели помочь ему встать, но псионик отмахнулся и воззрился на Льва со смесью благоговения и ужаса.

— Сомнений нет, — хрипло произнёс Шавар. — Он — Лев Эль'Джонсон.

После его заявления на миг воцарилась тишина, что сменилась какофонией неопишуемой радости. Всякий намёк на порядок исчез, когда до ушей каждого из находящихся рядом людей дошли слова, которые до сего дня они не то что не надеялись, а даже не мечтали услышать. Многие радостно восклицали, некоторые смеялись, и по щекам большинства текли слёзы восхищения. Несколько человек просто вопили, сжав кулаки и запрокинув головы, ибо напряжение и тоска, копившиеся внутри них в нынешних условиях, наконец нашли выход. По сути, для них ничего не поменялось, ведь они никуда не делись со своей планеты и из осаждённой системы, однако в определённом смысле жизнь людей кардинально преобразилась. Как сказали бы мои кузены из Тринадцатого, теоретически всё оставалось примерно таким же, как и прежде, однако практические возможности открывались совершенно иные.

А может, и не сказали бы. С момента моего появления в реальном пространстве я не говорил ни с одним Ультрадесантником и не представлял, оперируют ли они до сих пор такими понятиями. Даже спустя столько лет я мог случайно выдать, что попал в настоящее из другого времени.

Маршал Харадж сохранила какое-то подобие чинности, но, опустившись на одно колено, Сина так и не вытерла слёзы, бегущие по татуированным щекам.

— Владыка Лев! — провозгласила она достаточно громко, чтобы мы её услышали. — Авалус ваш.

— Нет, — произнёс примарх. — Не мой.

Его слова заставили всех утихнуть. Никто не мог точно определить, какой смысл вложил Эль'Джонсон в это заявление, и в глазах Харадж я увидел сомнения. Сина обеспокоилась, что не проявила нужной восторженности, что Повелителю Первого требовалась более выразительная демонстрация их верности. Она ошиблась.

— Авалус *ваш*, — решительно сказал Лев. — Я не собираюсь править. У меня одна цель — очистить звёзды от мерзостей, которые терзают человечество. Передадите ли вы под моё командование свои силы, дабы я достиг её?

Харадж разинула рот. Просить военачальника передать руководство кому-то другому — это нечто из ряда вон, однако маршал была готова отдать что угодно. И вообще, много ли смертных, которых примархи *просили* о чём-то, а не просто повелевали? Во взгляде Сины я заметил облегчение: она поняла, что на её плечах больше не покоится бремя ответственности за судьбу целой звёздной системы.

Харадж склонила голову:

— Конечно же, владыка Лев. Они в вашем распоряжении.

— Благодарю вас, — ответил примарх и помолчал секунду, словно раздумывая о чём-то. — Маршал, на Авалусе или в его звёздной системе есть космодесантники?

Сина покачала головой.

— К моему величайшему сожалению, ни одного, повелитель. — Она нахмурила лоб. — А разве... Тёмные Ангелы не с вами?

— На текущий момент лишь Забриил, — произнёс Лев, указывая на меня. — Я возвратился при... необычных обстоятельствах. Но неважно, давайте же приступим к работе. Обращу особое внимание вот на что: я не желаю никаких церемоний или торжеств в мою честь. Мне нужно лишь как можно скорее взяться за дело. Мне прекрасно известно, что предатели редко ждут, пока враг подготовится к их нападению. Впрочем, весть о моём прибытии может благотворно повлиять на людей, поэтому распространите её. Даже через варп, — добавил он так, будто подумал об этом только сейчас. — У вас остались астропаты?

— Да, владыка, у нас есть хор, — ответила Харадж.

— Тогда пусть он кричит о том, как вернулся Лев, — сказал Повелитель Первого. — Будем надеяться, что наши союзники услышат его и воспрянут духом, а Авалус станет ядром, вокруг которого воссоединятся изолированные системы.

— Наши союзники могут услышать, — нерешительно начал провидец Шавар, — но вот наши враги услышат наверняка, ибо варп — их владения. Ваше присутствие есть дар и благословение для всех нас, лорд Лев, но, объявляя о нём, мы рискуем навлечь на систему новые кошмары.

Выражение лица примарха не изменилось.

— К счастью, мои тактические способности санкционированы самой Террой.

Сделать предстояло многое. Маршал Харадж была прекрасным стратегом — иначе система не продержалась бы так долго, — но не постчеловеческим воином, созданным Повелителем Человечества специально для того, чтобы вести Его армии к победе. На Камарте примарх добился удивительных результатов, командуя лишь разномастными партизанскими отрядами, однако теперь ему вручили настоящую, пусть и немного потрёпанную, армию. Оценив боевую обстановку гораздо быстрее, чем удалось бы любому смертному, Эль'Джонсон начал отдавать приказы: следовало перестроить структуру обороны, преобразовать флотские боевые группы, укрепить линии снабжения, перераспределить

содержимое хранилищ. Целый час он непрерывно диктовал распоряжения, курьеры и вокс-операторы передавали их, а автописцы сохраняли для последующего контроля. Кроме того, Лев не забывал отмечать положительные стороны всего, что подвергал изменениям. К концу инструктажа взгляд Харадж слегка помутнел, и примарх велел своему штабу отдохнуть.

Для него уже приготовили апартаменты, причём самые большие во всём Лунном дворце, но не потому, что Эль'Джонсон потребовал окружить его роскошью. Просто, если бы столь исполинскому созданию отвели покои меньшего размера, стены буквально сдавливали бы его. Хотя для примарха спешно собрали самую крупную мебель во всём комплексе, даже она выглядела чуточку нелепо рядом с ним.

— Мне на неё ложиться нельзя, — сказал мне Лев, когда ушли слуги. Он смотрел на кровать, которая площадью, как я не сомневался, не уступала многим индивидуальным помещениям в тех громадных жилблоках. — Я её сломаю.

— На Камарте мы довольно часто спали на земле, — указал я. — Теперь ковёр ниже вашего достоинства, мой повелитель?

Эль'Джонсон помрачнел.

— Насмехаешься надо мной, Забриил? Я сделал всё возможное, чтобы эти люди не чувствовали себя неполноценными, а когда я озвучиваю свои сомнения по поводу того, выдержит ли меня мебель, ты принимаешь мои слова за высокомерие?

— Нет, повелитель, — ответил я, — и прошу простить меня. Но что насчёт Камарта? Сейчас он свободен от предателей, однако как долго это продлится? Мы забудем о нём и будем двигаться дальше?

Ранее примарх велел Львиной Гвардии отправляться спать, а его защиту, если ему вообще требовалась таковая, взяли на себя силы охранения Лунного дворца. Как оказалось, Камарт находился не очень далеко от Авалуса, всего в нескольких десятках световых лет.

Тем не менее для М'киа и остальных это расстояние всё равно выглядело значительным. Они боялись за себя и за тех, кого оставили на родной планете, и хоть гвардейцы тщательно старались не выказывать страх, от меня он не укрылся.

На меня же давило чувство долга. Во времена Великого крестового похода мы особо не думали о мирах. После себя они оставляли лишь штамп с обозначением и, возможно, память о какой-нибудь особо выдающейся битве или опасном виде ксеносов. Мы просто делали то, ради чего прибывали туда, а затем двигались дальше. Но в случае с Камартом я

дал обещание защитить его народ, и теперь остро ощущал, что не могу сдержать слово.

— Нет, — устало произнёс Лев. — Мы отправим корабли и попробуем вновь наладить связи. Камартцы не заслуживают того, чтобы их бросили на милость хищников, способных найти их, но и остальная Галактика такой судьбы не заслужила. Здесь мне удастся совершить для спасения людей гораздо больше, чем на Камарте.

— Я отправлюсь вместе с кораблями.

Эль'Джонсон посмотрел на меня, и в его взгляд неожиданно вернулась острота.

— Отправишься вместе с ними?

— Вы спрашивали маршала, есть ли в системе другие космодесантники. Я прекрасно понимаю, что для достижения ваших целей одного меня вам будет мало, но меня не тянет встречаться с младшими братьями из числа современных Тёмных Ангелов, а они точно найдут вас. — Я грубо усмехнулся. — Они пожелают пытать и казнить меня за мои воображаемые грехи, и вряд ли даже вы сумеете переубедить их. Полагаю, нам обоим будет легче, если я вернусь на Камарт и продолжу помогать людям там.

— А если я прикажу тебе не лететь туда? — спокойно поинтересовался Лев.

Я ничего не сказал, ибо не вполне понимал, что ответить. Он был моим примархом и генным отцом, но раньше я гневался на него и даже ненавидел гораздо дольше, чем следовал за ним. Отчасти мне хотелось уйти прежде, чем наше воссоединение обернётся горечью, — до того, как Эль'Джонсон снова станет тем мрачным и непредсказуемым вождём, чьё лицо веками преследовало меня во снах.

— Но, с другой стороны, разве у меня есть власть над тобой, Забриил с Терры? — спросил примарх, явно говоря не только со мной, но и с самим собой. — Созданной нами Галактики уже давно нет, как нет порядка и структур, в которые мы вписывались. Ты — мой сын, а я — сын Императора, но ведь таковым был и Пертурабо, а в итоге Барабас Дантиох отступился от него и даже спас мне жизнь.

Я молчал, ибо понятия не имел, кто такой Барабас Дантиох, хотя эту историю я бы с интересом послушал.

— Тем не менее в чём-то ты прав, а в чём-то ошибаешься, — сказал Лев, теперь уже обращаясь только ко мне. — Прав касательно того, что я нуждаюсь и в других космодесантниках, вот только тот вопрос я задал по иной причине.

Примарх очень осторожно сел на краешек кровати, после чего указал мне на огромное кресло напротив. Конечно же, садиться нам вовсе не требовалось, но так Лев давал понять, что между нами нет никакой враждебности, и потому я подчинился. Перед этим я не мог сказать наверняка, какие чувства вызовет у Эль'Джонсона моё заявление о кораблях, и не удивился бы, если бы он пришёл в ярость.

— Десантное судно, — начал примарх. — То, что загадочным образом упало на Авалус и на котором никого не нашли.

— С ним что-то не так, — произнёс я, мыслями возвращаясь к тому разговору. — Оно не принадлежало авалусцам, но внутри не оказалось и врагов. Отсюда очевидно, что пассажиры пережили крушение и убрались прочь до того, как прибыли местные войска. Поскольку затем не вспыхнули стычки, я бы предположил, что прибыли ассасины, диверсанты или другие лазутчики, однако прошло уже шесть месяцев, а никаких признаков их деятельности вроде бы тоже нет.

— Силы Хаоса вполне способны вести долгую игру, — произнёс Лев, — но мне кажется, есть и третий вариант. Вот почему ты нужен мне здесь.

Он вопросительно взглянул на меня, но я не сообразил, что сказать. К какому бы заключению не пришёл примарх, от меня оно ещё ускользало.

— Я гадаю, был ли на борту один из твоих братьев, — продолжил Эль'Джонсон.

— Моих братьев? В смысле... тех, кого в нынешней Галактике называют Падшими? — сощурившись, спросил я.

— Как выпренно. — Лев повёл рукой, будто отмахиваясь от этого названия. — Но ты прав. Астартес вполне мог пережить такое падение, а Ксеркс — достаточно крупный город, чтобы в нём без труда затерялся даже космодесантник. Воины Империи доложились бы губернатору. Враги же, как ты сам сказал, скорее всего, выдали бы своё присутствие действиями. А вот тот, кто скрывается, не сделал бы ни того, ни другого.

— Такое возможно, повелитель, — медленно согласился я, — но этот вариант не кажется мне наиболее вероятным.

— Здесь есть и другой фактор, — сказал примарх. — Я не знаю почему, но мой изначальный путь закончился встречей с тобой, Забриил. Мне до сих пор неизвестно, что произошло и как мне вновь найти дорогу в тот странный не-Калибан, но вот из чего мы должны исходить. Нельзя сказать наверняка, обязательно бы я оказался рядом с тобой или же мог попасть куда угодно и к чему угодно, но какое-то чутьё или некая другая сила привели меня именно к тебе. А когда я вновь невольно вошёл в те леса, что-то вывело меня сюда.

Я поразмыслил над словами примарха.

— Вы считаете, что вас приводят к вашим сыновьям или же вы сами каким-то образом их отыскиваете? Особенно тех, кто был на Калибане во время Разрушения?

— Это теория, — признал Лев, — но она кажется мне подходящей. Я всегда был рационален, но осознал, отчасти на собственном горьком опыте, что порой надо внимать инстинкту и интуиции.

— А если вы правы, и один из моих братьев действительно был на том корабле? — спросил я. — Что потребуется от меня?

— Всё довольно просто, Забриил, — сказал Лев. — От тебя потребуется найти его.

XV

«Клинок истины» был гордостью флота Десяти Тысяч Глаз. Некогда могучая боевая баржа принадлежала Пепельным Клинкам, но всё изменилось после того, как её поглотил варп-шторм, погубивший капитул. Когда Марког вырвался из имматериума, он уже не собирался служить никому другому, кроме себя самого. Баэлор подозревал, что той трещиной в духовной броне, через которую проник Хаос, стала именно гордость космодесантника.

И всё же он с готовностью преклонил колено перед Серафаксом. Это противоречие вызывало у Баэлора недоверие, хотя в действительности его раздражало то, как ревностно служит Марког. Прежде ему уже приходилось видеть, как командиров обожествляли схожим образом, и подобная практика редко приводила к чему-то хорошему. Каждому лидеру нужно, чтобы его решения иногда оспаривали и критически оценивали. Если же ему будут бездумно подчиняться, он слишком далеко забредёт по стезе самолюбия. Ещё хуже ситуация, когда последователь вдруг перестанет видеть в своём вожде сияющую путеводную звезду совершенства, коей тот считался ранее, и почувствует себя преданным. Тогда любовь может обернуться ненавистью, что быстро приведёт к катастрофическим последствиям.

Все эти мысли вновь пришли Баэлору в голову, когда он подошёл к командному трону «Клинка истины», высеченному из чёрного гранита. Восседал на нём Серафакс с посохом в руке. Слева от трона, позади рыцаря-капитана, караулил Марког, по бокам от которого выстроились бойцы Скорбной Гвардии, по трое с каждой стороны. Ощувив беспокойство, Баэлор сказал себе, что причина не в том, что он потерпел неудачу и попал в уязвимое положение, и не в том, что приближённые советники Серафакса завидуют его рангу. Правда, воин сам не вполне поверил в это.

— Баэлор, — поприветствовал его командир. — Какие новости с Камарта, друг?

Ветеран приложил кулак к груди.

— Камарт потерян, рыцарь-капитан. В наше отсутствие верные Империи силы восстали и вернули себе мир.

На мостике «*Клинка истины*» воцарилась секундная тишина: все присутствующие осознавали, что следует из его заявления.

— И ты уничтожил их? — прошипел Уринз.

Архипатор в предвкушении щёлкнул клинками молниевых когтей.

— «*Око злобы*» не способно усмирить целую планету, — холодным тоном ответил ему Баэлор.

И тут дисциплина воинов, которые прежде воздерживались от суждений и никак не реагировали, просто-напросто испарилась. Когда тяжёлый, пахнувший ладаном воздух задрожал от бешеных воплей и гневных выкриков, Баэлору вдруг показалось, что его бросили в яму с чудовищами. Сжав и разжав кулаки, он приготовился дать отпор тому, кто решит покарать его за неудачу, дабы завоевать благосклонность Серафакса.

— И с такими вестями ты приполз к нам обратно? — проревел Варкан Красный.

Глаза, торчащие из мотора его переродившегося цепного кулака, загорелись бешенством их хозяина, а уродливый, окаймлённый зубьями язык оружия начал с рёвом набирать обороты. Звук имел одновременно механическую и органическую природу.

— Иначе я бы потерял свои войска и не смог бы отрапортовать здесь, — сказал Баэлор. — Кхорну, может, и всё равно, чья льётся кровь, — добавил он с презрением, — но я своей тактической грамотности не утратил.

Возможно, он поступал глупо, провоцируя Варкана. По словам огромного космодесантника в терминаторском доспехе, раньше он был Пожирателем Миров, хотя ещё до вступления в банду ничто в его облике не указывало на принадлежность к какому-либо капитулу или легиону. Тем не менее буйным нравом Варкан действительно обладал. От обращения к себе в таком тоне ошеломлённый берсерк выпучил налитые гневом глаза и начал истекать слюной.

Баэлор знал, о чём это говорит. Когда мгновением позже Варкан бросился на ветерана, тот уже был готов.

Несмотря на терминаторскую броню, берсерк двигался стремительно. Клинок цепного кулака с рычанием прошёл по дуге в том месте, где только что находилась шея Баэлора. Тёмный Ангел успел отклониться назад, поэтому размытый кончик языка с вертящимися зубами скользнул по

решётке шлема и не причинил вреда. Шагнув в сторону, Баэлор дважды выстрелил из болтера в сервоприводы левого колена Варкана. Керамит деформировался, и сочленение заскрежетало, когда терминатор тяжеловерсно повернулся в его сторону. Повреждение замедлило служителя Кхорна настолько, что ветеран успел выпустить болт прямо в незащищённое лицо противника.

Он не промахнулся, но снаряд так и не достиг цели.

Тело Баэтора пронзило золотое копье боли, и Тёмный Ангел застыл на месте. Варкан тоже замер, взревев от злости и досады, но тут же умолк, заметив, что повисло в воздухе между ними двумя. Снаряд, выпущенный ветераном, попал бы прямо в лоб берсерку, если бы болт, чей ускоритель понапрасну изрыгал яростное пламя, не удерживала незримая сила.

— Баэлор, — строго произнёс Серафакс со своего командного трона, не опуская вытянутую руку. — Я не давал тебе разрешения убить Варкана.

— При этом вы не запрещаете ему убивать меня, — выговорил Тёмный Ангел, борясь с непослушной челюстью.

— Запретил бы, если бы счёл, что он способен добиться успеха, — ответил рыцарь-капитан.

Топливо болт-снаряда с шипением выгорело, и он упал на палубу, как только чернокнижник перестал его удерживать. Миг спустя и Баэлор вновь обрёл способность двигаться. Он больше не нажимал на спуск, но продолжал целиться из болт-автомата в Варкана, чьи зрачки, ранее сжавшиеся от бешенства в мелкие точки, начали возвращаться к сравнительно нормальному размеру. Даже безмозглый здоровяк в красных доспехах понял, что от гибели его спасло только вмешательство Серафакса. Похоже, он не горел желанием вновь испытывать удачу.

Варкан опустил руки, а через секунду так же поступил и Баэлор.

— Империи разделён, — начал Серафакс, когда берсерк вернулся к своим соратникам. — Мы смогли выковать нашу зарождающуюся империю лишь благодаря его разобщённости. Я слышу, вы гневаетесь оттого, что из наших рук вырвали планету, но меня волнует такой вопрос: как им это удалось? Что позволило народу Камарта, одного из первых завоёванных нами миров, поднять восстание? Наш гарнизон стал расхлябанным? Прибыли ли туда подкрепления, или планету отбили внешние силы? Угрожает ли подобное и другим мирам под нашим контролем?

Чернокнижник поднялся с трона и сошёл по ступеням. Пройдя мимо своих военачальников, он остановился прямо перед Баэлором. В видимом

глазу рыцаря-капитана не было злости, одно лишь спокойствие, ибо Серафакс не относился к числу тех, кто устраивал гневные сцены.

— Я просил тебя всё разузнать, — сказал он. — Просил спасти всё, что удастся спасти, и уничтожить всё, что необходимо уничтожить. А ещё я говорил, что полностью тебе доверяю. Неужели я ошибался? Тебе есть что мне рассказать?

— Проекта «Кровавая ярость» больше нет, — произнёс Баэлор. — Крепость, в которой он тайно проводился, уничтожена. В этом мы удостоверились из космоса. Защитники планеты взяли под контроль значительную долю уже имевшихся там батарей «земля — орбита» и добились огневого превосходства над «Оком». По вокс-обмену, пусть короткому, мне показалось, что они скорее ополченцы, чем военные.

Ветеран замешкался, но Серафакс стоял прямо перед ним и уже по заминке бы понял, что подчинённый что-то недоговаривает. На протяжении всего путешествия обратно к флоту, пока пленённый демон ревел и рычал голосом корабля, ведя *«Око злобы»* через варп, Тёмный Ангел размышлял над тем, как преподнести рыцарю-капитану услышанное. Теперь же, когда наступил этот момент, Баэлор решил говорить прямо.

— Они сказали, что стоят за Льва.

Серафакс нахмурился.

— За Льва?

— Да. — Ветеран перевёл дыхание. — Я переслушивал разговор после того, как мы отступили. Они сказали не «во имя Льва», а «за Льва». Разница небольшая, но, как по мне, порождает больше вопросов, чем ответов.

Рыцарь-капитан сощурил глаз.

— Значит, население, которое загадочным образом обрело мужество и способность победить наших братьев, бросает нам вызов и прикрывается именем Льва. Словно он как-то узнает об этом или одобрит.

— Обычные бредни имперских шавок, — прорычал Уринз. — Они пытаются черпать храбрость в давно погибших героях, потому что своих у них нет!

— Ты не понимаешь, — сказал Баэлор. Чтобы не спровоцировать ещё одну потенциально смертельную схватку, он говорил учтивым тоном. — Когда мы брали Камарт, я был там. Защитники ни разу не произнесли имя Льва. Я бы понял, если бы теперь они упомянули Сангвиния или Ангела, ведь на планете размещались наследники Кровавых Ангелов. Естественно, люди без умолку вопили про Императора, как будто сами стояли в Его

присутствии, когда Он ходил среди звёзд, облечённый в смертную плоть. Но Лев? У них нет никакой общей истории. Нет ни единой *причины*, чтобы говорить о нём.

— А ты уверен, что это должно нас беспокоить? — скрипучим голосом спросил Джай’тана Неисповедовавшийся, бывший капеллан Пепельных Клинков.

Он служил под командованием Маркога, когда астартес попали в варп-шторм, и тогда же убил их магистра святости. С тех пор Джай’тана шёл по собственному пути, не признавая ничьей власти, кроме владычества самого Серафакса и, конечно же, богов, которым теперь поклонялся. Лицевая пластина шлема Неисповедовавшегося превратилась в безглазую пасть, что изрыгала молитвы меж рядов игольчатых зубов, из-за чего космодесантника постоянно окружал низкочастотный гул. Тщательно прислушавшись к нему, удавалось с трудом разобрать что-то вроде тихого песнопения. Рыцарь-капитан завел себе немало сомнительных союзников, но в нужности Джай’таны ветеран сомневался больше всего.

— Разве я говорил про беспокойство? — поинтересовался Баэлор.

— В твоих словах звучит скулёж ребёнка, что слышал имя своего отца, — заявил Джай’тана. — Почему тебя так пугает призрак мертвеца из далёкого прошлого?

— Я-то знаю имя моего генного отца, — парировал Тёмный Ангел. — Я видел его лицо и сражался с ним плечом к плечу десять тысяч лет назад. И ты ещё называешь *меня* ребёнком? Тебе даже неизвестно, кто твои предки, *жидкокровный*!

Получилось уже не очень вежливо. Крозиус Джай’таны с шипением ожил, а из изменённого рта Неисповедовавшегося вырвался яростный вой. Скривившись, рыцарь-капитан повернул пылающее лицо к апостолу, и тот быстро притих.

— Брат, — негромко обратился командующий к Баэлору, вновь обратив на него взгляд. — Почему сегодня ты так стремишься завязать драку на моём мостике?

Ветеран опустил голову.

— Просто я чувствую, что подвёл тебя, но возмущён тем, что остальные стремятся осудить меня, хотя такое право имеешь только ты.

Серафакс улыбнулся, после чего развернулся, поднялся обратно к командному трону и сел с лязгом керамики о камень.

— Мой брат Баэлор принёс нам важные сведения. Наши враги выкрикивают имя моего отца так, будто оно что-то для них значит. Если

возможно, что один из Императорских примархов вернулся спустя тысячелетия, стоит ли так просто отмахиваться от подобной вероятности?

— Все псы Императора мертвы, — прорычал Варкан. — Живы лишь примархи, которые служат Истинным Силам.

— Тебе это ведомо? — тихо спросил Серафакс убийственным тоном. — Ты знаешь наверняка?

Варкан вновь закрыл рот, совершив, наверное, мудрейший для себя поступок за последние несколько лет. Рыцарь-капитан забарабанил пальцами левой руки по подлокотнику трона, и какое-то мгновение все присутствовавшие слышали отрывистые щелчки.

— То, что я сейчас скажу, предназначено тем, кто, в отличие от меня и Баэлора, не жил во времена, когда среди нас ходили примархи. Мы не более чем их тень, и, когда дело касается кого-то из них, я бы не торопился клеймить что угодно «невозможным», каким бы невероятным это ни казалось. — Он усмехнулся. — И я бы не стал уделять большого внимания тому, что до сих пор не поползли слухи о местонахождении Льва. Отсутствие доказательства не есть доказательство отсутствия, а Империи, похоже, умеет скрывать правду так же надёжно, как и по-настоящему забывать её. Кроме того, варп-шторм, возникший при Разрушении Калибана, *неравномерно* раскидал нас с братьями по времени и пространству. Вполне возможно, что Льва захватил тот же феномен, и примарх выбрался лишь сейчас.

Баэлор увидел, как другие командиры тревожно переглянулись, и их беспокойство вызвало у него короткую вспышку удовлетворения.

— То есть те псы с Камарта могли говорить правду? — недоверчиво уточнил Уринз, подав мощность на двигатели прыжкового ранца. Баэлор усмотрел в этом признак волнения. — По-вашему, Лев Эль’Джонсон действительно мог вернуться?

— Говорить пока рано, — ответил Серафакс. — Однако, как указал нам Баэлор, есть причины рассматривать такую вероятность. Возвращение Льва, теоретически, меняет всё.

— Тогда почему вы улыбаетесь? — грубым голосом спросил Варкан Красный.

— А потому, — начал рыцарь-капитан, — что я вижу здесь возможность. Шанс, за который мы должны хвататься с осторожностью, тут спору нет, но всё равно шанс. Моя дорога к Императору получилась бы сложной, даже завладей мы каким-нибудь могучим героем Империи, но вот *примарх* ... — Его взгляд слегка расфокусировался, словно он устремил

взор в пустоту за пределами мостика *«Клинка истины»*. — Я могу лишь надеяться, что его не затронула порча.

— А на Камарте его не было? — требовательно спросил Джай'тана у Баэлора.

Тот неискренне усмехнулся.

— Без понятия, но могу заверить, что по воксу говорил не он. Повелителя Первого я бы узнал по голосу даже спустя столько лет.

— Нам нужно вернуться на Камарт с крупными силами, — заявил апостол, повернувшись к Серафаксу. — Мы должны показать этим слугам Трупа-Императора, что непокорность влечёт за собой лишь боль, и установить, истинны ли слухи. Им варп мешает сильнее, чем нам. Если Лев был в том мире, но уже покинул его, есть лишь горстка систем, куда бы он мог...

— Лорд-чернокнижник! Лорд-чернокнижник!

Этот блеющий крик вырвался не из горла космодесантника. Удивлённо обернувшись, Баэлор увидел, что на мостик с цокотом копыт вбегают зверолюд, покрытый седым мехом. Из его головы торчали четыре рога, два из которых закручивались и уходили вверх, а другие два загибались вниз и тянулись прямо вдоль морды. На одном глазу от старости возникло бельмо, но второй остался золотым и ясным, с узким горизонтальным зрачком чёрного цвета. Создание носило изорванные одеяния, некогда принадлежавшие какому-то имперскому адепту, но не наряд делал его присутствие на мостике столь примечательным. Зверолюда звали Крр'сатз, и он служил смотрителем хора искажённых астропатов, которых Серафакс держал на борту *«Клинка истины»*.

— Спокойно! — крикнул рыцарь-капитан, когда пара вождей-новичков вскинули оружие, намереваясь убить недочеловека, который посмел вторгнуться на их совет. — Крр'сатз, у тебя что-то для меня есть?

— Заговорили заклинатели пустоты, повелитель, — сказал зверолюд, неловко падая на колени. — Они рекут, что Империум кричит снова, кричит громко. Из мира под названием Авалус.

— И что же они кричат? — требовательно спросил Серафакс.

Когда Крр'сатз поднял взгляд, его зрячий глаз был широко распахнут от волнения, непонятного самому зверолюду.

— Они кричат: «Лев здесь!»

XVI

Двигаясь по ночным улицам Ксеркса со всей возможной осторожностью, я размышлял, не совершил ли ошибку.

Ну, за все столетия моей жизни я точно совершил немало ошибок, однако сейчас вопрос заключался в том, ошибся ли я *в данном случае*.

В суждениях Льва имелся некоторый смысл, но лишь некоторый. То, как мы попали на Авалус и как сам примарх попал на Камарт, не поддавалось никакому объяснению. Соблазн выстроить логическую версию произошедшего и попытаться всё истолковать, конечно же, имелся, но насколько успешно удалось бы применить логику к тому, что и так её отвергало? С другой стороны, логику отвергали и варп-путешествия, однако человечество всё равно старалось анализировать их. По мнению Льва, его притянуло на Авалус из-за того, что здесь находился один из моих давних братьев. Я объяснял ему, что даже в таком случае неизвестный воин не обязательно отнесётся к примарху благожелательнее, чем я, попытавшийся убить его на месте. Эль'Джонсон отмахнулся от моих опасений.

— Я нуждаюсь в моих сыновьях. По крайней мере, в тех, кому можно доверять, — сказал он тогда. — Если Разрушение началось из-за злого умысла и лжи меньшинства, а прочие искренне не понимали, что творится, тогда я обязан дать моим сынам шанс показать мне, к какому лагерю они относились.

На практике же это означало, что первым под возможный выстрел подставляюсь я. Если бы примарх вышел в город, то привлёк бы к себе огромное внимание, к тому же ему следовало координировать оборону Авалуса, поэтому поисками моего теоретически существующего брата занялся я. Меня сложно назвать неприметным, но без доспехов и в одном лишь балахоне коричневого цвета я бы вполне сошёл за генетически усиленного сервитора или рабочего. Эту маскировку я уже использовал во множестве других миров и помнил, как двигаться более медленно и

неуклюже, чем естественно для меня. Космодесантники — воины, и мы не очень годимся для таких ухищрений, однако за долгие годы необходимость заставила меня приспособиться.

Как верно предположил Лев, у меня имелось и другое преимущество: Падшие не были индивидуалистами. Тем не менее, как я должен отметить, мы также не пронизывали структуру Империи, как некая организованная и скоординированная сила, — или, точнее говоря, я ни о чём таком не знал. Но всё же Падшие оставались космодесантниками, которым во время индоктринации вложили в голову, что они должны принадлежать к чему-то большему. Вступая в контакт с братьями, все мы всегда знали: есть и другие, кого раскидало точно так же, как и нас. Благодаря такой общности пережитого возникает нечто вроде родства, чьи узы охватывают даже тех, кто за минувшее время мог измениться.

Падшие отмечают своё присутствие символами, и если другой воин обнаружит подобный знак, то поймёт, что он не один. Встречаясь, мы обязательно сообщаем друг другу о таких обозначениях. По большей части эти символы не калибанские. Вместо них мы используем те, что отождествляются со старыми Воинствами, из которых состоял легион до обнаружения Льва. Первого встреченного мною Падшего звали Сариус, и именно этот злобный одиночка научил меня, на что нужно обращать внимание. Это знание я передал Приавелю, но с ним я пробыл недолго, поскольку не мог терпеть его поклонение варпу.

Тем не менее одного лишь понимания знаков недостаточно, ведь ещё нужно разбираться, куда именно смотреть, поэтому сначала я отправился к Великой базилике Святого Иеронима Непорочного — крупнейшему из городских соборов, посвящённых Императору. Четыре из его куполов, выложенных светлым мрамором, окружали пятый, центральный и самый большой, а главному минарету огромного строения уступал высотой даже шпиль губернаторского дворца. Конечно же, мои братья никогда бы не оставили свой символ на самой базилике, ибо такое внешне еретическое деяние вряд ли бы удалось скрыть от верующих, что практически всегда толпились в подобных местах. Традиционно в таких случаях поиски следовало начинать с постройки напротив главного входа.

В Ксерксе на эту роль подходили два здания по разным сторонам улицы, которая вела на площадь с собором. Во-первых, питейное заведение, по-прежнему открытое, несмотря на все тяготы войны, а во-вторых, мортуариум. Последний разместился очень удобно, если учесть, что неподалёку высился собор, где хоронили известных или статусных личностей, да и люди с другого конца социальной шкалы периодически становились жертвой алкоголя прямо через дорогу. На стенах мортуариума

имелись разного рода отметины и граффити, но ничего такого, что привлекло бы моё внимание, однако на питейном заведении я обнаружил вырезанный круг с тремя пересечёнными линиями внутри: одна вертикальная, две под наклоном. У конца каждой из них процарапали под прямым углом чёрточку покороче, и получился схематичный рисунок трёх мечей с крестовинами.

Я смотрел на символ Воинства Клинков, самого многочисленного в легионе, того, что составляло костяк Первого. Дальнейшее направление поисков я определил по количеству и расположению других меток возле круга. Судя по всему, Лев мог оказаться прав. Один из моих братьев или находился в городе, или когда-то бывал здесь.

Я обошёл толпу просителей и кающихся, которые выкрикивали молитвы о спасении, взывая к Императору с отчаянием и неистовостью самых ярых илотов-сектантов. От подобных картин мне всегда становилось не по себе, но, что ещё хуже, я услышал, как с таким же благоговением произносится имя Льва. Это напомнило мне, сколь низко пал Империиум с высот здравомыслия, и я испытал отвращение.

Перейдя две улицы, я свернул на север и миновал ещё три, после чего наткнулся на следующий символ, нацарапанный на металлическом воротном столбе какого-то учреждения — похоже, схолама. Отметки вокруг него указывали, что нужно углубиться в город и удалиться от дворца.

Теперь я шёл по бедным районам. Очередной символ, уже выведенный краской, а не нацарапанный, почти терялся среди мази на стене, которой местные уличные банды обозначали свои территории. А ещё он оказался относительно свежим. Внимательно изучив знак, я обнаружил, что его нарисовали вместо более старой отметины, ныне частично закрашенной работами других. Итак, мой брат побывал здесь недавно, а значит, предположение Льва о том, что на борту судна, рухнувшего при загадочных обстоятельствах, находился Падший, стало более весомым.

Когда мне приходилось путешествовать на межзвёздных торговых кораблях, я внушал гражданским капитанам нечто среднее между уважением и страхом, что побуждало их воздерживаться от лишних вопросов. Иногда я даже покидал корабль раньше условленного времени, чтобы избежать возможных проблем в конце странствия. Сариус рассказывал мне, как одна из капитанов, с которой он летел, известила о нём знакомых ей рабовладельцев. Тем очень хотелось заполучить — как они думали — беглого генетически сотворённого серва. Кроме того, если за голову пассажира объявляли награду, существовал риск, что капитан предупредит имперские власти. Я уже не говорю о моих современных

братьях, которые с яростным упорством выискивали любые, даже самые мелкие зацепки, способные привести их к нам. Учитывая всё вышесказанное, я вполне мог представить, как после выхода торгового корабля на орбиту угоняю челнок и спускаюсь на планету сам, лишь бы избежать непредсказуемых ситуаций в космопорту.

Нарисованный символ направил меня вглубь трущоб, где по скудно освещённым улицам текли сточные воды. Я оказался на территории той самой банды, чьи отметки видел ранее, и поэтому двигался осторожно. Меня беспокоила не собственная безопасность, так как я не сомневался, что даже без защиты керамита разберусь с теми грабителями и молодчиками, которые могли рыскать здесь: дело в том, что любая стычка с применением насилия привлекла бы внимание, чего мне хотелось избежать. Вряд ли какому-нибудь отшельнику понравится, если к нему постучится тот, кто порвал на куски полдюжины преступников, пусть даже и в рамках самообороны.

Последний знак я нашёл на двери из дешёвого пластика, вделанной в стену приземистого здания. Я предположил, что оно сложено из местного камня. Отметка отличалась от прежних: вместо пересечённых мечей Воинства Клинков внутри круга виднелась толстая горизонтальная линия, увенчанная пятью вертикальными чертами. В грубом рисунке я узнал символ Воинства Корон, древнего братства поборников и прорывателей строя.

Я постучался в дверь. Возможно, такой финал поисков вас разочарует, но я не придерживался никакого тайного ритма и не готовился произнести какой-нибудь древний пароль. Стоит мне снять балахон и начать вести себя естественно, как любому, кто знаком с Легионес Астартес, сразу же станет очевидна моя природа. Кроме того, добраться до нужного места, ориентируясь по знакам, могли только те, кто присутствовал при Разрушении Калибана.

Правда, возможно, подумалось мне, пока я смотрел на дверь, не получая ответа, мои современные братья вырвали этот секрет у одного из Падших, после чего расставили ловушки, обратив наш язык символов против нас...

— Дёрнешься — умрёшь.

Шёпот у меня за спиной прозвучал настолько тихо, что услышал бы его лишь обладатель таких улучшенных органов чувств, как у меня. Я сразу понял, что говорит космодесантник: ни один смертный не обладал таким тоном и тембром.

Полагаю, меня держали на мушке чаще, чем почти любого из астартес. В случае с подавляющим большинством моих родичей — хоть древних, хоть нынешних — если в них целились, то уже очень скоро погибали либо

они, либо владельцы оружия. На поле боя иное невозможно. Однако для тех из нас, кто достаточно долго притворялся кем-то или чем-то другим, дела обстоят иначе. Я уже сбился со счёта, как часто на меня наставляли пушку личности, решившие потешить своё самолюбие или напуганные моими размерами. Они считали, что таким образом брали ситуацию под контроль. Порой я подыгрывал им, если решал, что это пойдёт мне на пользу, а порой они теряли руку, в которой держали ствол. Иногда им приходилось хуже.

Но в такое положение я ещё не попадал. Да, мы с Приавелем едва не обменялись выстрелами в тот момент, когда одновременно заметили один другого: вбитые в нас рефлексы побуждали сразу же выхватить оружие и открыть огонь, но помогло то, что мы оба успели понять, кого видим перед собой. Теперь же один из моих родичей имел надо мной преимущество. Местоположение говорящего я определил по голосу: тот донёсся из окна на верхнем этаже дома позади меня. Мои болт-пистолеты были спрятаны под одеждой, и я знал, что меня убьют прежде, чем я их коснусь. Я ни на миг не усомнился в том, что нахожусь под прицелом, ибо даже космодесантник вряд ли бы решился угрожать ничего не подозревающему брату, если бы не имел возможности тут же выполнить обещание.

— Кто говорит? — спросил я.

Тот факт, что меня всё ещё не застрелили, не прояснял ситуацию. Ветеран Разрушения наверняка попытался бы установить мою личность, прежде чем решить, убивать меня или нет, а младшие братья постарались бы живьём притащить меня к кому-нибудь из своих капелланов-дознателей, чтобы тот выпытал у меня признание.

— Значит, ты астартес, — произнёс голос немного громче. — Медленно повернись и держи руки по бокам. Не тянись за оружием.

Сделав так, как мне велели, я слегка приподнял голову и посмотрел вверх. При таком тусклом освещении я не увидел ни фигуры в окне, ни чего-то похожего на дуло оружия, но потом заметил направленный на меня кружок, более тёмный, чем мрак в проёме рамы. Металл вокруг отверстия зачернили, чтобы отблески не выдали позицию стрелка; мне удалось разглядеть форму ствола, пусть и едва-едва. Опознав болт-автомат, я понял, что без доспехов погибну очень быстро, и мысленно проклял Льва. Не в первый раз — и, как я надеялся, не в последний, ведь в таком случае я хотя бы доживу до следующего раза.

Пришло время взять ситуацию под контроль, насколько возможно. На тот момент мои ходы исчерпывались тем, что я мог сам поделиться информацией, не дожидаясь, пока её от меня потребуют.

— Я — Забриил из Первого легиона, и я пришёл к братьям. Назовёшь мне хотя бы своё имя?

Возникла пауза.

— Сними капюшон, — распорядился голос. — Медленно.

Я поднял руки и откинул капюшон. Странно, но без него я вдруг ощутил себя уязвимым, будто ткань, закрывающая лицо, служила мне чем-то вроде брони. Хотя, учитывая, как часто за прошедшие годы мне приходилось прятать свои черты, в каком-то смысле она и правда защищала меня.

— Императорова кровь! — произнёс голос уже без ноток сдержанной враждебности. Затем я услышал весёлое фыркание. — А ты *постарел*.

По крайней мере, отсюда следовало, что прямо сейчас меня не убьют, однако я почувствовал, что раздражаюсь. Одно дело — осторожность, а вот насмешки — уже совсем другое.

— Ты меня знаешь?

— Я *обучал* тебя, старик. Войди в дверь перед тобой, но держи руки подальше от оружия.

Перейдя улицу за два широких шага, я открыл дверь и увидел тускло освещённую комнату, которая, если не брать в расчёт лестницу, занимала весь нижний этаж здания. Уже собираясь войти, я резко остановился, так как оказалось, что помещение не пусто.

Внутри, прямо напротив дверного проёма, стоял в стойке дуэлянта крупный воин, одетый почти так же, как и я. В руке неизвестный держал отключённый силовой меч. Он точно был космодесантником, но не тем, который брал меня на мушку, поскольку тот находился на верхнем этаже, и я слышал, как он идёт к ступеням. Слева я заметил ещё одного воина, облачённого в полный комплект чёрной силовой брони, с красным стихарём поверх керамики. Этот целился в меня из плазмомёта. Его шлем с ярко светящимися красными линзами относился к более современным доспехам типа VII.

Я сглотнул. По некоторым причинам смерть от сожжения плазмой привлекала меня гораздо меньше, чем гибель от реагирующих на массу болтерных снарядов, хотя в первом случае, вероятно, всё закончилось бы даже быстрее. Кроме того, с этим космодесантником я ещё не говорил.

— Зайди и закрой дверь, — велел мне мечник.

Он говорил холодно и отрывисто, но характерное произношение гласных звуков выдавало в нём уроженца Калибана.

— Брат, — поприветствовал я его, выполняя приказ.

— Это мы ещё посмотрим.

Шаги на лестнице возвестили о прибытии третьего астартес, того, с кем я общался прежде. Когда он вошёл в комнату, довольно тесную даже для нас троих, показалось, что в ней закончилось место. Стоило мне увидеть лицо воина, как я с изумлением понял, что знаю его.

— Афкар?

— Я же сказал, что обучал тебя, разве нет? — с ухмылкой ответил рыцарь-сержант Афкар.

Этот египтянин с длинными гладкими волосами чёрного цвета стал одним из моих инструкторов, когда я только вознёсся в ряды Первого легиона. В прошлый раз я видел Афкара во время обороны Калибана, где он выкрикивал команды, но с тех пор его шевелюра не поседела и не утратила блеск.

— Ты не постарел, — изумлённо сказал я.

— Для меня прошло всего тридцать лет, — объяснил он. — Похоже, ты теперь старше меня раза в два, если говорить о реальном возрасте. — Афкар глянул в сторону и вздохнул. — Лохок, не уберёшь оружие? Ты пол-улицы снесёшь, если выстрелишь здесь.

— Не уберу, — ответил Лохок. Говорил он грубо и хрипло, даже если учесть небольшое искажение из-за вокс-решётки шлема. — Нам неизвестны его намерения.

Он держал плазмомёт «Риза-молния»: модель древняя по современным меркам, но выглядело оружие относительно новым. Я предположил, что оно взято из арсенала нашего легиона, то есть создано во времена, когда Империя понимала плазменные технологии лучше, чем на нынешнем уровне.

Афкар вновь вздохнул.

— Забриил, это Лохок, также именуемый Красным Шёпотом. А это Кай.

Калибанец слегка кивнул мне, но Красный Шёпот даже не шевельнулся.

— Это Забриил, которого я тренировал, — продолжил Афкар и улыбнулся. — Приятно вновь увидеть тебя, пусть даже ты и изменился с тех пор, как мы виделись в последний раз.

— Таким меня сделали четыреста лет, проведённые в этой Галактике, — пробормотал я.

Афкар поморщился.

— В одиночку?

— Почти. Я встретил пару других, но в обоих случаях кто-нибудь из нас двоих быстро решил двигаться дальше своей дорогой.

Я представил, как бы всё изменилось, если бы в прошлом, когда мне приходилось как-то разбираться с тем безумием, в которое превратилась моя жизнь, меня сопровождали братья-единомышленники. Пришлось подавить зародившееся чувство зависти, ибо я не мог допустить, чтобы в мой голос закралось возмущение.

— Улицы уже гудят от слухов, — произнёс Кай. — Говорят, что Лев Эль'Джонсон здесь, в Ксерксе.

— Молва не врёт, — просто сказал я. — Он вернулся.

Три космодесантника напряглись. Я ожидал возражений с их стороны, но, судя по всему, они не сомневались, что их брат способен узнать их примарха, встретив его.

— И ты с ним? — поинтересовался Лохок.

Он до сих пор держал палец на гашетке, и я отлично это сознавал.

— Да, — ответил я.

— Даже несмотря на то, что он и остальные его предатели пытались нас всех уничтожить? — уже более резко спросил Афкар.

Я пожал плечами.

— Едва увидев Льва, я попытался убить его. Не получилось. Он же не убил меня в ответ. Вместо этого мы поговорили о том дне. Примарх клянётся, что сохранил лояльность Императору, и я ему верю. Он также клянётся, что Калибан первым открыл по флоту огонь, и я верю, что он в это верит. Если кто и совершил измену, то, боюсь, наши командиры: Лютер, Астелян и их сторонники.

— Я же говорил вам, что с Лютером что-то не так, — пробормотал Кай.

Афкар жестом приказал ему умолкнуть.

— Варп-шторм поглотил его так же, как и нас? — уточнил гиптянин.

— Примарх не знает, — сказал я. — Он ничего не помнит о том, что случилось между уничтожением Калибана и встречей со мной. — Я решил пока что не упоминать странные псевдокалибанские леса: если Лохок всё-таки не испепелит меня, потом у нас будет вдоволь времени, чтобы обсудить эту тему. — Но мне кажется, что нет. Он *стар*, Афкар. Лев выглядит даже старше меня. Если уж и рассуждать наугад, то я бы сказал, что его где-то держали, и там он старел естественно... для примарха.

— Держали где? Кто именно? — вмешался Кай.

Я лишь развёл руками.

— Как я и говорил, брат, это лишь мои рассуждения.

— Почему он отправил тебя найти нас? — требовательно спросил Афкар.

Мой бывший наставник явно не доверял нашему генному отцу.

— Ему нужна наша помощь. Он хочет защитить как можно больше людей, а для этого ему требуются космодесантники. — Поколебавшись, я продолжил: — И, если говорить откровенно, мне думается, что примарху одиноко. Как и мы, Лев пробудился

в Галактике, что разительно отличается от той, которую он знал прежде. И здесь все замыслы его отца пошли прахом. Лев, как и всегда, стойко принимает такой исход, но мне кажется, что он жаждет чего-то знакомого и родного, а я лишь один. Мне удалось убедить примарха, что хотя бы кто-то из нас, тех, кто присутствовал на Калибане, ничего не знал ни о каких враждебных намерениях до того, как его войска пошли в атаку. Теперь он хочет найти всех своих живых сыновей. Думаю, Лев желает примирения.

— Примирения? — зарычал Афкар. — Он вырезал наших братьев: и воинов, которые были в легионе с момента его создания, и неофитов. А теперь он ждёт, что мы поверим, будто случилось *недоразумение*?

Красный Шёпот опустил оружие.

— Я пойду с тобой, брат.

Моё удивление, как в зеркале, отразилось на лицах Кая и Афкара. Лохок же, судя по всему, решил, что подробных объяснений не требуется: он просто закинул плазмомёт на плечо и повернулся к стоящему у него за спиной сундуку. Я предположил, что там воин хранит какие-нибудь личные вещи и боеприпасы.

— Лохок? — проговорил Афкар, одним словом выразив всё, о чём ему хотелось расспросить.

— Я никогда не верил в предательство Льва, — сказал Лохок. — Всегда подозревал какую-то ошибку. Калибан был странным миром, там многое искажалось. Как знать, не затронуло ли это и нас? — Он открыл сундук и вытащил бандольер, на котором висели два контейнера с плазмой. — Вернувшись в Галактику, я охотился на самых могучих зверей, что пожирали людей, и каждое убийство посвящал Льву. Если он собирается превратить охоту в войну, я пойду с ним.

Афкар нахмурился.

— А если я откажусь пойти с тобой, Забриил? Что он приказал тебе сделать в таком случае?

Я ответил прямо.

— Лев отправил меня с обращением, а не с приказом. Он *просит* вас помочь ему защитить человечество. Как сказал Лев, если вы откажетесь, но не станете чинить ему препятствий, он не будет вас преследовать. Кроме того, — добавил я, — мы понятия не имели, что тут окажется несколько

моих братьев. Даже если к нам присоединится только Лохок, на большее мы всё равно не надеялись.

Кай хмыкнул.

— Такую возможность я не упущу. Спустя столько времени вновь увидеть своими глазами моего примарха? — Он убрал меч в ножны. — Я пойду с тобой, Забриил, но не обязательно останусь.

Я взглянул на Афкара. Он раздул ноздри, но через пару секунд кивнул.

— Ладно, послушаем, что он сам скажет. — Афкар бросил взгляд на Кая, затем вновь посмотрел на меня. — Забриил, не хочу просить тебя унижаться, но...

— Но всё пройдет быстрее, если я помогу тебе надеть доспехи. — Я одарил бывшего инструктора понимающей улыбкой и с готовностью шагнул вперед. — Брат-сержант, я примерно четыреста лет был один, и никакие слуги не помогали мне облачаться в броню. Мне приходилось выбирать, когда надевать её, а когда снимать. Я постоянно думал о том, когда сумею проделать обратные действия, если это вообще удастся, и о том, насколько опасно открывать свою личность тем, чью помощь я принимал. Конечно же, я помогу тебе.

XVII

Спящего на полу примарха будит звон вокса. Он садится, тянется к мечу и лишь затем берёт прибор связи, лежащий на подставке рядом с непригодившейся кроватью. Казалось, Льву выпала прекрасная возможность отдохнуть, ведь он раздал инструкции, которые теперь выполнялись, а какие-то явные угрозы отсутствовали. Сейчас же примарх смотрит на застланные ночью небеса за окном и размышляет, не ошибся ли он, если кто-то поднимает его на ноги в такой час.

— Да?

— Ваш... спутник вернулся, мой повелитель.

Лев издаёт веселый смешок.

— Если ты про Забриила, то он не мой спутник, а мой сын. Он один?

— Нет, мой повелитель. С ним ещё трое.

— Трое? — Примарх встаёт. — Три космодесантника? В чёрных доспехах?

— Именно, повелитель. Мне проводить их в Сумеречный сад?

— Так и сделай.

Отключив связь, Эль'Джонсон берёт лежавшее на постели облачение — дар от маршала Харадж, сотканный её личными портными в течение двух часов после его прибытия. В области груди на ткани чудесного нежно-кремового цвета вышит чёрный крылатый меч, символ его легиона. Примарх надевает лишь мантию и не притрагивается к броне, ибо ему не нужно напоминать сыновьям о том, что он воин. Кроме того, вполне возможно, что в последний раз они видели Эль'Джонсона именно таким: облачённым в Львиный Доспех, надвигающимся на их братьев с обнажённым клинком.

Примарх способен учитывать мысли и чувства других, но для этого ему нужно прилагать сознательные усилия. Воссоединение с Забриилом получилось внезапным и стремительным, когда Лев даже не понимал, кто

такой он сам, и с тех пор он размышлял над тем, как начинать общение с другими воинами его легиона. Тем не менее совсем не очевидно, что ему удастся выбрать правильный подход.

— Отец, почему ты создал нас такими? Такими... неполноценными? — бормочет Эль'Джонсон, прекрасно осознавая свои недостатки. — Я — оружие, полезное лишь в пределах той структуры, которую ты создал заранее. Теперь же она распалась, и у меня больше нет власти, кроме той, коей наделяют меня её уцелевшие части. Я могу подавать пример остальным, но не более того.

Примарх вздыхает. Сейчас нет времени на подобные размышления. Он послал Забриила вернуть одного сына, однако бывший разрушитель вернулся с тремя. Лев не расположит их к себе, если заставит ждать.

Он покидает свои покои и выбирает кратчайший путь через дворец. Эль'Джонсон запомнил его планировку, когда оценивал оборонительные возможности сооружения. Когда он встречает стражников, которые размещаются на пересечениях коридоров, они резко принимают собранный вид и салютуют ему, а один или два склоняют голову и шепчут так, будто молятся. Примарх решает не обращать на это внимания.

Сумеречный сад представляет собой большой балкон, расположенный на высоте трёх этажей над землёй и выдвинутый в сторону заката. Лев входит туда через двойные двери из старого дерева, где в створки вставлены квадраты матированного стекла. Наполнив лёгкие, примарх ощущает ароматы ночного воздуха и растений, однако улавливает и едва ощутимые нотки керамики, а также слабый запах озона, идущий от отверстий силового доспеха, через которые выводится тепло. Так пахнут космодесантники.

— Забриил? — произносит Лев, остановившись.

Мысленно он тут же сравнивает своих сынов с насторожёнными дикими животными, коих ему не хочется спугнуть, и старается выкинуть из головы нелестную аналогию.

Забриил появляется за спиной примарха, выйдя из-за куста, на котором растут цветки размером с женский кулак. Сейчас бутоны сомкнуты, но в воздухе до сих пор витают слабые отголоски их благоухания.

— Повелитель, я нашёл трёх моих братьев. Все они согласились увидеть вас.

Лев глубоко вздыхает.

— Я рад.

Перед примархом возникают трое незнакомцев. Первый космодесантник — самый высокий из пришедших, а каждый его шаг

сбалансирован, как у дуэлиста. Это впечатление подкрепляется тем, что на поясе у него висит силовой меч в ножнах. Латы у него, как и у Забриила, относятся к типу IV, но повреждены не так сильно. За ним следует воин с плазмомётом, который носит не столь знакомую Эль'Джонсону силовую броню, хотя большая её часть всё равно скрыта под красным стихарём с капюшоном. Последним крадёт — если так вообще можно сказать про космодесантника — боец с болтером. Он облачён в древний комплект доспехов типа III «Железный», но, несмотря на возраст, эти латы находятся в лучшем состоянии, нежели более современные версии.

— Я подвёл моего отца, — такие слова невольно слетают с губ Льва. — Боюсь, я подвёл и моих братьев, но я не хочу подвести моих сыновей.

— Какая-то запоздалая сентиментальность, — язвительно говорит замыкающий воин.

Эль'Джонсон определяет личность космодесантника по знакам на доспехах.

— Рыцарь-сержант Афкар. Рад снова тебя видеть.

— Не могу сказать того же, — отвечает Афкар, держа палец рядом со спусковым крючком болтера.

Лев вдруг начинает сомневаться, разумно ли он поступил, придя на эту встречу. Он без доспеха, и даже у примарха есть все основания бояться выстрела из плазмомёта в упор.

— Полагаю, Забриил объяснил, что я не возлагал на вас обязательство явиться сюда? — спрашивает Эль'Джонсон. — Меня годами обманывал Хорус, притворявшийся, будто верен Императору. Меня обманывали мои братья и силы, которым они служили. Судя по всему, когда я вернулся на Калибан, многих из нас вновь обманули. Я видел, как Лютер пользуется гнусным колдовством, кое на моих глазах применяли только предатели, однако теперь я верю, что многие мои сыновья, оказавшиеся с ним на той планете, тоже стали жертвами лжи и ничего не знали о его грехопадении. Я пытаюсь увидеть за теми обманами истину и отбросить взаимные упрёки.

— Как удобно, что ты приходишь к такому заключению сейчас, когда вернулся на руины Имперiums и вновь желаешь его восстановить, — насмешливо говорит Афкар. Сняв шлем, он встречает взор Льва, глядя на него недоверчивыми тёмными глазами. — Что же ты не усомнился в нашей виновности, когда у тебя за спиной стояла большая часть легиона?

— На Калибане я научился действовать без сомнений, и этот же образ мышления я взял с собой в Галактику, — произносит Лев. — Он, очевидно, не был лишён изъянов. Возможно, сжигаемый предательством и горем, я действовал слишком гневно и поспешно. Тем не менее с Калибана без

предупреждения открыли огонь по собственным братьям. Если вы действительно считаете, что вина лишь на мне, зачем же пришли сюда?

— А это точно наш примарх? — вмешивается мечник, взмахнув той рукой, что не лежит на наверху рукояти клинка. — Забриил, ростом он подходит, но внешне очень изменился. Да и не такой мстительный, как я ожидал.

Лев ощущает вспышку раздражения от того, что про него говорят таким небрежным тоном, но твёрдо держит себя в руках.

— Рыцарь-командор Кай. Вижу, нрав у тебя всё тот же.

— Спасибо, — с полупоклоном отвечает воин.

— Не факт, что я сделал тебе комплимент.

— Зависит от того, насколько правильное сложилось обо мне мнение. — Кай обнажает силовой клинок. — Вижу, ты пришёл с оружием, мой владыка Лев. Интересно, затупились ли твои навыки так же, как постарело лицо.

— Не будь глупцом, Кай! — рявкает Забриил, но в ответ рыцарь-командор лишь смеётся.

— Если он хочет, чтобы мы следовали за ним, тогда я хочу испытать его единственным способом, который имеет смысл. В конце концов, я всегда владел клинком лучше всех в легионе, за исключением нашего повелителя.

— Корсвейн мог бы поспорить, — скрипуче отмечает космодесантник в красном одеянии.

— Пожалуй, Корсвейн сумел бы доставить мне неудобства, но лишь в свои лучшие дни, — беззаботно парирует Кай. — Кроме того, его здесь нет.

Рыцарь-командор включает клинок.

Он не делает дальнейших предупреждений, не салютует оружием и не заявляет о своём намерении. Просто нападает.

Лев делает шаг назад, уворачиваясь от первого выпада, и, следуя одному лишь инстинкту, выхватывает Верность. Силовое поле с треском возникает вокруг лезвия как раз вовремя, чтобы отразить второй удар Кая. Бывший рыцарь-командор наступает стремительно и агрессивно, ежесекундно меняя хват с одноручного и двуручного и обратно. Каждое движение космодесантника посвящено атаке. Как бы хвастливо ни заявлял Кай о том, что превосходил всех Тёмных Ангелов в мастерстве, его притязания не лишены оснований: он, вне всяких сомнений, искусный мечник. На Камарте примарх пробивал себе дорогу через целое воинство врагов одними лишь руками в латных перчатках, а бойцов предательских

легионов и их младших соратников разил Верностью без остановки, но никто из них не обладал таким талантом.

Лев обходит противника справа, однако Кай безупречно работает ногами, поэтому его атаки не прерываются. Примарх отбивает кончик клинка в сторону за мгновение до того, как остриё оцарапало бы ему грудь. Каю уже трижды почти удалось попасть по Эль'Джонсону, несмотря на разницу в размахе рук.

Всё потому, что космодесантник оставляет себя открытым.

Лев машинально проводит выпад, но успевает отдёрнуть Верность до того, как она вошла бы Каю в бок. Это неестественное движение на мгновение нарушает его равновесие, и воин не упускает свой шанс. Он наседает на примарха, показывая, что метит клинком в лицо, но затем наносит рубящий удар. Если бы Каю повезло чуть больше, Лев лишился бы правой руки ниже локтя, а Верность валялась бы в траве.

— Хочешь, чтобы я убил тебя? — вопрошает примарх.

— Я ведь на тебя нападаю! — кричит космодесантник. — Почему бы и нет?

Лев пытается схватить Кая свободной рукой, но едва не теряет её.

— Ты будешь сражаться? — ревёт бывший рыцарь-командор, целясь примарху в голову. — Где же этот величайший воин Императора?

Эль'Джонсон отклоняется назад, уходя от удара, затем отбивает выпад в живот, после чего резко выбрасывает вперёд ногу.

Его голая ступня врезается в нагрудник мечника и сбивает того с ног, отправляя в воздух. Пролетев около трёх метров, Кай с глухим стуком падает в траву, но через мгновение вновь поднимается с клинком наготове. Вот только теперь в атаку бросается уже сам Лев.

Он не целится в туловище или голову Кая, ибо подозревает, что его сын снова откроется. Вместо этого Эль'Джонсон бьёт по оружию и выворачивает силовой меч космодесантника вбок. Хотя тот не выпускает клинок, следующим ударом примарх уже выбивает его из хватки воина. Остриё Верности замирает на расстоянии толщины пальца от горжета Кая.

— Не испытывай меня больше, — рычит Лев.

Кай преклоняет колено и снимает шлем, но на лице под ним играет улыбка.

— Простите меня, повелитель. Слова примирения произнести легко, но мало что способно раскрыть душу так, как фехтование. Вы могли убить меня, но не стали. Если вы собираетесь защищать этот и другие миры, я вновь вверяю вам свой клинок.

— А если бы я *убил* тебя? — требовательно спрашивает Лев.

— Тогда мои спутники поняли бы, что ваши слова пусты, — отвечает Кай.

Эль'Джонсон усмехается. Примарх помнит рыцаря-командора Кая как хвастуна, про которого не раз шептали, что место ему скорее в рядах Детей Императора. Однако Лев помнит и воина, который никогда бы не потребовал от других того, чего не решился бы совершить сам.

— А если бы ты убил меня? — интересуется примарх.

— За это он бы умер, — произносит космодесантник в красных одеяниях с того места, где он наблюдал за боем вместе с Афкаром и Забриилом. Когда Лев обращает на него взгляд, воин тоже встаёт на одно колено и опускает голову. — Я — Лохок, мой повелитель, и присяга обязывает меня служить вам сейчас так же, как и прежде. Сколько бы времени ни минуло, деяниям нашим нет прощения, и для себя я желаю лишь возможности искупить вину.

Лев хмурится.

— Спасибо, Лохок, но я не узнаю тебя. Снимешь ли ты шлем?

— Прошу простить меня, повелитель, но нет.

Эль'Джонсон смотрит на Кая, и тот пожимает плечами.

— Мы с Афкаром нашли Красного Шёпота два года назад, однако ни разу не видели его лица. Он ест в одиночку.

— В здании, где я нашёл вас? — недоверчиво спрашивает Забриил. — Там места едва хватало, чтобы просто вместить вас троих.

— Братья подстроились под мои... склонности, — скрежещет Лохок, не поднимая головы.

Примарх отключает Верность и убирает оружие в ножны.

— Кай, Афкар. Вы знали его два года? И за всё это время он ни разу не дал повода усомниться в нём?

— Довольно трудно передвигаться по улицам, не привлекая внимания, — говорит Афкар. — А «склонности» Лохока всё только усложняли. Доходило до того, что на нас с Каем почти целиком ложилась ответственность за поиск припасов, общение с посторонними и так далее. Проще наши жизни он точно не сделал, но сомневаться? Нет. Он уже спасал наши шкуры прежде.

— Лохок подстрелил ту здоровенную ксенотварь, которая чуть не выпотрошила тебя на Лларрафе-Бета, — соглашается мечник. — Начисто сжёт её голову.

— Она чуть не выпотрошила *нас*, Кай.

— Я был готов отбить её когти своим клинком, — фыркнув, отвечает бывший рыцарь-командор, — а потом выпустить ей кишки в ответ. Но, при всём моём проворстве, плазменный заряд всё равно быстрее.

— И как же ты собирался вернуть себе клинок, когда тот валялся в десяти шагах от тебя, выбитый из руки той тварью? — интересуется Красный Шёпот, по-прежнему склоняющий голову.

Кай улыбается, и даже Афкар больше не выглядит таким хмурым. Лев ясно видит взаимоотношения, возникшие между воинами за всё то время, пока те были вместе: мечник чрезмерно бравирует, хотя сам не верит своей похвальбе, и не возражает, когда гиптянин обуздывает его самомнение язвительными фразами, тогда как Лохок изредка вставляет собственные замечания. Всё это сильно отличается от порядка службы в легионе, но ведь и легиона у них больше нет. Лишить солдата структуры командования, в рамках которой он воевал десятки или даже сотни лет, — то же самое, что отнять у него частичку собственной сути, даже в случае с такой многогранной и изменчивой иерархией, как у Тёмных Ангелов. Чтобы выжить, им пришлось воссоздать эту частичку заново.

Первый легион никогда не вернётся в прежнем виде. Сейчас важнее всего приспособливаться.

— Я не собираюсь править, — говорит Лев. — У меня нет такого желания. Я буду командовать теми, кто хочет этого, и поведу тех, кто пойдёт за мной. Я знаю Кая, и он уже высказался. Лохок тоже дал свой ответ, а благодаря вашим рекомендациям я приму его. Что насчёт тебя, Афкар?

Какое-то мгновение гиптянин двигает челюстью, но в итоге примагничивает болтер к бедру и встаёт прямо.

— Ты дашь такую же возможность всем нашим братьям, которых мы можем повстречать?

— Если они порчены, я не стану сдерживать руку, — твёрдо произносит Эль'Джонсон. — Но и не буду совершать ту же ошибку, что на Калибане. Не стану объявлять их порченными без доказательств.

— Тогда вы не сойдётесь взглядами с Империеумом, — замечает Забриил.

— Мы *все* не сходимся с ним во взглядах, — отвечает Лев. — Определять природу данных противоречий и улаживать их будем тогда, когда человечеству перестанет грозить вымирание. — Он поднимает бровь. — Афкар?

Тот по-прежнему мешкает, но когда всё-таки решается, то двигается стремительно. Гиптянин встаёт на колено быстрее, чем другие его братья,

словно наконец уступил тяжкой ноше — или же, наоборот, сбросил с себя давнюю напряжённость.

— Если вы не тот, кем мы вас считали, значит, мы были глупцами, — говорит Афкар глухим голосом. — Глупцами, которые открыли огонь по своим братьям без причины.

— Не говори «без причины», — произносит Лев. Он старается сохранять нейтральный тон, ибо снисходительность может сказаться столь же негативно, сколь и гнев. — Говори, что вас обманули, как и меня, и что теперь у тебя есть возможность искупить все ошибки, которые, как тебе кажется, ты совершил. Искупить их, стоя рядом со мной, а не скрываясь в тенях.

Афкар кивает.

— Такую возможность я не отвергну.

Делая глубокий вдох, Лев вбирает в лёгкие ночной воздух и наслаждается запахом растений. Аромат приятен, как напоминание о лесах родного мира, только без обитающих в них опасностей.

— Тогда идёмте, сыны мои. Нам нужно спланировать кампанию.

XVIII

Реальность замерцала, пошла рябью, и из межзвёздной тьмы выскользнул флот, который устремился в систему Авалус, будто стая океанических хищников.

Он не был однородным. Стержнем всей армады служил гранд-крейсер типа «Яростный» под названием «*Владыка доминиона*» — залитое кровью зубчатое чудовище, источающее тёмное величие, и, словно исполинские небесные тела, вращающиеся вокруг звезды в планетарии древней Терры, окружали его другие выстроившиеся в боевой порядок корабли: три тяжёлых крейсера типа «Аид» — «*Кошмарный свет*», «*Капище древних*» и «*Падение*»; два тяжёлых крейсера типа «Стикс» — «*Кровавая клятва*» и «*Воронья смерть*»; два крейсера типа «Опустошение» — «*Всепобеждающий*» и «*Саван*»; не меньше четырёх скоростных крейсеров типа «Бойня» с тяжёлым вооружением, в том числе «*Аш'катон*» и «*Горестный*», а также два корабля-близнеца «*Безжалостный*» и «*Бесстрашный*», построенные на верфях Селетана и предавшие в один день; крейсера «*Штормолом*» и «*Оскверняющий взор*», относившиеся к типу «Несущий ад»; единственный крейсер типа «Готика» — «*Длинный клинок*»; бывший ударный крейсер Ангелов Бдительности «*Грозный страж*», уже посвящённый новым богам, и бессчётное количество более мелких лёгких крейсеров и кораблей сопровождения.

В арьергарде же шёл крейсер типа «Резня», «*Око злобы*».

Голопроектор на его мостике зажужжал. Когда Баэлор нажал руну включения, устройство с фырканием ожило, и частицы света над ним слились в фигуру Варкана Красного. Чемпион Кхорна, свирепо глядя перед собой, вытер керамитовой перчаткой нить слюны с нижней губы и начал обращение ко всему флоту.

— Авалус цеплялся за жизнь, — прорычал он голосом, полным жажды крови. — Мы позволяли ему выживать, потому что у нас были другие, более манящие цели, но это изменилось. Авалусцы считают, будто могут

непокорно орать в пустоту без последствий для себя. Мы здесь для того, чтобы показать им, как они ошибаются. Мчитесь к главному миру на полном ходу и истребляйте всё на своём пути! Есть лишь одно исключение. Если имперские глупцы правы и у них там как-то оказался Лев, тогда владыке Серафаксу он нужен живым. Если примарх на корабле, берите его на abordаж, а не уничтожайте. Если он в комплексе на планете, проводите высадку, а не бомбардировку. В остальном...

Улыбнувшись, берсерк показал металлические зубы, почерневшие и разъеденные кислотной слюной, но всё ещё острые.

— Пусть льётся кровь.

Светящаяся фигура Варкана ткнула во что-то за пределами поля обзора вид-формирователя, который фиксировал и передавал образ воина, после чего изображение зарыбило, но не исчезло. Когда вожак кхорнитов поднял глаза, смотрел он лишь на Падшего.

— Баэлор.

— Варкан, — ответил Тёмный Ангел. Он видел, как впереди начали вспыхивать плазменные двигатели — это флот ответил на призыв к бою, повинаясь своему кровожадному господину. — Впечатляющая речь. Тебе даже удались законченные предложения.

Берсерк вновь оскалил зубы, теперь уже без единого намёка на улыбку.

— Серафакс пока что терпит тебя, Самозванец, но твоё время на исходе. Будь иначе, разве не отменил бы лорд-чернокнижник моё решение, когда я поставил тебя в арьергард? Он знает, что ты слаб и ненадёжен, и даже его братолюбие недолго будет служить тебе защитой.

— Насколько я помню, это не мой череп раскололся бы, не вмешайся тогда Серафакс на *«Клинке истины»*, — сказал Баэлор, и Варкан дёрнул щекой, вспомнив тот случай. — Кроме того, я уверен, что твой безрассудный рывок подарит *«Оку»* море удобных вражеских целей, когда противник окружит вас.

— Тогда будем надеяться, что твой корабль помнит, как сражаться, — прорычал Варкан и прервал передачу.

Вздохнув, Баэлор повернулся к кантикаллаксу Диморе.

— Запускай плазменные двигатели и не отставай от флота. Я хочу, чтобы сенсоры работали на полную мощность. Варкан ещё способен проявлять какую-никакую тактическую грамотность и коварство, когда доходит до лобовой атаки, но он не станет уделять внимание врагам, которые уклонятся от натиска боевой группы, и разгневается на любого, кто нарушит строй ради схватки с ними. Возможно, хлопот у нас будет больше, чем мне бы хотелось.

— Похоже, тебя не беспокоит то, как он оценил твои личностные характеристики, — высказалась Димора.

Палуба под ногами Баэлора загудела: кантикаллакс подала мощностные двигатели, и корабль направился к далёкому, едва видимому шару Авалуса.

— Я замечала, что обычно представители Астартес, подобные тебе, придают непропорционально большое значение таким понятиям, как честь. Назначение в арьергард часто воспринимается как позор, хотя статистически и тактически эта позиция относительно важна для благополучия всей группы.

Баэлор усмехнулся.

— Мнение Варкана обо мне несущественно. Меня поставили в арьергард потому, что именно здесь меня хочет видеть Серафакс. Он знал: если отдать командование Варкану, тот определит меня именно сюда. Неважно, победим мы в грядущей битве или нет. Моя цель в этой кампании, то единственное, что имеет важность, — подтвердить присутствие Льва. Если примарха тут нет, тогда Авалус падёт, а Варкан упьётся кровью планеты.

— А если он здесь?

Баэлор взглянул на ауспики, где отображалось рассредоточение флота во всей его огромной мощи. Хотя Авалус долгое время отбивал налёты и неплохо держался в изоляции, его ограниченные ресурсы таяли, и одной лишь численности боевой группы Варкана, безусловно, хватит, чтобы сокрушить то, что осталось.

Разве что...

— Если *он* и правда здесь, — сказал Баэлор, и внутри у него что-то оборвалось лишь от того, что он произнёс это вслух, — нас ждёт много чего интересного.

XIX

Хаоситский флот действует бесхитростно, но это не значит, что он не опасен. Группировка врага свирепо и стремительно несётся к Авалусу, словно кулак в латной перчатке, и мощнейший удар причинит громадные разрушения, если попадёт в цель, а Лев прекрасно знает, что с уклонением у планет беда.

— Шестнадцать капитальных кораблей, — выдыхает адмирал Торрал Дерриган. Он смотрит на метель из значков, что застилает тактический гололит на мостике *«Лунного рыцаря»* — линейного крейсера типа «Армагеддон», главной опоры авалусского флота. — Суммарно около двухсот звездолётов...

— Сто восемьдесят четыре, — поправляет Эль'Джонсон.

Челнок доставил примарха на флагман сразу же, как поступили первые данные с сенсоров.

— Враг вдвое превосходит нас по общей численности и втрое — по капитальным кораблям, — напряжённо произносит адмирал. — Владыка Лев, я не вижу вариантов, как нам победить в этом бою.

— Ты сдашься? — спрашивает примарх.

Дерриган бросает на Эль'Джонсона свирепый взгляд, но тут же одёргивает себя.

— Никогда, мой повелитель. Даже если забыть о позоре, лучше погибнуть в бою, чем попасть в плен к этим чудовищам.

— Тогда отступишь?

Адмирал сглатывает.

— Наверное, в прошлом я бы так и поступил, мой повелитель. Тактическая доктрина советует старшему офицеру не бросать свои силы в битву, в которой нельзя победить, если есть возможность соединиться с другими подразделениями и вернуться, чтобы отомстить. Однако в нынешние времена варп для нас ещё опаснее, чем прежде, тогда как наши

враги, — он указывает на гололит, — могут выходить из него в боевом порядке. Есть вероятность, что при бегстве мы напрасно потеряем половину кораблей или даже больше. В реальном пространстве у нас хотя бы только один противник.

— Значит, сражаемся, — с удовлетворением говорит примарх. — Мы сражаемся, чтобы защитить планету, систему и тех, кто в ней живёт, а если наш единственный выход — это бой, тогда и вероятность победы не имеет никакого значения, верно?

Адмирал Дерриган хмурится, но затем на его слегка озадаченном лице появляется выражение согласия.

— Я... полагаю, что так, мой повелитель.

— Вокс-офицер, — произносит Лев, отводя взгляд от гололита.

Подобные должности на флагмане занимают лишь заслуженные ветераны, но даже такой выдающийся офицер словно каменеет, когда к нему обращается гигант в чёрных доспехах, явившийся прямиком из мифов. Тем не менее у него получается отсалютовать.

— Д-да, мой повелитель?

— Передача на корабли нашего флота, — распоряжается Эль'Джонсон. — Полный охват. Я хочу, чтобы её услышал каждый человек на каждом звездолёте, а не только команды мостиков.

Нервозность не мешает вокс-офицеру выполнять его долг. Задав соответствующие настройки на пульте управления, он откидывается в кресле.

— Исполнено, мой повелитель. Вокс ваш.

Лев делает вдох.

— Защитники Авалуса, говорит Лев Эль'Джонсон, примарх Тёмных Ангелов и сын Императора. Перед нами враг, цель которого — уничтожение не только этого флота и вашей планеты, а любых остатков Империи и всего человечества. Я не стану отрицать, что силы в предстоящей битве неравны, однако мне довелось увидеть, как народ Камарта восстал и сбросил иго захватчиков, считавших, что они покорили тот мир. Кажущееся положение дел не всегда истинно. Наши противники жестоки и безжалостны, но им часто недостаёт дисциплины или организации. Они не сражаются друг за друга. Не так, как должны мы. Поодиночке каждый из нас падёт. Но если мы не забудем, что принадлежим к чему-то большему, если не поддадимся страху и отчаянию, если будем выполнять свои обязанности быстро и эффективно, тогда мы раздосадуем наших врагов и приведём их в ярость, заставим совершать ошибки. Ошибки, за которые они заплатят кровью. Не стану обещать вам,

что наша борьба завершится победой, но уверяю — победы без борьбы не достичь.

Лев поднимает взгляд и смотрит через главную обзорную галерею «*Лунного рыцаря*» туда, где, как он знает, находится флот Хаоса. Даже его глаза пока видят лишь испещрённую звёздами тьму, по которой никак не определить, что на них надвигается противник.

— Однако я вернулся десять тысяч лет спустя не за тем, чтобы провалить возложенную на себя задачу. Я хочу донести до всех вас, от капитана до крепостного матроса, что ради защиты вашего мира я отдам жизнь, если придётся. Впрочем, мне думается, что мой отец направил меня сюда не погибать, а потому занимайте посты, заряжайте орудия и готовьтесь бить этих предателей и еретиков за Авалус, за Империум и за Самого Императора!

На мгновение мостик окутывает безмолвие, которое тут же сменяется возгласами:

— ЛЕВ!

— ЛЕВ!

— ЛЕВ!

Из вокса несутся крики: поначалу их извергают лишь десятки глоток на мостиках, но скандирование усиливается, когда в него вливается звук с ретрансляторов со всех кораблей флота. Каждый, кто находится рядом с вокс-установкой, включает её на передачу. Спустя несколько секунд уже тысячи людей кричат в пустоту, заявляя о своей верности и непокорности, а вокс-рупоры начинают трещать и перегружаться.

Эль'Джонсон жестом приказывает офицеру связи вырубить приём. Гвалт исчезает, и тишина на мостике «*Лунного рыцаря*» кажется пустой, но эта пустота насыщена ожиданием, в ней ощущается бремя ответственности. Экипаж, обретший новую решимость, возвращается к своим обязанностям.

— Вы действительно верите, что вас сюда направил Император? — негромко спрашивает примарх Забриил.

— Что-то точно направило, — так же тихо отвечает Лев, — и я не думаю, что за этим стоит злой умысел. Я не считаю своего отца богом, как люди вокруг, но и не сомневаюсь в Его силе. Разве Он не поддерживал на протяжении десяти тысяч лет Астрономикан, что служил маяком для всех странников человеческих, хоть сейчас и не виден нам? Ни один смертный не сравнится с моим отцом во владении варп-искусством. Если кто-то и мог дотянуться до меня и направить сюда, то только Он.

— И такое заявление способно поднять боевой дух нашего флота, — добавляет Забриил.

Лев вздыхает.

— В нынешних обстоятельствах я должен использовать все имеющиеся средства. Вопросы теологии подождут.

Примарх, к огромному огорчению представителей Экклезиархии на Авалусе, до сих пор отказывался с ними встречаться.

— Когда-нибудь вам придётся иметь дело со священниками, — говорит Забриил, словно читая его мысли. На Камарте все высокопоставленные церковники погибли либо во время первой атаки, либо в дальнейшем, когда Десять Тысяч Глаз выследили их и показательно казнили. После рассказов бывшего разрушителя Лев в глубине души считал, что этим враг оказал ему милость. — Имперское кредо слишком влиятельно, его не удастся долго игнорировать.

— По одной битве за раз, сын мой, — произносит Эль'Джонсон. Он вновь переводит внимание на тактические гололиты и начинает мысленно составлять план. — По одной битве за раз.

XX

Флот Хаоса не замедлялся и не менял курс. Враг действовал с грубой прямоотой, не придерживаясь никакой иной стратегии. Корабли приближались к Авалусу с ночной стороны, а значит, летели прямо на Ксеркс — то ли случайно, то ли намеренно. Столицу защищали два звёздных форта типа «Гавгамелы», которые висели над ней на геостационарной орбите, однако они бы не смогли отбить атаку столь мощной группировки. Такой штурм, пусть безыскусный, оставлял нам лишь два неутешительных варианта: остаться на позициях и встретить флот Хаоса лоб в лоб или же уклониться от прямого столкновения с превосходящими силами, но открыть им прямой путь на столицу.

Прежде я принимал участие в похожих планетарных штурмах, и Лев, разумеется, тоже. Мы оба понимали, какой разгром устроят предатели, если позволить им продвинуться так далеко. Хотя они не принадлежали к какому-нибудь из легионов Космодесанта и не имели той дисциплины и оснащения, какими мы обладали в зените Великого крестового похода, те гнусные силы, которым поклонялись враги, могли наделить их способностью учинять такие же разрушения, причём даже более беспорядочные. Поэтому только казалось, что у нас есть выбор: на самом деле примарх мог принять лишь одно решение.

Наш флот выстроился в боевой порядок тремя сферами, в центре каждой из которых размещалось по два капитальных корабля, а позади нас находились планета и звёздные форты. Позиции посередине заняли «Лунный рыцарь» и «Адамантовая воля», крейсер типа «Доминатор». Правое крыло опиралось на два крейсера типа «Лунный» — «Леди Варин» и «Пилигрим», а левое — на «Праведную ярость», крейсер типа «Диктатор», и «Погибель изменников», крейсер типа «Готика». Мы рассредоточились по более широкому фронту, нежели армада Хаоса, идущая плотным строем, и выдвинули фланги вперёд, чтобы нанести как можно больше урона с обеих сторон, однако ради увеличения ширины

порядков пришлось пожертвовать их высотой. Группировка предателей, напротив, держалась единым условно сферическим построением: её корабли сопровождения, которые окружали более крупные капитальные звездолёты, формировали уродливый кулак, способный с лёгкостью пробить наши позиции посередине.

— Капитан Сериан, — сказал Лев в вокс. — Заявите о себе.

Пустотный бой может вестись на огромных дистанциях. Корабли выпускают торпеды, стремясь не только серьёзно повредить звездолёты, но и расстроить манёвры вражеского флота. Орудийные батареи ведут огонь на сотни километров, и даже лэнсы способны бить по целям сверхсфокусированными энергетическими лучами, пока те выглядят ещё как крошечные пятнышки, которые нужно выцеливать при помощи ауспиков. Тем не менее некоторое оружие бьёт на ещё большие расстояния.

Нова-пушка *«Адамантовой воли»* сгенерировала импульс, после чего в гуще вражеского флота практически сразу же загорелся и расширился далёкий огонёк взрыва. Такие орудия разгоняют гигантские снаряды почти до скорости света и намного превосходят любое обычное оружие в дальности стрельбы. Прошли бы минуты, прежде чем изменники смогли бы дать ответный залп.

— Враг уже выказал стремление сблизиться с нами, — заметил Лев. — Думаю, его не порадует, что он пока не способен возратить долг.

— Флот противника начинает рассеиваться, мой повелитель, — сказал я.

Стремясь добыть себе в бою любое возможное преимущество, примарх поручил мне управление ауспик-станцией, и я сменил на этом посту смертного оператора. Обозначающие врагов значки медленно расходились в стороны, ибо мощь разрывных снарядов нова-пушки стала для капитанов веским доводом в пользу того, чтобы увеличить дистанцию между звездолётами.

— *«Адамантовая воля»*, не прекращать стрельбу! — приказал Лев. — Выбирать первоочередные цели. Я хочу нанести как можно больше урона их самым крупным кораблям до того, как мы начнём обмениваться ударами всерьёз. Остальной флот, давайте сгонять их в кучу. Сконцентрировать огонь торпедами на этих секторах.

Он выделил часть секций на гололите для передачи информации другим капитанам, и я услышал, как примарх негромко выругался, когда дисплей отреагировал на его команду с задержкой. Ранее Эль'Джонсон примирился с тем, что технологии на планете, недавно вырванной из хватки Хаоса, будут посредственными и неотзывчивыми, но, столкнувшись с теми же

проблемами на боевых кораблях, он пришёл в негодование. Я понимал, что Льву не хватает чётко и эффективно действующих систем *«Непобедимого разума»*, привычных для него в годы Великого крестового похода.

«Лунный рыцарь» содрогнулся, и в непроглядно чёрную тьму понеслись выпущенные им гигантские боеголовки. Наши торпеды метили не в центральное скопление вражеских кораблей, а в пространство вокруг, что ставило перед выбором уже изменников: либо сохранить плотный строй и подставиться под нова-пушку, либо сменить курс и подвергнуться смертельной опасности. У самих же звездолётов Хаоса практически не имелось подобного вооружения, так как противник делал ставку не на торпеды, а на высокую концентрацию орудийных батарей и лэнсов. Конечно же, мы не имели возможности покрыть нашими залпами все зоны, но даже так нам удалось сделать следующие манёвры противника более предсказуемыми. Мы могли втиснуть врагов в определённые полосы обстрела, чтобы поражать скопления мишеней из другого нашего оружия, одновременно уменьшив эффективность ответных залпов.

— Открыл огонь *«Владыка доминиона»*, корабль типа *«Яростный»*, — доложил я, как только загорелись предупредительные сигналы.

— Но ведь мы слишком далеко! — отозвался адмирал Дерриган.

Я слышал в его голосе какую-то неуверенность. Не страх бесхребетного человека, а вполне объяснимую тревогу воина, который прекрасно знал, какие чудовищные сюрпризы способны преподнести силы Хаоса.

— Похоже, они стреляют по своим, — сказал я.

Наши сенсоры засекали характерные вспышки и потоки обломков. Мне очень хотелось счесть, что междоусобные распри изменников пошли нам на пользу, но, как и адмирал, я не доверял ничему, когда дело касалось такого противника.

— Наш враг пытается восстановить боевой порядок, который кажется ему правильным, и делает это единственным известным ему способом, — с некоторым удовлетворением произнёс Лев. — То есть грубой силой.

— Он хочет, чтобы его корабли летели напрямик в зев нова-пушки? — недоверчиво спросил Дерриган.

— Некоторые фракции нашего врага рассматривают любые попытки минимизировать потери как гнуснейшую трусость, достойную немедленной казни, — ответил примарх. — Судя по всему, во главе этой группировки стоит как раз такая фракция, что, несомненно, добавляет определённые трудности, но также дарит некоторые возможности.

«Адамантовая воля» снова выстрелила, и, хоть она не попала во *«Владыку доминиона»*, в результате гигантского взрыва пара его кораблей

сопровождения ярко вспыхнула и погибла. Следующий выстрел поразил звездолёт, который я определил как *«Капище древних»*. Попадание не вывело его из строя, но он замедлился и начал крениться на правый борт и вниз.

— Ещё один залп, по всем зонам, — приказал Лев, выделяя на гололите ещё больше секций.

Хотя флот располагал лишь ограниченными запасами боеприпасов, в том числе и торпед, вряд ли стоило беречь их, если в итоге ими некому будет стрелять. Каждый капитан авалусского флота верил, что Эль'Джонсон лучше прочих способен обеспечить выживание системы, а потому все подчинились.

— Враг запускает истребители, — доложил я, после чего хмуро взглянул на дисплей. — А может, и нет.

— Дай мне обзор, — велел примарх, и на мигнувшем гололите тактическая карта сменилась зернистыми изображениями, которые пиктеры *«Лунного рыцаря»* сняли на предельной дистанции.

Я внимательно всмотрелся в них, хотя и не мог называться знатоком пустотной войны. На картинке были видны скопления точек, хлынувших из тёмных клякс на корпусах звездолётов. Эти пятна соответствовали ангарам, и всё вроде бы выглядело нормальным, однако...

— Там, — произнёс я, указывая на скопление каких-то силуэтов, которые будто бы падали вниз с киля корабля, хотя, конечно же, понятия вроде «верх» и «низ» стали бы определёнными только в гравитационном колодце планеты. — Откуда они вылетают?

— Мы можем приблизить ещё сильнее? — спросил Лев.

Когда отвечавший за сенсоры мичман добился от древних устройств чуть более чёткого разрешения, изображение на пикт-записи увеличилось ещё сильнее, и тогда я получил некоторое представление о неизвестных объектах. Там смутно виднелись клыкастые пасти, вытянутые шеи, острые когти и зазубренные крылья, которые отдавали медным блеском в тусклом отражённом свете далёких звёзд и габаритных огней.

— Кровь Зверя, — выдохнул примарх, прибегнув к крепкому словцу древнего Калибана. — Это ещё что за чудовища?

— Демонические машины. Они путешествуют сквозь пустоту, держась за днища кораблей, — ответил я. — По-моему, Империи называют их хелдрейками.

— Есть ли в этом тысячелетии что-то менее скверное, чем в покинутом мной? — пробормотал примарх. Я мог с уверенностью сказать, что облик

созданий-машин потряс его, непринуждённо напомнив о том, насколько сильно варп может всё искажать. — Они хотя бы смертны?

— Однажды я видел, как один сбили, — произнёс я, найдя в памяти образ двухсотлетней давности: нечто чёрное и медное, с криками боли падающее на землю в облаке дыма и пламени. — Тогда шло нападение на планету, а не битва между кораблями, но батарея «Гидр» вполне неплохо справилась с тварью.

Ведущие корабли флота Хаоса уже выходили на дистанцию ведения огня своих фронтальных орудий, большую часть которых составляли лэнсы. Преимущество постепенно переходило к ним, ведь на таком расстоянии мы мало что могли противопоставить врагу, кроме торпед.

После очередного выстрела *«Адамантовой воли»* вспыхнул и погиб крейсер, обозначенный на гололите как *«Кровавая клятва»*. Скорее всего, причиной стало либо удачное попадание, либо плохое техническое состояние щитов или низкая прочность корпуса в целом — типичные недостатки еретических войск. *«Лунный рыцарь»* добавил мощь своих носовых лэнсов, а вместе с ним открыли огонь наши корабли сопровождения и легкие крейсеры, которые ринулись навстречу вражеским силам на флангах. Однако именно на данной стадии противник должен был получить перевес над защитниками Авалуса. На наши щиты обрушился град огня, и они замерцали, переливаясь всеми цветами радуги с нездоровыми оттенками.

— Всем кораблям, полный вперёд! — приказал Лев по воксу, и бездействовавшие плазменные двигатели оборонительного флота с рёвом ожили.

С одной стороны, всё выглядело просто: если враг превосходит тебя в дальности стрельбы, сократи дистанцию и вступи в бой. Так ранее поступил неприятель, когда мы принялись осыпать его снарядами новопушки и торпедами. Точно так же и мы, как можно быстрее сблизившись с флотом Хаоса, лишили бы его преимущества. Однако, в отличие от предателей, которые рвались вперёд без особых признаков какой-либо стратегии, нашими манёврами управлял Лев. На мостике каждого капитального и эскортного корабля, за исключением *«Адамантовой воли»*, появился навигационный план, согласно которому оборонительному флоту следовало вонзиться в бреши в разрозненных боевых порядках изменников.

Мы действовали агрессивно, прямолинейно и непредсказуемо. В теории при столкновении с превосходящими силами, идущими на сближение, основной части наших капитальных кораблей следовало подставить противнику бока и приготовиться выпускать бортовые залпы. Из-за

увеличившихся профилей мы получили бы больше попаданий, но, если бы нам удалось сохранить достаточно звездолётов к тому моменту, как враг сократит дистанцию, мы бы не уступили ему в количестве орудий. Правда, затем изменники вышли бы на траверз наших сил, что дало бы им возможность вести огонь и из бортового вооружения.

Вместо этого Лев повёл нас в наступление. Должен признать, тогда мой взгляд постоянно метался между ауспиком и обзорными иллюминаторами: я в любой момент ожидал увидеть, как вспыхивают наши сбитые щиты, а вслед за этим приближается моя смерть в виде растущего силуэта боеголовки или же мгновенного яркого проблеска лэнс-луча. Однако наша тактика, похоже, застала противника врасплох. До этого он имел дело с пассивно обороняющимся флотом, державшим дистанцию, а потому оказался не готов к изменению наших ответных действий. Теперь вражеские орудия били мимо целей.

— Всему экипажу приготовиться! — взревел адмирал Дерриган, когда мощные двигатели *«Лунного рыцаря»* понесли нас на траверз первого из кораблей Хаоса. — Батареи и лэнсы — огонь по готовности, дорсальный лэнс — сосредоточить обстрел по правому борту!

Прошлые залпы торпед, выпущенные «поверху» и «понизу» согласно приказу Льва, уплотнили боевые порядки противника, так как силам Хаоса пришлось сбиться в кучу, чтобы убраться с траектории полёта боеголовок. Теперь же мы сами вонзались в гущу неприятельского строя, и, если у нас имелись цели по обеим сторонам, большая часть вражеских кораблей могла стрелять лишь из орудий одного борта — иначе они рисковали бы попасть по союзникам, — что очень сильно мешало им решать огневые задачи. Фактически некоторым изменникам вообще не удалось бы взять нас на прицел. На лучший исход мы не могли и надеяться, ведь нам удалось занять максимально выигрышную позицию в грядущем обмене залпами, который в любом случае обошёлся бы нам чрезвычайно дорого.

— *«Праведная ярость»* докладывает, что её бомбардировщики «Звёздный ястреб» вылетели! — крикнул вокс-офицер.

«Звёздные ястребы» представляли гораздо большую опасность для капитальных кораблей, чем могло показаться по виду таких крошечных судов. Кроме того, благодаря своей бомбовой и ракетной нагрузке они весьма серьёзно угрожали любым вражеским крейсерам, не имевшим соответствующей защиты.

Так или иначе, мы уже выходили на позиции для стрельбы по противнику, а это, конечно же, означало, что очень скоро и он откроет по нам огонь.

«*Лунный рыцарь*» дал залп, отчего звездолёт содрогнулся и замедлился. Ранее Лев распорядился держать курс прямо между двух крейсеров типа «Бойня», «*Безжалостным*» и «*Бесстрашным*», которые превосходили нас в боевой мощи. Как только чудовищные орудия кораблей-близнецов принялись испытывать наши щиты на прочность, тёмная пустота озарилась всполохами. Впрочем, в долгу мы не остались. Я увидел, как на бортах неприятелей разрастаются вспышки взрывов от наших попаданий, а яркие пульсирующие лучи лэнсов стремятся пробить вражеские энергетические заслоны, чтобы как можно глубже вонзиться в корпуса.

По мере того как «*Лунный рыцарь*» получал попадания, корабельные системы регистрации урона включали тревожные сирены, но адмирал Дерриган без раздумий заглушал их. Офицер продолжал выкрикивать приказы и непрерывно принимать оперативные рапорты от команды мостика: показатели мощности, уровень щитов, остаток боеприпасов...

— Щиты отказывают! — раздался чей-то вопль.

— Пикируем! — проревел Лев.

Линейный крейсер таких размеров, как «*Лунный рыцарь*», создавался не для быстрого маневрирования, но в присутствии Эль'Джонсона экипаж старался изо всех сил, а потому наш нос начал клониться вниз. «Бойни» не успели отреагировать, когда мы стали опускаться относительно плоскости боя, поэтому некоторые их залпы прошли над хребтом «*Лунного рыцаря*», и наши неприятели поразили друг друга. «*Беспощадный*», находившийся с правого борта от нас, ещё до этого принял на себя основную мощь нашего огня, поскольку мы обстреливали его дорсальным лэнсом, так что попадания его близнеца окончательно сбили пустотные щиты.

— Крен влево, поддерживать огонь по штирборту! — скомандовал Лев.

«*Лунный рыцарь*» начал выполнять приказ, и его орудия правого борта окатили огнём брюхо «*Беспощадного*». Однако после такого манёвра мы больше не могли наводить пушки бакборта на «*Бесстрашного*», который также стал крениться, чтобы поразить нас из своих батарей, пока мы не покинули зону перестрелки, двигаясь в направлении его кормы. Затаив дыхание, я ждал, сработает ли гамбит примарха.

В бой ворвались три лёгких крейсера типа «Неустрасимый», которые воспользовались отключением щитов «*Беспощадного*» и разорвали его на куски своими несоразмерно мощными носовыми лэнсами, хотя врагу удалось забрать с собой один из кораблей. Впрочем, гамбит заключался не в этом. Его разыграли в тот момент, когда «*Бесстрашный*», вновь начавший задевать нас огнём по касательной, вдруг разлетелся на части, выбрасывая во все стороны металлические обломки и струи горящего кислорода.

— А вот и он, — с хищной улыбкой произнёс Лев.

За покорёженным остовом крейсера типа «Бойня» проявился громадный силуэт *«Владыки доминиона»* с ярко вспыхивающими орудийными портами. Благодаря тому, что Эль'Джонсон тщательно рассчитал векторы атаки, капитан исполина оказался блокирован кораблями собственного флота, мешавшими ему вступить в бой с каким-либо из наших звездолётов. Объятый жаждой крови и яростью, он решил взять дело в свои руки и просто истреблял всё, что считал помехой его мозг, одержимый насилием.

— Мой повелитель, как вы узнали, что изменник обратится против своих? — поинтересовался адмирал Дерриган.

— Никогда не встречался с Ангроном, да? — рассеянно пробормотал примарх.

Я думал, что офицер побледнеет или же, осенив себя аквиллой, станет взывать к Императору о спасении, но он лишь пришёл в недоумение. Даже спустя четыреста лет после возвращения в Галактику я иногда забывал, как мало жители Империи знают о собственной истории, не говоря уже о силах, которые жаждали их уничтожить.

Так или иначе, у нас возникла новая проблема. Залпы *«Владыки доминиона»* пробили каркас *«Бесстрашного»*, и теперь под обстрел попали уже мы. Нам едва удалось пережить схватку с двумя «Бойнями», а уж гранд-крейсер типа «Яростный» точно прикончил бы нас в открытой перестрелке.

— Двигатели на полную! — распорядился Лев.

«Лунный рыцарь» подчинился и стал набирать скорость для выхода из боя, но недостаточно быстро.

— Щиты сбиты! — выкрикнул кто-то одновременно с тем, как завывала очередная сирена, более настойчивая, чем предыдущие.

Миг спустя я почувствовал, как по всему корпусу *«Лунного рыцаря»* прокатился громогласный рокот, после чего корабль задрожал и начал замедляться.

— Попадание в двигатели!

— Корпус пробит в секциях «Дельта» и «Эпсилон», третья и четвёртая палубы...

Лев молча наблюдал за шипящим гололитом. Ещё через секунду метка *«Лунного рыцаря»* вышла из конуса, обозначавшего сектора обстрела *«Владыки доминиона»*. Хотя бы на какое-то время мы смогли избежать верной гибели и теперь летели сквозь арьергард флота Хаоса.

— Тип «Резня» прямо по курсу! — доложил я, хмуро глядя на изображение.

Корабль не выказывал никакого намерения вступить в бой, хотя его реакторы работали. Казалось, он просто наблюдает за сражением.

— Торпеды! — отреагировал адмирал Дерриган. — Расчистить путь!

Рядом с нами из вражеского строя выходили все прочие звездолёты нашей тактической группы. Вернее, все, что уцелели. Мы потеряли *«Пилигрима»* и *«Праведную ярость»*, так что эскадрильям её истребителей и бомбардировщиков, которые сражались с вражескими машинами похожего размера, типа и назначения, стало некуда возвращаться. *«Погибель изменников»* двигалась с трудом, хотя, судя по показаниям приборов, её лэнсы собрали кровавый урожай в ближнем бою. Мы потеряли около половины наших лёгких крейсеров и кораблей сопровождения, но достигли гораздо большего, чем могли ожидать: почти каждый второй корабль хаоситов либо горел, либо превратился в обломки, либо дрейфовал в пустоте, потеряв мощностъ или вооружение.

— Поворачивайте, — приказал Лев. — И ведите огонь по той *«Резне»*.

Неприятельский флот понёс потери, но достиг своей цели — во всяком случае, теоретически, — поскольку миновал нас и теперь при желании мог произвести высадку на планету. Даже под руководством Льва нам бы никак не удалось остановить их силой. На пути изменников теперь оставалась только *«Адамантовая воля»*. Она храбро продолжала бить из нова-пушки, теперь практически в упор, если считать по меркам пустотных битв, и даже сумела уничтожить пару рейдеров типа *«Налётчик»*, хотя её уже безжалостно обстреливали с обеих сторон более крупные космолёты. Два звёздных форта открыли огонь, как только враги вошли в радиус досягаемости их лэнс-батарей, однако они никак бы не выстояли против хаоситской армады даже теперь, когда её численность сильно уменьшилась.

Однако же группировка противника не стала развивать наступление. Точнее, большая её часть. Два *«Несущих ад»* сокращали дистанцию, чтобы вступить в поединок со звёздными фортами, но большая часть соратников их не поддержала. Вместо этого они начали поворачиваться в нашу сторону, следуя за *«Владыкой доминиона»*.

Лев кивнул.

— Он не отмахнётся от того, что мы разбили ему нос. Теперь его удовлетворит лишь наше полное уничтожение. Ему захочется прикончить каждый корабль, а тем временем звёздные форты будут атаковать десантные суда по отдельности.

Конечно, *«Несущие ад»* имели на борту достаточно катеров и посадочных модулей, чтобы излить на планету гибельный дождь с орбиты,

однако они, похоже, лишь теперь начали осознавать, что им придётся иметь дело с «Гавгамелами» практически в одиночку. Они не могли даже надеяться на победу в такой схватке, и я уже видел, что под обстрелом наших фортов противник постепенно лишается наилучших средств для проведения быстрой высадки.

— Приготовить оставшиеся торпеды, — велел Эль'Джонсон всем кораблям. — Построиться вокруг *«Лунного рыцаря»* и...

На ауспике загорелся тревожный глиф.

— Вспышка переноса с *«Владыки доминиона»*! — крикнул я, выхватывая болт-пистолеты.

Мы находились на максимальном расстоянии, при котором ещё возможна успешная телепортация. По крайней мере, так представлялось мне, а разбирался я в этом, признаюсь, слабо. Впрочем, в данном случае такие ограничения не обязательно о чём-то говорили. Силы Хаоса зачастую умели использовать варп способами, совершенно непредсказуемыми для Империиума. Кроме того, учитывая кровожадную натуру их командира, я не исключал, что он прибегнул бы к подобной тактике даже при невысоких шансах на успех.

— Место появления вспышки? — рывкнул Лев. Одной рукой он вытащил Верность из ножен и подал питание, а другой надел шлем.

Воздух в основном гнезде для экипажа уже рябил, характерно подрагивая.

Прицелившись, я включил вокс, чтобы произнести два слова:

— Мостик! Сейчас!

Затем вместо ряби возникли тёмные фигуры, и за один удар сердца искажения пропали бесследно. На месте вспышки стояли шесть огромных воинов в броне цвета крови и меди.

Терминаторы.

XXI

— Пусть Серафакс хоть сгорит! Если Лев здесь, его голова нужна мне!
— ревёт явный лидер новоприбывших.

Этот монстр, раздутый от гнусной мощи Хаоса и облачённый в терминаторский доспех, статью лишь немного уступает примарху, а окружают его почти столь же крупные воины. Каждый оснащён различным оружием для жестокого ближнего боя: Лев замечает цепные топоры, молниевые когти и силовые кулаки. Предводитель сжимает в правой руке силовой меч, тогда как его левая кисть заключена в огромную, питаемую энергией перчатку, из которой торчит зубастый, уже набирающий обороты язык цепного кулака. Издаваемый им визг пробирает до костей и сам по себе является едва ли не полноценным оружием.

— Тогда иди и возьми её, если сможешь! — кричит Лев, прошагав к перилам, чтобы воззриться на воинов сверху вниз.

Вызов, брошенный примархом, не просто театральный жест. Во все стороны от терминаторов разбегаются члены экипажа, что весьма разумно, ведь для них сражаться с таким противником — всё равно что биться со сверхновой. Эль'Джонсон видит, что руки и ноги врагов едва заметно подёргиваются: инстинкт требует от космодесантников преследовать спасающихся людей и безжалостно вырезать их. Льву нужно приковать внимание противника к себе.

Примарх вскидывает пистолет и открывает огонь.

Это древнее плазменное оружие, именуемое «Арма Люминис», преподнесла в дар Льву маршал Харадж. Его точное происхождение неизвестно, хотя, если верить местной легенде, когда-то в прошлом пистолет оставил на Авалусе сам Повелитель Человечества. Даже не имея ни единого свидетельства того, что Император посещал их планету, местные жители столь твёрдо верили в божественность реликвии, что она хранилась в стазис-покоях во дворце губернатора со времён первого упоминания о ней в архивных записях. Правда, не подлежит сомнению вот

что: «Арма Люминис» не создан для применения смертными, зато Эль'Джонсону он отлично подходит в качестве пистолета. А ещё не подлежит сомнению то, что оружие до сих пор работает.

«Арма Люминис» выбрасывает ступок энергии, яркий, как само солнце. Заряд летит прямо в лорда Хаоса, однако вместо того, чтобы испарить керамит, а затем погрузиться в плоть и кости, плазма исчезает, поглощённая потрескивающей тьмой, которая исчезает так же быстро, как материализовалась. Безыскусный угловатый символ, что украшает нагрудник воина и сочится чем-то похожим на кровь, вспыхивает мерзостным светом, после чего на поверхности доспеха мгновенно проявляются и другие руны. По коже Льва бегут мурашки, а в его мыслях невольно возникают сцены того, как Верность вливается в чью-то плоть.

— КРОВЬ ДЛЯ КРОВАВОГО БОГА! — вопит лорд Хаоса, вместе со своими телохранителями бросаясь к трапу на командную палубу, где стоит примарх.

— Адмирал! Очистить мостик! — рычит Лев, но Дерриган уже гонит перед собой всех прочих членов экипажа.

Храбрость — одно дело, а глупость — совсем другое, и адмирал не глупец.

— Забриил, удерживай дверь! — велит примарх, направляясь к трапу и убирая «Арма Люминис» в кобуру.

Бывший разрушитель что-то отвечает, однако Лев не слышит его слов. При виде захватчиков на мостике примарха наполняет омерзение, смешанное с яростью, и он одним могучим скачком перемахивает через ограждение. Пролетев над гнездом для экипажа, Эль'Джонсон врежется в головного терминатора, успевшего преодолеть половину ступеней.

Неважно, насколько силен любой космодесантник или какой мощью и массой обладает громадная терминаторская броня изменников: всё это не способно устоять перед скоростью, весом и гневом примарха. Неуклюже рухнув, воины валятся на палубу, и вместе с ними падает Лев. Со свирепым рёвом он вскакивает на ноги, перехватывает Верность обеими руками и вгоняет меч в шейное сочленение ближайшего терминатора, который всё ещё лежит на спине. Клинок, окружённый энергетическим полем и направляемый могучими мышцами примарха, проходит через уязвимое место доспеха с лёгкостью змеи, что проползает сквозь влажную траву, после чего рассекает глотку и позвоночник врага. Тело еретика напрягается, но тут же обмякает. Кровь, начавшая сочиться из раны, соприкасается с расщепляющим полем Вечности и молниеносно обращается в пепел.

Силовой кулак с грохотом врежется в бок примарха, а высвобожденные им трескучие разряды энергии раскалывают керамит. От удара Лев теряет равновесие и выпускает меч, торчащий из шеи убитого еретика.

По резкому уколу невыносимой боли Эль'Джонсон понимает, что повреждена не только броня: одно из рёбер явно треснуло, если не сломалось полностью. Впрочем, страдание вырывает примарха из хватки ярости, возвращая ему чёткую ясность мыслей, после чего он поворачивается к предателям, угрюмо осознавая, что с ним произошло. Гнусное божество, которому поклоняются отступники, жаждет крови, и из-за источаемой ими ауры даже рассудок Льва помутился на несколько секунд.

Вздымая оружие, терминаторы шумно топают вперёд, а их боевые кличи, искажённые вокс-решётками, звучат как леденящие кровь песнопения во славу резни. Инстинкт побуждает Эль'Джонсона ринуться на врагов, чтобы пробиться через них, сокрушить их тела голыми руками, но Лев укрощает такой порыв. Возможно, в прошлом ему бы удалась подобная атака, причём даже в бою с похожими противниками, но сейчас иная эпоха, тем более он уже ранен. Хотя Первый примарх никогда не отличался беспечностью, теперь он ещё меньше, чем когда-либо прежде, может позволить себе полагаться только на свою силу и крепость тела. В конечном счёте то, одержит ли он победу — а возможно, даже то, выживет ли он, — будет зависеть от одной вещи.

Сосредоточенности.

Робаут Гиллиман когда-то умел фокусироваться на десятках задач одновременно, уделяя каждой из них больше внимания, чем удалось бы смертному при работе со всего одним подобным делом. Именно это превращало его в столь искусного логистика, и даже Лев, мало за что готовый похвалить родича, не отрицал организаторских способностей Властителя Ультрамара. Например, немалой доли успехов XIII легион добился как раз благодаря тому, что просто никогда не попадал в ситуации, к которым оказался бы не готов. Правда, сам Гиллиман как боец находился не выше приемлемого уровня, если мерить по шкале братства примархов. Иногда Лев задумывался, в чём причина. Возможно, в том, что у Робаута никогда не получалось должным образом сосредоточить *всё* внимание на чём-то *одном*.

Повелитель Первого, напротив, всегда полагал, что с побочными мелочами следует разбираться его подчинённым. Второй натурой примарха стало полное сосредоточение на конкретной задаче, решению которой он целиком посвящал свой разум, пока не получал результат, удовлетворяющий его. Лев сознаёт, что порой из-за такого подхода он

представлялся людям холодным и отстранённым, но и это всего лишь побочная мелочь.

Впрочем, какими бы ещё качествами Император ни наделил своих сыновей, Он сотворил их всех стойкими. Силой воли изгнав боль в боку, Эль'Джонсон плавно вступает в схватку.

Он уже знает, что терминаторы способны ранить его, если их удары достигнут цели, но против таких медленных и неуклюжих врагов можно использовать их же инерцию. Примарх отвешивает пинок первому изменнику с парными цепными топорами, однако метит не в лицо или грудь, а в правое колено. Ногу, на которую как раз хотел опереться почитатель Хаоса, толчком отбрасывает назад, и даже встроенные автобалансирующие громоздкого доспеха не могут полностью компенсировать потерю равновесия. Пока оступившийся терминатор заваливается вперёд, Лев отходит влево, уклоняясь от грохочущей груды керамики. Шедший вторым предатель, который, помимо собственного цепного топора, вооружён силовым кулаком — тем самым, что расколол броню примарха, — спотыкается о первого и падает на него.

Третий по счёту воин — сам лорд Хаоса. Он резко останавливается, не дойдя до рухнувших терминаторов, после чего издаёт кровавый вой и бросается на Эль'Джонсона с цепным кулаком. Судя по всему, его преобладающая рука — левая, так как именно ей вожак изменников отдаёт предпочтение. Предателю следовало бы провести выпад силовым мечом, ведь Лев приближается к нему именно с той стороны, однако лорд Хаоса замахивается цепным кулаком, к чему примарх подготовился заранее.

В восприятии Эль'Джонсона атака происходит так медленно, будто на врага давит гравитационное поле. Он правой рукой хватается противника за левый локоть с внутренней стороны, свою левую ладонь впечатывает терминатору в грудь, а затем действует конечностью как рычагом, обращая себе на пользу чрезмерно размашистый удар лорда Хаоса. Ступни изменника отрываются от палубы, Лев переворачивает его в воздухе и бросает на командный терминал, который сминается под тяжестью еретика. Благодаря доспехам сам изменник нисколько не пострадает и через несколько мгновений вернётся в схватку, но даже секунды имеют решающее значение.

Другой терминатор наносит стремительный диагональный удар сверху вниз, но Эль'Джонсон одним движением ловит цепной топор прямо над кистью предателя и вырывает оружие из его хватки. Клинком врага он отбивает выпад молниевыми когтями, проведённый последним из неприятелей, после чего наотмашь бьёт наверху рукояти в лицевую пластину владельца топора. Глазные линзы изменника трескаются. Хаосит

с молниевыми когтями бросается на примарха, вытянув руки, однако тот отходит в сторону, и окутанные энергией лезвия глубоко впиваются в тело отступника, лишившегося цепного топора. Раненый ревёт от боли.

Цепные топоры ужасающе эффективны против лёгкой брони и плоти, однако пробить ими тактический дредноутский доспех почти невозможно. Лев даже не пробует, а просто швыряет трофейное оружие в лорда Хаоса, который пытается вылезти из командного терминала, и попадает ему по наплечнику, чего как раз хватает, чтобы великан снова потерял равновесие. Вожак изменников валится обратно с рёвом, полным иступления и досады. Еретик, пронзённый молниевыми когтями, поступает так, как склонны действовать воины, объятые бешенством Кровавого бога: обрушивает кулак на того, кто причинил ему боль, и его соратник отлетает назад. С шумом, подобным раскату грома, расщепляющее поле оружия дробит фрагмент древнего керами́та в пыль. Восемь клинков выдёргиваются из пробоин, и оттуда льётся кровь.

Зайдя раненому за спину, Лев смыкает пальцы на рукояти Верности, до сих пор торчащей из шеи сражённого им терминатора. Примарх выдёргивает клинок, после чего разворачивается и атакует. Против *такого* оружия даже тактический дредноутский доспех окажется беспомощным.

Эль'Джонсон ногой толкает в спину терминатора, истекающего кровью, вынуждая его сделать несколько нетвёрдых шагов в сторону изменника с молниевыми когтями. Похоже, раненый предатель настолько поглощён болью и жаждой убийств, что уже забыл об изначальной цели, а потому кидается на воина перед собой. Что до другого отступника, то он готов без угрызений совести прикончить товарища, когда на кону его выживание. Не мешая им драться, Лев идёт к лорду Хаоса и двум другим его подчинённым: все трое наконец сумели, соответственно, выбраться из терминала и подняться с палубы.

Примарх отчасти ожидает, что теперь враги проявят некоторую осторожность и окружат его, после чего один или двое начнут отвлекать Льва, чтобы выманить его на себя и вынудить открыться для удара с третьего направления, однако тут же осознаёт: такие хитрости не для Кхорна. Кровавому богу не терпится пролить кровь, поэтому все три воина одновременно бросаются на примарха. Их нападение едва не становится успешным, ведь даже Эль'Джонсону нужна доля секунды, чтобы приспособиться к столь неумолимой свирепости берсерков. Его спасает лишь сосредоточенность.

Пока что примарх игнорирует цепные топоры: пусть зубья царапают броню и ломаются об неё, ведь для них латы Льва почти столь же неприступны, сколь и терминаторский доспех. Он фокусируется на

силовом кулаке, силовом мече и цепном кулаке, ибо такое оружие способно ранить его с наибольшей вероятностью. Наименьший радиус досягаемости среди них — у силового кулака, поэтому приоритетной целью Эль'Джонсона становится лорд Хаоса. Впрочем, даже воин, напитанный мощью Собирателя Черепов, не может размахивать сразу и силовым мечом, и цепным кулаком. Пятясь, Лев парирует выпады, подставляя под цепные топоры наплечники или прочные и твердые пластины наручей, а не уязвимые сочленения. Верность мечется в руках примарха, создаёт вокруг него защитную завесу из серебристого металла и энергии, пока он ищет возможность для ответного удара.

Она возникает, когда терминатор справа, впав в ярость из-за того, что ему не удаётся пролить кровь парными цепными топорами, теряет всякое подобие выдержки и буквально бросается на Льва, воздев оба клинка. Не уходя от столкновения, примарх на мгновение пригибается, а затем резко распрямляется, выставив вперёд правое плечо. От удара еретик переворачивается через голову и влетает в своего соратника, отчего оба вновь валятся на палубу.

Лорд Хаоса наносит колющий удар силовым клинком, целясь прямо в грудь Эль'Джонсону. Примарх не может увернуться, но успевает сделать полуоборот и принять выпад на левый наплечник, где изображён гордо стоящий призрак в капюшоне. Меч еретика глубоко погружается в толстый слой керамики и на мгновение застревает там.

Этого мгновения Льву хватает, чтобы поднять Верность, сменить хват на двуручный и, описав мечом дугу, отсечь в запястье руку врага, сжимающую силовой клинок.

Лорд Хаоса, обуянный яростью, едва замечает, что лишился руки и оружия. Уже миг спустя еретик гневно ревёт и бешено взмахивает кулаком, будто косой, однако Лев просто отступает на шаг. Изменник пытается достать примарха резким обратным движением, но, хоть цепной кулак и могучее оружие, элегантным его точно не назовёшь. Оно создано для прорезания переборок и заклинивших дверей во время зачистки бункерных комплексов или космических скитальцев, а при такой работе менять направление, в котором перемещается клинок, почти не требуется. Лев ждёт, пока цепной кулак не пройдёт мимо, а затем фехтовальным пируэтом поворачивается вокруг своей оси и вонзает Верность прямо в лицевую пластину вожака предателей.

Отшатнувшись, лорд Хаоса падает, а Эль'Джонсон выдёргивает меч и достаёт «Арма Люминис». Развернувшись, он посылает сгустки раскалённого вещества в головы двух других терминаторов. Оба погибают на месте, когда их мозги мгновенно вскипают в остатках черепов.

Из наплечника всё ещё торчит силовой меч. Выбив его ударом Верности, Лев оборачивается и видит, что терминатор с молниевыми когтями уже закончил кромсать своего бывшего товарища, но пострадал и сам. Одна рука еретика свисает плетью, а лицевая пластина полностью разбита, что открывает взору Льва изуродованное лицо. Из щёк и подбородка почитателя Хаоса выдаются костяные отростки — настолько длинные, что уже почти не помещаются в шлеме, а его бледная кожа, цветом напоминающая хитин личинки, расчерчена толстыми тёмными жилами, которые пульсируют в такт затруднённому дыханию. С разорванных губ предателя стекает едкая слюна. Покачиваясь, он идёт к примарху и вытягивает руку, которая ещё повинуется ему. Он как будто считает, что сумеет насадить Льва на окровавленные когти, хотя едва идёт и волочит ноги.

Примарх не может вновь выстрелить из «Арма Люминис», так как пистолет перегреется, поэтому он поднимает Верность в положение наготове, ибо не хочет совершить ошибку и недооценить противника. Так или иначе, Лев и терминатор не успевают сойтись на расстояние удара. Раздаётся характерный сдвоенный рёв болтерного оружия, и голова еретика взрывается. Изменник заваливается вбок, после чего примарх поднимает взгляд к командной палубе. Там стоит Забриил, целящийся в труп из болт-пистолетов.

— Простите, повелитель, я не желал вмешиваться, — говорит бывший разрушитель, — но у меня наконец появилась цель, которой я мог нанести...

— Ничего не имею против целесообразности, — успокаивает его Лев, опустив клинок. — Я же не Волчий Король, чтобы рычать, отстаивая свою добычу. — Как ни странно, при мысли о том, что он больше никогда не увидит лицо этого наглого дикаря, на Эль'Джонсона накатывает волна сожаления, однако сейчас ему некогда разбираться в собственных чувствах. — Как идёт битва в целом?

— Флоты ещё не сошлись вновь, — заверяет примарха Забриил. — Вы поразительно быстро убили захватчиков, мой повелитель.

Тёмный Ангел прав: согласно показаниям хрона в шлеме Льва, прошло меньше минуты с того момента, как на мостик телепортировались терминаторы. Сам примарх не мог определить, сколько длилась схватка, так как полностью сосредоточился на ней.

Керамитовый стук сабатонов возвещает о прибытии Кая — держа обнажённый силовой клинок, он останавливается рядом с Забриилом и смотрит вниз, на картину учинённой резни. Хотя лицевая пластина мечника ничего не выражает, его разочарование очевидно.

— Ох. Забриил, я думал, у нас тут настоящая проблема, а не лёгкая разминка для Повелителя Первого.

— У нас тут повреждённый мостик, к тому же осквернённый порченными трупами, а также пустотная битва, которую ещё надо выиграть, — огрызается Лев, и в его голос закрадываются нотки злости, так как боль в боку вернулась и напоминает примарху, что он сейчас со сломанными рёбрами бился против шести терминаторов.

Два члена экипажа выползают из альковов, где они прятались во время схватки, однако большая часть команды мостика сбежала из помещения. Эль'Джонсон указывает на ближайшего смертного.

— Иди к воксу и прикажи всем немедленно вернуться на посты, иначе выйдет, что мы отбили абордаж лишь для того, чтобы нас разнесли на куски, пока мы висим на месте.

Забриил нажимает на клавиши ауспика, потом наносит ему ритуальный удар с негромким лязгом керамика о металл. Над ними вновь появляется шипящий гололит, и Лев изучает по нему, как изменился ход битвы.

— Что делает тот крейсер? — требовательно спрашивает он, указывая на одинокий значок вражеского объекта, находящийся на фланге авалусского флота.

— Ничего, повелитель, — докладывает Забриил, повернув ручку настройки. — Сенсорное сканирование показывает, что на двигатели подаётся мощность, и нет никаких признаков того, что вооружение вышло из строя. Однако в бой они не вступают.

— Мне не нравится враг, который не открывает огонь, — замечает Кай.

— В текущей обстановке я бы предпочёл именно такого. Тех, что ведут огонь, нам и так хватает, — говорит Лев.

Тактическая ситуация не выглядит многообещающей: во всяком случае, не видно исхода, при котором Авалус сохранит флот. Группировка Хаоса понесла огромные потери, но столь же сильно пострадали и имперцы. Хотя авалусцам удалось прыгнуть намного выше головы, Эль'Джонсон считает, что в лучшем случае они добьются взаимного уничтожения армад.

Такой результат его не печалит. Он полагает без лишнего высокомерия, что ни один из присутствующих в системе командиров и близко бы не подошёл к успеху подобного уровня. Вопрос того, будут ли имперцы способны защитить Авалус от дальнейших нападений, отпадёт сам собой, если не отбить нынешнюю атаку. Возможно, перед тем, как предатели отправят следующий флот, в систему прибудет больше кораблей. Если же нет, то Лев ничего с этим не поделает.

Поднявшись по трапу обратно на командную палубу, он идёт к гололиту.

— Вокс! Общая передача всем, включая противника!

— Исполнено, мой повелитель! — отзывается член экипажа, которому Лев приказал сесть за вокс.

— Говорит Лев Эль'Джонсон, — рычит примарх. — Чуть больше минуты назад мой корабль пытались взять на абордаж посредством телепортации. Все нападавшие, включая вашего господина, мертвы. Если останетесь здесь, вас ждёт та же судьба.

Он жестом велит оборвать передачу.

— Владыка Лев, большая часть наших кораблей докладывает о нехватке боеприпасов! — спустя несколько секунд рапортует тот же офицер. — Однако ваше сообщение ободрило их, и они выражают желание вновь сразиться с противником!

— Многие враги удаляются от планеты и летят в нашу сторону, — произносит Кай. — Нам отступить, чтобы выманить их ещё дальше?

— Тогда мы подставим им корму и не сможем нормально вести бой, — со вздохом произносит Эль'Джонсон. — Да и если попробуем развернуться сейчас, почти наверняка окажемся в пределах досягаемости их орудий ещё посреди манёвра. Нет, придётся до кон...

— Новые контакты! — кричит Забриил. — Новые контакты над орбитальной плоскостью, приближаются быстро!

— Направление? — отрывисто спрашивает Лев, когда на гололите возникают новые значки.

Двери за ним открываются, впуская на мостик членов экипажа, бежавших от терминаторов. Мужчины и женщины спешат обратно на свои посты.

— Почему мы не видели их до этого? — интересуется Кай.

Он снял шлем и теперь смотрит на контакты со смесью волнения и недоверия.

— «Туман войны» есть и в пустотных битвах, — говорит адмирал Дерриган, встав рядом с ним возле гололита. — Когда в бою вас окружают взрывы, выпущенный газ, обломки, истребители и всё прочее, даже лучшие ауспики могут что-нибудь пропустить. Подозреваю, эти корабли шли на минимальной тяге и почти не тратили энергию, чтобы оставаться невидимыми. Вопрос в том, зачем.

— Судя по курсу, они идут на соединение с флотом Хаоса, — докладывает Забриил со своего поста у ауспик-станции. — Получаю идент-коды звездолётов...

На гололите вспыхивают названия и обозначения, которые присваиваются новоприбывшим. Как видит Лев, флот очень пёстрый. Примарх ещё не успел ознакомиться с современными типами кораблей, но всё равно понимает, что разношёрстная группировка включает в себя горстку небольших военных космолётов и несколько судов, которые раньше явно относились к гражданским, но затем их, судя по всему, оснастили хоть каким-то вооружением.

— «Тень», «Перфекти вагари», «Спираль к звёздам», «Огонь святого Лотта». — бормочет Дерриган, читая с дисплея.

— У них там корабль, названный в честь святого? — уточняет Лев. — Это ведь явно хороший знак?

Канонизация смертных во имя его отца кажется примарху столь же неприглядной, сколь и обожествление самого Императора, но, вероятно, неизвестный флот и авалусцы привержены более-менее общим целям.

— Если бы, — мрачно отвечает Дерриган и указывает на первую иконку. — *«Лезвие чести»*, фрегат типа «Нова». Убийца кораблей вместе со своим пиратским флотом. Последние несколько десятков лет они атаковали торговые маршруты на просторах полудюжины систем, а все попытки захватить или уничтожить их проваливались ещё до того, как открылся Великий Разлом. Империи им не по душе.

— Тип «Нова»? — спрашивает Забриил. — Это ведь... корабль Космодесанта, разве нет?

Лев улавливает запинку — бывший разрушитель едва не произнёс: «современный корабль Космодесанта». Ранее никто из них не счёл нужным рассказывать авалусцам ни о том, каков возраст Тёмных Ангелов, сопровождающих примарха, ни о том, откуда они прибыли.

— Верно, — соглашается Дерриган. — Отсюда и мои опасения. Я могу предположить лишь то, что капитан «Новы» и её экипаж в союзе с погаными чудищами, которые сейчас угрожают нам.

Он поглядывает в сторону ограждения на краю командной палубы, но не решается подойти туда и посмотреть в главное гнездо для экипажа. Судя по всему, страх перед тем, что он может там увидеть, сильнее любопытства.

Лев кивает. Новая флотилия, при всей её неоднородности, обладает достаточной численностью и боевой мощью, чтобы стать значимым фактором в битве, где обе стороны уже сильно пострадали. Возможно, даже патовый исход со взаимным истреблением окажется недостижимым. Значит, теперь главный вопрос в том, как нанести врагу максимально возможный урон.

— Связаться со всеми кораблями, — приказывает Лев. — Приготовиться сосредоточить огонь на «Владыке доминиона». Капитальные корабли такого размера могут сыграть решающую роль в сражении, поэтому лишим противника хотя бы одного.

— Мой повелитель! — восклицает Забриил. — Вражеские звездолёты пикируют и кренятся. Похоже, они стремятся занять положение для обстрела тех, кто приближается сверху.

Эль'Джонсон хмуро смотрит на гололит.

— Адмирал, я понимаю ход ваших мыслей касательно благонадёжности новой флотилии, но вы ведь наверняка согласитесь, что, судя по вектору сближения, она готовится не соединиться с нашим противником, а атаковать его?

Адмирал Дерриган закусывает губу.

— Не смею надеяться, мой владыка Лев, но...

Его сомнения испаряются, когда проецируемое изображение начинает сверкать: гололит моделирует орудийный огонь.

— Цель?! — рявкает примарх.

Текущий курс пиратов вроде бы не подходит для нападения на авалусцев, но Лев ничего не готов принимать на веру.

— «Владыка доминиона»! — радостно восклицает Забриил. — Они бьют по нему из всего, что есть!

— Всем кораблям, полный вперёд! Идём в бой! — приказывает Лев. — Быстрее! Наши неожиданные союзники долго не продержатся в одиночку против такого флота, но вместе мы сможем покончить с угрозой!

— Нас вызывают! — кричит вокс-офицер. — Сигнал с «Лезвия чести»!

— Соединяй, — велит примарх.

Небольшую часть гололита, ту, что ближе всего к генератору, на несколько секунд затягивают помехи, пока устанавливается канал связи. Лев напряжённо ждёт. Кто же там? Очередные предатели, осквернённые силами Хаоса, которые просто не упустили шанс ударить по своим соперникам? Или же в Авалус прибыли настоящие союзники, пусть даже пираты, но готовые сражаться бок о бок с теми, кого прежде грабили, когда появился гораздо более опасный и гнусный враг?

То, что предстаёт взору примарха, застаёт его врасплох. На изображении возникает седовласый, покрытый шрамами мужчина. Одна его глазница скрыта цельнометаллической пластиной — видимо, не нашлось доступного бионического протеза. Тем не менее природа воина угадывается безошибочно.

Он из Легионес Астартес, и видимая часть его доспеха, покрытого царапинами и вмятинами, окрашена в чёрный цвет ночи, присущий Первому.

Единственный глаз легионера расширяется.

— Мой... мой владыка Лев? Когда я услышал ваш голос по воксу, то сразу понял, что астропаты Авалуса не лгали, но.

— Верно, я несколько изменился, — говорит Лев. При виде ещё одного из сыновей на примарха нахлынули эмоции, но он подавляет их, потому что сейчас нельзя терять бдительность из-за сентиментальности. — Как и ты. Адмирал рядом со мной говорит, что твой корабль пиратский. Назови своё имя и изложи намерения, легионер.

— Рыцарь-капитан Борз, Двенадцатая рота, мой повелитель, — сразу же отвечает одноглазый легионер. — Я не стану извиняться за то, что мы грабили этот так называемый Империум, хотя кормил нас не только он. Однако теперь, когда вы вернулись, корабли и воины под нашим командованием принадлежат вам.

Эль'Джонсон хмурится.

— С тобой есть и другие?

— Так точно, мой повелитель. Рыцарь-сержант Перзиил и рыцари Руфарил, Кадаран и Бройнан. У каждого свой корабль, а остальными управляют командиры из числа доверенных смертных.

— И вы противостоите силам Хаоса, рыцарь-капитан?

— Мой повелитель, мы изводили их везде, где только находили, — страстно заявляет Борз. — Мы прибыли сюда лишь для того, чтобы узнать, правда ли вы вернулись, но потом увидели, что эти мрази, появившиеся до нас, напали на планету, а ещё услышали ваш го...

— Тогда давай покончим с ними, — обрывает его Лев. *«Лунный рыцарь»* и весь остальной флот открывают огонь, а изменники, попавшие под обстрел с двух сторон и лишённые настоящего руководства, начинают погибать один за другим. У еретиков ещё много кораблей, и смиренно умирать они не станут, но всё равно сгинут здесь. — Кай! Спустиись к воксу и передавай рыцарю-капитану Борзу мои указания боевым кодом легиона.

— Как прикажете, мой повелитель, — отвечает Кай и ловко спрыгивает в гнездо для экипажа.

— Нет, юноша, — доносится оттуда его голос, — я и сам прекрасно умею работать с этим устройством, благодарю.

Эль'Джонсон вновь переводит внимание на гололит. Протянув руку, примарх выделяет векторы атаки и точки внедрения, а также отмечает, каких врагов нужно изолировать и в каком порядке. Даже сейчас смертный

командир вряд ли бы добился в битве чего-то большего, чем славная и, вероятно, блистательная гибель, однако Лев никакой не смертный.

Он — сын Императора.

XXII

На борту «Ока злобы» Баэлор повернулся к Диморе: — Возвращай нас к лорду Серафаксу.

— Ты не велишь мне вступить в бой? — спросила кантикаллакс.

В её механическом тоне не проступили нотки осуждения, но Тёмный Ангел всё равно их услышал.

— Флот обречён, и наше участие в битве этого не изменит! — огрызнулся он.

— А отданные тебе приказы? Ты убедился, что примарх действительно жив?

Баэлор в последний раз посмотрел, как смерть забирает тех, с кем он служил общей цели. Конечно, гибель Варкана Красного он оплакивать не станет, но вот ради того, чтобы добыть корабли и воинов на них, пришлось тяжко потрудиться. Пусть их и нельзя назвать незаменимыми, Десять Тысяч Глаз не обладали безграничными ресурсами.

— Я доложу об увиденном Серафаксу, и он сам примет решение на основе фактов.

Сложно представить, чтобы член Нового Механикума говорил неуверенно, однако, когда Димора ответила, её голос прозвучал именно так. Казалось, будто она решила высказаться вопреки трезвому расчёту, а не основываясь на нём.

— Судя по уровню тактических способностей, продемонстрированных имперским командующим, с вероятностью в девяносто восемь целых и две десятых процента он не относится к стандартным людям, и лишь с вероятностью в шестнадцать целых пятьдесят семь сотых процента это постчеловеческий астартес...

— Хватит! — прогрехотал Баэлор. — Переноси нас в варп и возвращайся к основному флоту, пока этот командующий не посчитал, что мы более опасны, чем стараемся показать ему!

— Повинуюсь.

«Око злобы» развернулось и, набирая скорость, взяло курс на точку Мандевилля. Они могли бы погрузиться в имматериум и в другом месте, так как связанный с кораблём демон помогал не только с навигацией в самом варпе, однако для прыжка потребовалось бы опустить пустотные щиты, а Димора не собиралась входить в эмпирии на повреждённом космолёте.

Тёмный Ангел смотрел на звёзды, но не видел их. Его мысли полностью занимало нечто иное — звучный голос, пусть огрубевший и слегка охрипший от старости, но всё равно угрожающе похожий на тот, который ветеран слышал много веков назад.

Баэлор не верил в богов, да и вообще мало во что верил, однако с тех пор, как Тёмный Ангел угодил в это проклятое будущее, он твёрдо считал, что Лев исчез во время Разрушения. Лишь теперь, когда его предположение, принимавшееся им за очевидный факт, оказалось под сомнением, Баэлор начал осознавать, как упорствует в своей убеждённости. Лев не мог вернуться. *Не мог*. Существовали ведь и другие Падшие, которые знали, как звучал голос примарха и, раз уж на то пошло, как он выглядел. Наверняка кто-нибудь из таких глупцов, всё ещё верных Империи, пошёл на отчаянную уловку, решив таким образом сплотить последние очаги сопротивления с помощью символа. Может, их лицедейство обмануло даже людей, которые в нынешнюю эпоху хоть как-то разбирались в истории, но, несомненно, оно не введёт в заблуждение тех, кто видел примарха воочию.

И всё-таки, даже когда звёзды сменились вихрящимися просторами варпа, где царили краски, соотносящиеся с обычными цветами так же, как цепной меч — с кремнёвым ножом, Баэлору не удалось выбросить из головы тот чёртов голос.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

ИСКУПЛЕНИЕ

XXIII

Лев Эль'Джонсон наделён исключительной сосредоточенностью, что позволяет ему полностью концентрировать внимание на чём-то одном, отсекая любые отвлекающие факторы. Этой способностью он обладал с того момента, как осознал себя, и лишь благодаря ей юному примарху удавалось выжить в лесах Калибана до встречи с Лютером. В те годы на будущего Повелителя Первого охотились местные мегахищники, а он, в свою очередь, охотился на них. Держать что-то в голове для Льва не проблема.

Гораздо сложнее не думать вообще *ни о чём*.

Примарх сидит, скрестив ноги, в покоях, выделенных ему на борту «Славы Терры», лёгкого крейсера типа «Стремление», и пытается очистить разум. «Лунный рыцарь» вместе с остальными кораблями авалусской армады зализывает раны в родной системе Авалус. Там ведутся лишь усиленные ремонтные работы и сбор всего ценного среди обломков, оставшихся после битвы, а Эль'Джонсон не желает бездействовать. Он взошёл на «Славу Терры» и отправился в путь вместе с большей частью пиратской флотилии Борза Одноглазого, известного своим экипажам именно под таким прозвищем. Короткими варп-прыжками длиной в пару световых лет они приближаются к тому месту, где, как клянётся Борз, находится ещё больше Падших, однако за каждым переходом следует долгий период ожидания, пока рассеявшаяся группировка вновь собирается вместе. Именно так Одноглазый путешествовал с тех пор, как Великий Разлом отрезал космодесантника и его навигаторов от Астрономикана, и он утверждает, что команды его кораблей научились всякий раз мастерски рассчитывать, на какое расстояние им можно переместиться без большого риска. Тут Лев ничем не может помочь, разве что поделиться дурными воспоминаниями о попытках прорваться к Терре сквозь Гибельный Шторм, поэтому он пытается медитировать.

Проблема в том, что его разум отчаянно ищет что-нибудь, на чём можно сосредоточиться, а если Эль'Джонсон очищает помыслы, то лишь освобождает место для новых непрошенных размышлений. Служит ли звук деформации корабля в варпе предвестником пробоины в корпусе? Получится ли починить его доспех у техnodесантника, к которому якобы везёт их Борз? Сколько времени займёт странствие к Терре при нынешней длительности и частоте прыжков, даже если забыть о Великом Разломе? В каком именно состоянии сейчас находится его отец? И так далее, и тому подобное. Кажется, что в мозгу Льва простирается бесконечная череда проблем, дилемм и расчётов, ждущих своей очереди.

Примарх вздыхает. Чего бы он только не отдал за присущую его брату Сангвинию умиротворённость, коей тот достигал, невзирая на тревожащие видения собственного будущего и гибели! Хотя и мало что приносит такое же умиротворение, как смерть, но тут Лев ещё не готов последовать за Ангелом.

Он выдыхает и пробует снова. Многие рыцарские ордены Калибана высоко ценили медитацию, видя в ней способ сосредоточиться и обрести ясность ума. И тем и другим Лев обладал всегда, поэтому ему не особенно требовались подобные техники, однако сейчас он стремится к особенному пониманию — такому, что концентрация никак не приближает его к цели — и даже наоборот, активно отдаляет. Возможно, с очищением рассудка придёт и озарение, нужно лишь достаточно долго заглушать все прочие мысли...

Лев делает вдох, потом выдох, сосредотачиваясь на ритме дыхания в надежде, что это поможет его разуму найти необходимый баланс между пустотой и деятельностью. Он рисует в воображении чащи Калибана, какими их помнит: могучие стволы, густая листва, щелчки и жужжание насекомых, далёкие крики диких зверей, шелест ветра в сени деревьев над головой, редкий лучик солнца, что пронзает тускло освещённый подлесок наподобие лэнс-удара с орбиты.

Примарх сбивается с мысли, из памяти взмечтаются иные образы. Он прорубается через ряды собственных сыновей — как предателей, так и тех, кого он осудил за связь с первыми, — пока звездолёты в вышине бомбардируют Калибан. Лев не собирался уничтожить планету, которая была и всегда будет его домом, но к тому времени флот уже приобрёл немалый опыт. Кемос, Барбарус, Нуцерия. И это лишь недавние жертвы, без учёта всех безымянных миров, опустошённых Тёмными Ангелами за годы Великого крестового похода из-за присутствия там враждебных ксеноформ. Впрочем, даже столь свирепый орбитальный обстрел не нанёс бы Калибану смертельного удара, если там не применялись боеприпасы,

специально предназначенные для разрушения планет. Возможно, мир раскололся в результате какого-то непредвиденного взаимодействия с гнусным колдовством, коим увлёкся Лютер...

Эль'Джонсон раздражённо кричит, обрывает эту нить рассуждений и пробует снова.

Он не может сказать наверняка, как долго просидел, и это уже неплохое достижение, поскольку обычно его разум с энтузиазмом начинает отслеживать ход времени при отсутствии других стимулов. Однако, как бы сильно Лев ни пытался заглушить мысли, восприятие всё равно говорит ему, что окружающее пространство изменилось.

Открыв глаза, примарх видит, что уже не находится в своих покоях на борту «Славы Терры». Вместо этого он сидит на траве в калибанских лесах: не в настоящих зарослях из его памяти, а в их окутанном туманом подобии, где Эль'Джонсон впервые пришёл в себя. Лев медитировал для того, чтобы попытаться осмыслить сей феномен, установить причину его возникновения и понять, можно ли управлять им. Изначально примарх не ожидал вновь столкнуться с этим явлением, но теперь полагает, что стоило бы, ибо Галактика ныне стала даже более странной, чем прежде.

Справа от Эль'Джонсона бежит река, вновь поющая ему серебристым голосом. Он ощущает что-то позади себя, поднимается на ноги и оборачивается. Над ним нависает стена в несколько раз выше его самого. Лев уверен, что уже видел этот замок: он сложен из знакомого сероголубого камня и стоит возле реки. Примарх смотрит влево, но на воде нет маленькой лодки с рыбающим королём, и Смотрящего-во-тьме тоже нигде не видно.

В стене замка — обветшалые деревянные ворота с шипами из тёмного железа. Лев осторожно подходит к слегка приоткрытым створкам и, вытянув руку, толкает одну из них. Она тяжела, но для примарха это не затруднение.

Эль'Джонсон проходит под сводчатой крытой галереей из камня, ступая уверенно, как тот, кто в итоге возглавил настоящий Калибан, и осторожно, как тот, кому известны все бесчисленные опасности лесного мира, не ограничивавшиеся дикими зверями. Это подобие родной планеты примарха, что бы оно ни представляло собой на самом деле, вряд ли будет сильно отличаться от оригинала в части угроз.

В замок ведёт тёмный туннель, и над ним проступают чёрные очертания горизонтальных бойниц, готовых излить смерть на захватчиков. Дойдя до середины прохода, Лев замечает, что из потолка торчат острые нижние концы опускной решётки, выкованные из железа. Это место должно стать

второй линией обороны, если ворота падут. Миновав решётку, которая не падает при его приближении, Эль'Джонсон выходит во внутренний двор.

Замок не похож ни на одну из крепостей, известных ему по Калибану, но планировка всё равно выглядит знакомой. Справа ото Льва, то есть дальше от реки, виден небольшой сад, где растёт около десятка плотно посаженных фруктовых деревьев. Также в той стороне находятся жилые помещения, что вместили бы большую часть обитателей замка. Впрочем, тот определённо ощущается пустым. Прямо напротив примарха располагаются кладовые, а слева от них — кухни. Ещё дальше по левую руку от него возвышается большой чертог. Правда, его едва ли сочтёт большим воин, который командовал линкором типа «Глориана» длиной во много километров. Вон в той башне наверняка находится колодец, в этой — покои правителя замка, а в следующей...

Вдруг Лев замечает в окнах большого чертога мигающий свет, как будто от огня. Значит, возможно, что в крепости всё же кто-то есть. Направившись в сторону зала, он осознаёт, что почему-то решил двигаться тихо. Однако примарх не останавливается, чтобы объявить о своём присутствии, хотя, как ни посмотри, здесь он незванный гость. Есть в этом месте что-то гнетущее. Эль'Джонсону кажется, что неразумно будет нарушать речью тишину, царящую здесь, хотя он не понимает, почему так. Возможно, дело просто в воспоминаниях о Калибане, когда ненужный шум мог быстро привлечь внимание хищников. Но, может, причина и в каком-то ином инстинкте.

У примарха нет ни оружия, ни брони: доспех ещё не починили после боя с абордажным отрядом, а меч он не взял в руку и не привесил к поясу, когда приступал к медитации, поскольку не предполагал, что попадёт сюда. Лев задаётся вопросом, не сидит ли сейчас его тело на полу в покоях на борту «Славы Терры», а сюда перенёсся лишь разум, хотя подобное видится маловероятным. Ведь через эти леса группа Эль'Джонсона пришла на Авалус, следовательно, они способны переносить физические объекты. Хотя Лев смертоносен и сам по себе, отсутствие снаряжения всё равно ощущается остро. Лишь глупец шагает в неведомое без оружия, однако же вот он, следует на свет пламени, словно крылатое насекомое, порхающее навстречу гибели.

Несмотря на аналогию, подброшенную разумом, Эль'Джонсон движется к чертогу. Он не знает, как попал сюда, и ему неизвестно, как отсюда выбраться. Примарх не чувствует тяги в груди, как во время перехода на Авалус, но он явно оказался возле замка не просто так.

Да, можно развернуться, уйти прочь от ориентира и начать бесцельно блуждать по лесам, но в крепости хотя бы есть шанс найти ответы.

Двери зала открыты. Лев осторожно ступает внутрь, готовый ответить на любой вызов или проявление насилия, но ничего не происходит. Он просто оказывается в длинном помещении с наклонным потолком, усиленным балками из тёмного дерева, который достигает высоты двух его ростов в самой нижней точке и трёх — в самой верхней. Языки того огня, что он видел, оживлённо корчатся и извиваются в алькове посреди дальней стены, как настоящие, и лишь спустя мгновение Эль'Джонсон понимает: там ничего не горит. Плита, где лежали бы поленья, пуста, и нет никаких отверстий для подачи воспламеняющегося газа или какого-нибудь другого, реже употребляемого топлива. Эта странность вызывает тревогу. Поскольку место кажется примарху знакомым, легко забыть, что оно не во всём подчиняется законам природы, как понимает их Лев.

Отведя глаза от огня, примарх осматривает зал. Свечи в настенных канделябрах, висящих на равном удалении друг от друга, дают ещё немного света, благодаря чему из темноты выступают сотканые вручную гобелены и флаги, вертикально свисающие меж окон. Они тоже выглядят знакомыми, но подробности различить сложно, и Лев не определяет, что это за полотнища. Тем не менее их суть очевидна — это свидетельства битв и величайших триумфов, одержанных правителем замка или его командирами.

В самом конце зала в кресле с высокой спинкой сидит за деревянным столом раненый король.

Он не двигается и не говорит, однако Лев ощущает силу его взора. Примарх шагает к монарху, ожидая в любой момент услышать приказ остановиться, изложить своё дело, назвать себя или ещё дюжины других требований или вопросов, которые владыка такого замка вправе задать неизвестному и незваному гостю, но тот молчит. Пока Эль'Джонсон приближается к государю, тот просто смотрит на него, не мигая, тёмными глазами из-под свисающих седых волос и золотого венца на лбу.

Примарх останавливается в паре шагов от стола, чья деревянная поверхность больше не блестит из-за слоя пыли. На ней лежат три предмета, расположенные так, словно имеют ритуальное значение. Справа от короля — золотой подсвечник, более вычурный, чем те, что украшают стены. Слева — копье или пика, тоже золотая, с влажным от крови наконечником. Прямо перед монархом стоит широкая золотая чаша, по окружности которой идут рельефные фигуры.

Лев принюхивается. Кровь на копье — не единственная в зале: король до сих пор ею истекает. На одежде над нижней частью его живота виднеется тёмное пятно, и Эль'Джонсон слышит, как с края трона срываются капли, падающие в лужу на полу.

Государь всё так же пристально смотрит на Льва, ничем не выказывая, что напуган, хотя именно такой реакции примарх мог бы ожидать от раненого смертного, который одиноко сидит в своём чертоге, где напротив него стоит огромный постчеловеческий воин. Взгляд монарха буравит Льва и даже проходит насквозь, словно ему открывается нечто, лежащее далеко за стенами вокруг них. Так или иначе, Эль'Джонсон уверен, что королю известно о его присутствии. Просто он не достоин безраздельного внимания владыки замка.

Судя по выражению его лица, король чего-то ждёт, и Лев вспоминает, о чём говорил Смотрящий после первой встречи примарха с государем.

«Ты ещё не задал верный вопрос».

Эль'Джонсон не терпит подобных игр, но его не покидает ощущение, что король молчит не по своему желанию. Тут какая-то головоломка: нечто активно мешает монарху общаться, пока не будут произнесены правильные слова. Не самая странная вещь, с которой примарху доводилось сталкиваться на протяжении жизни.

— Кто ты? — спрашивает он.

Государь тут же фокусирует на нём внимание, словно впервые по-настоящему видит Льва, однако затем его взгляд снова обращается в пустоту. Нет ни других движений, ни звуков, монарх не обмякает и не вздыхает, но Эль'Джонсон чувствует, что он разочарован.

Лев пробует снова.

— Как исцелить тебя?

Король вновь обращает взор на примарха, и какое-то мгновение тот надеется, что попал в точку. Но нет, ответа не следует. Вместо этого монарх одними лишь глазами передаёт Эль'Джонсону предупреждение, хотя тот не видит никакой непосредственной опасности. Лев раздражённо хмурится и открывает рот, чтобы попробовать ещё раз.

— Где...

Тени, отбрасываемые креслом монарха в свете пламени очага и канделябров на стенах, начинают двигаться сами по себе. Они удлиняются, сгущаются и тянутся по полу к Эль'Джонсону. Примарх узнаёт их: это те же тёмные силуэты, что рыскали вокруг лодки короля, когда тот рыбачил в реке. Именно в них тогда стекала его кровь.

Смотрящий-во-тьме предупреждал, что они уничтожат Льва.

Взор короля становится ещё острее, он выражает одновременно и гнев, и разочарование. Эль'Джонсон делает шаг назад. Примарх не знает, как сражаться с врагом, который, на первый взгляд, состоит из одних лишь

теней, но возможность попробовать ему так и не выпадает. Глаза монарха вспыхивают, и мир вокруг Льва застилает белизна.

Когда его зрение проясняется, он обнаруживает, что стоит в своих покоях на борту «Славы Терры». Сигнал вокса извещает Эль'Джонсона о прибытии корабля в пункт назначения.

XXIV

Как же странно перемещаться в открытую после того, как четыреста лет ты только и делал, что прятался.

Нельзя сказать, что это меня не беспокоило. За прошедшие десятки лет я трижды чуть не угодил в лапы или моих современных братьев, или связанных с ними капитулов; уже само присутствие или прибытие этих фанатиков вынуждало меня пускаться в бегство многие дюжины раз. Теперь я носил с собой вид-проектор с голографической записью, где Лев Эль'Джонсон называл меня по имени и распоряжался, чтобы всякий, кто посмотрит её, оказывал мне любую помощь во имя Императора и Повелителя Первого, однако я почти не сомневался, что нынешние Тёмные Ангелы лишь посчитают это ещё большей ересью, нежели та, в которой я, по их мнению, уже и так повинен. Никто из них не видел и не слышал Льва до Разрушения, и потому они вряд ли поверят, что сообщение подлинное.

Так или иначе, я испытывал удивительно приятные ощущения, вновь находясь на мостике имперского звездолёта, чей экипаж относился ко мне с уважением. Смертные не знали всей правды обо мне, но им хватало того, что я принадлежал к Императорским Тёмным Ангелам и сопровождал примарха. Мне дали под командование *«Пакс Фортитудинис»*, эсминец типа «Кобра», — один из самых маленьких кораблей авалусского флота, способных путешествовать через варп. Его длина составляла чуть больше полутора километров, и в обычной ситуации «Кобры» развёртывались целыми эскадрами в составе боевого флота, а не отправлялись на задание в одиночку, однако меня, предположительно, не ждала битва.

Ранее мы прибыли к Гамме II, второй луне Тревенума-Гамма, газового гиганта в системе Тревенум. По словам Борза, до него дошли слухи, что здесь присутствует как минимум один Падший, хотя сам он не летал сюда, чтобы выяснить, истинны ли эти рассказы, якобы полагая, что его пираты мало чем смогут поживиться на здешних планетах. Я же понимал, что Одноглазый о чём-то умалчивает. Думаю, он вмешивался в дела иных

Падших, только если те сами того желали. Нынешние спутники рыцаря-капитана нашли его *сами*, случайно или намеренно. Как мне казалось, Борз не разыскивал своих братьев-Падших потому, что боялся разочароваться.

И я понимал рыцаря-капитана. Я провёл столетия, веря, что Лев предал нас, однако после того, как я встретил Приавеля, а затем покинул его, меня порой охватывали сомнения. То, что он увлёкся гнусными занятиями, легко было списать на его личные изъёмы или чувство отчаяния, возникшее из-за одиночества в незнакомой Галактике, где на тебя постоянно охотятся, но что, если это я — исключение среди братьев? Что, если из-за изгнания и обиды на примарха я не замечал, как в рядах тех, кто окружал меня на Калибане, расползается порча? Чем больше братьев я встречал в нынешнюю эпоху, где мы превратились в ненавидимых всеми беглецов, тем чаще я приходил к неутешительным выводам, ведь теперь они могли сбросить любые маски. Хотя космодесантники не ведают страха, отсюда не следует ни то, что мы объективно рассматриваем собственные предрассудки и предубеждения, ни то, что нам нравится, когда нас уличают в ошибках. Тут в нас осталось слишком много от стандартных людей.

В системе Тревенум царила неразбериха, пример того хаоса, в который погрузилась Галактика после того, как открылся Великий Разлом. Тревенум-Тета — промёрзший мир на её краю, где раньше велась добыча особенного льда, — непрерывно транслировал целый хор воплей. Чтобы не рисковать рассудком вокс-офицеров, сигнал быстро переключили с главного пульта управления на приёмники магоса Торана, одного из корабельных техножрецов. Спустя четыре часа магос уведомил меня, что какие-либо повторения отсутствуют. Из этого он сделал вывод, что передача не зацикленная, а продолжительная и непрерывная. Возможно, она даже велась в прямом эфире.

Судя по отчётам, роскошные дворцы, висящие в верхних слоях атмосферы Тревенума-Эпсилон — второго газового гиганта системы, где прежде жили люди высокого положения, — столько раз подвергались нападениям налётчиков-альдари, что те немногие их обитатели, которых не увели в рабство, решили попытать счастья и пересечь варп-штормы. Тревенум-Альфа, близкая к звезде скалистая планета, затихла сразу же после возникновения Великого Разлома. Согласно открытым навигационным записям системы, корабли, выходившие на орбиту единственной луны этого мира, без каких-либо видимых причин сразу же пропадали с ауспиков и прекращали любые передачи.

Несмотря на все муки и страдания в системе, луны Тревенума-Гамма по-прежнему причисляли себя к Империи, пусть и чисто номинально, так как со времён появления Великого Разлома ни разу не вступали в

контакт с государственными структурами за пределами Тревенума. Насколько мы смогли установить, их жители просто не высывались. Они старались не изучать события в остальной системе слишком пристально, опасаясь навлечь беду и на себя.

Когда нас на борту «Пакс Фортитудинис» вызвал оборонительный флот планеты, в сообщении звучали энтузиазм и враждебность, типичные для бойцов, наконец столкнувшихся с объектом, который, по их мнению, они сумеют гарантированно уничтожить в случае необходимости. Впрочем, агрессивность исчезла, как только я назвался Забриилом из Тёмных Ангелов, посланником вернувшегося примарха Льва Эль'Джонсона.

— *Это чудо!* — воскликнул капитан Раулин, командовавший флотом, худой как щепка мужчина с тёмными впалыми щеками. Из-за размытости изображения на гололитовом дисплее его лицо напоминало череп. — *Мы сейчас же уведомим наших повелителей. Владыка Лансиил твёрдо потребовал, чтобы мы сразу докладывали ему о прибытии в систему любых космодесантников, особенно Тёмных Ангелов.*

Я несколько веков оттачивал умение напускать на себя безразличный вид, чего хватало, чтобы обманывать смертных, но не стану отрицать, что слова капитана ошеломили меня. Я ведь уже приготовился заняться поисками вроде тех, которые прежде привели меня к Каю, Афкару и Лохоку: рыскать по улицам, или, точнее, различным уровням огромных городов-ульев Гаммы II, высматривая тайные знаки. Мне и в голову не приходило, что население будет знать о Падших.

Конечно же, «владыка Лансиил» мог оказаться вовсе и не Падшим, а современным Тёмным Ангелом, который, возможно, застрял в системе. Если он прикажет захватить меня, скажется то, что «Пакс Фортитудинис» безнадёжно уступает оборонительному флоту в огневой мощи, и, при всей стремительности «Кобры», эсминец точно не обгонит залпы орудий, что нацелятся на его двигатели.

— Один из моих братьев на Гамме Два? — Я начал тянуть время. — Мне не было известно об этом.

— Двое, мой повелитель! — охотно пояснил капитан Раулин. — Владыки Лансиил и Галад милостиво возглавили оборону Гаммы.

Итак, два космодесантника, причём Тёмного Ангела, заняли руководящие посты, прямо как Лев на Авалусе. Это объясняло, почему Гамме и её лунам удавалось отражать налёты ксеносов и не допускать, чтобы возвысились культы. Однако же теперь я ещё больше опасался за исход моего задания, так как не узнал имена, названные капитаном, и до

сих пор не представлял, кто такие эти астартес — мои братья из прошлого или же воины, которые захотят взять меня в плен и допросить.

И даже *если* они мои старые братья, почему они действовали так открыто? Считали, что современные Тёмные Ангелы не пробьются сюда через варп-штормы, а потому не боялись преследования? Или же они взялись командовать из каких-то более зловещих побуждений? Ведь любой культ будет действовать гораздо свободнее, если его одобряет верховная власть системы.

— Пожалуйста, скажите им, что я немедленно иду на посадку и желаю поговорить с ними обоими.

Лицо капитана слегка дрогнуло, и мне подумалось, что если он играет в карты, то наверняка просаживает деньги.

— Мой повелитель, я могу передать ваши пожелания, но мы должны подождать...

— Мне ждать ничего не нужно, капитан, — твёрдым голосом перебил я. — Как уже говорилось, я представляю здесь Льва Эль'Джонсона, примарха Тёмных Ангелов, который вернулся к нам спустя десять тысяч лет. Он сын Императора, мой генный отец и генный отец двух моих братьев. Его власть в этой системе превышает их.

Я дал сигнал вокс-офицеру, и он оборвал передачу. Капитан «*Пакс Фортитудинис*» по имени Монтарат щёлкнула вокс-рупорами, чтобы привлечь моё внимание. Хотя она прослужила на флоте так долго, что теперь её древнее тело плавало в капсуле с амниотической жидкостью, напрямую управляя кораблём с помощью мыслеимпульсов, голос её разума, прозвучавший из динамиков, оказался на удивление мягким и живым.

— Мудро ли было передавать столь категоричное послание, владыка Забриил? — спросила она. — Я лишь один корабль против многих, а доверие нынче в дефиците.

— Для моего легиона доверие всегда было в дефиците, — тихо ответил я. — Тут мы походим на своего отца. Я не желаю ждать, пока мои братья гадают о моих намерениях, а хочу надёжно убедить их, что не только обращаюсь к ним от имени Льва, но и сам верю в его слова. Замешкавшись, я бы показал, что сомневаюсь, примут ли они власть примарха, а значит, дал бы повод подумать, будто сам не уверен в подлинности его личности. Если же я буду действовать так, словно они точно мне не откажут, тогда мои братья, скорее всего, захотят встретиться со мной, чтобы понять, почему я веду себя подобным образом, несмотря на колоссальное превосходство их флота в огневой мощи.

Вокс-рупоры издали звук, который я истолковал как смех.

— Вы либо замечательно хитроумны, либо замечательно прямые, мой повелитель. Даже не знаю, что и выбрать. В любом случае курс проложен. Мы на подлёте к Гамме Два и встанем на низкую орбиту, если только меня не разнесут на куски. Я уже распорядилась, чтобы в Синем ангаре для вас подготовили челнок. Вам требуется сопровождение?

— Незачем, — ответил я, отворачиваясь. — Они ведь космодесантники. Если мне не удастся убедить их примкнуть к нам, то никакие речи смертных не помогут.

Спустя примерно пятнадцать часов транспортник «Аквила» сел в главной посадочной секции улья Крона. Мы не попали под огонь, хотя, судя по тому, какими отрывистыми фразами диспетчеры направляли *«Лакс Фортитудинис»* мимо оружейных платформ, а потом уточняли изменения курса для челнока, моё поведение задело кого-то за живое. Так или иначе, со мной всё ещё не связался ни один из боевых братьев, и я рассудил, что они хотят оценить меня при личной встрече.

Рампа начала опускаться, и я напоследок словно бы взглянул на себя со стороны. Болт-пистолеты покоятся в кобурах, цепной меч примагничен к одному бедру, шлем — к другому. Лицо открыто и не защищено. Я не желал предстать перед воинами в образе какого-то просителя, но и не хотел, чтобы они подумали, будто я в любую секунду готов открыть огонь. Однажды наш легион едва не уничтожил сам себя из-за недоверия и недопонимания, и я не собирался повторять те события, пусть и в гораздо меньших масштабах.

Оставалось только увидеть, какие же братья меня ожидают.

И спустя мгновение я получил ответ на свой вопрос. Рампа опустилась достаточно низко, чтобы в моё поле зрения попали массивные, громадные наплечники тактической дредноутской брони «Катафрактарий», а затем и весь пышно изукрашенный доспех. Его венчала пара крыльев, закреплённых над шлемом, и всюду на поверхности лат виднелась символика нашего легиона: оперённые крылья, мечи, черепа и другие, более загадочные знаки, обозначающие ранги и специальные знания, которыми обладал воин. Этот «Катафрактарий» входил в число наилучших комплектов брони, когда-либо произведённых Первым, а носил её настоящий гигант с проседью в бороде. В правой кисти он сжимал рукоять огромного клинка длиной в рост большинства смертных, чьё остриё упиралось в палубу. Латы воина были чёрными, кроме пластин над рукой с мечом. Их окрас цвета кости означал, что владелец доспеха принял на себя удар, предназначенный другому, чем спас тому жизнь.

Передо мной стоял киновит из Внутреннего круга — один из самых искушённых и умелых воинов былого легиона. Даже после нескольких веков жизни, проведённых вне какой-либо командной структуры, мне пришлось подавить желание отсалютовать ему, как старшему по званию. Стоявший рядом с ним воин выглядел гораздо менее примечательно в своём доспехе типа III, хотя такое снаряжение, как у него, — огромный абляционный щит и силовой меч — встречалось не столь часто. Насколько я мог судить, подобное оснащение имели только ветераны из отделений прорывников, хотя всегда существовала вероятность, что он взял это оружие, просто не имея иного выбора.

Итак, на один из вопросов я ответ получил, ибо воины, несомненно, происходили из тридцать первого тысячелетия. Меня убедила одна лишь их экипировка, не говоря уже о том, что их броня имела чёрный цвет, как у меня, а не насыщенный травянисто-зелёный, как у наших современных братьев. Теперь осталось узнать, как они примут меня и не кроется ли что-то неприглядное под завесой их правления здесь.

— Рад встрече, братья, — произнёс я, начав спускаться по рампе ещё до того, как она коснулась земли. Я продолжал следовать тактике, которую выбрал при обращении к капитану Раулину: вести себя так, словно ожидаю от окружающих только одной реакции, и смотреть, каковы будут их действия. — Я Забриил из Третьей роты Пятнадцатого капитула.

— Лансиил, рыцарь-сержант первого отделения Двадцать четвёртого капитула, — звучным басом ответил прорывник, награждая меня улыбкой.

Он носил аккуратно подстриженную чёрную бороду с обильными вкраплениями седины на тугих завитках курчавых волос. Цвет его смуглой кожи был таким же глубоким и насыщенным, как и звучание голоса.

— Я Галад, — просто сказал киновит.

Когда я посмотрел на него, ожидая продолжения, великан встретил мой взгляд с равнодушным видом.

— Галад считает наши прежние звания необязательными, — объяснил Лансиил, с весёлым видом взирая на товарища. Также он не преминул покоситься на меня озорно блестящими глазами.

— В них больше нет смысла, — произнёс Галад, повернувшись к Лансиилу, и у меня сложилось впечатление, что они уже несколько раз обсуждали эту тему, а сейчас подняли её в основном для меня. — Мы не командуем, и над нами командиров нет, а наш легион не существует в прежнем виде.

— Но меня уверяли, будто вы всё-таки командуете людьми, — вставил я, не давая разговору уйти в сторону. — Мне сообщили, что вы здесь

встали во главе обороны. Хотя, — добавил я, — стоило бы предположить, что таких командиров снабдят почётной гвардией независимо от того, требуется она вам или нет.

— Мы ничего не знали о твоих намерениях, — сказал мне Лансиил. — Да и вообще, ты ведь служил разрушителем, так что лучше не рисковать смертными, учитывая, какие средства ты мог бы применить. — Он засмеялся, увидев, что я хмурюсь. — Мы никогда не встречались лично, но оба охотились на рангданцев в лабиринтах их проклятой боевой луны в Адвекс-Морсе. Я помню твоё имя и назначение по служебным спискам.

— У Лансиила необычайно хорошая память, — подал голос Галад.

— Фосфекс у меня закончился лет четыреста назад, — сухо произнёс я. — Но достаточно любезностей, братья. К нам вернулся Лев.

— Так гласило твоё сообщение, — подтвердил Галад. — А ты можешь чем-то подтвердить его?

Вместо ответа я потянулся к поясной сумке, вытащил вид-проектор и нажал на руну включения.

Возникла дёргающаяся гололит-картинка: частицы света, слившись вместе, сформировали изображение нашего генного отца. Лев был облачён в тяжёлый балахон с капюшоном, который он откинул, чтобы открыть морщинистое лицо, окаймлённое косматыми волосами. Повелитель Первого выглядел как древний воин-король, который с годами приобрёл мудрость, но и не растерял свирепости в бою.

— Я — Лев Эль'Джонсон, примарх Тёмных Ангелов и сын Императора. Если вы смотрите это сообщение, знайте, что его носитель Забриил служит моим посланником.

Поле охвата немного расширилось, и в гололите появился я, стоявший рядом со Львом, — в броне, но без шлема. Разница в стати между нами замечалась мгновенно, даже при том, что керамитовые доспехи добавляли мне массивности. Собственно, так и задумывалось: не только подтвердить мою личность как носителя послания, но и наглядно показать зрителю истинную природу создания, которое обращалось к нему.

— Меня не было в Империи сотню веков, а вернувшись, я обнаружил его погружённым в хаос. Я обращаюсь к вам безо всяких намерений править, ибо не хочу становиться ни Императором, ни Регентом, ни обладателем какого-либо другого титула. Мой долг прост — защищать человечество от угроз, что рыскают во тьме. Мир Авалус стал центром Львиного Протектората. Любому, кто желает присоединиться к нам, нужно лишь отправить туда весть, и тогда мы прибудем к вам, если сможем. Я знаю, что мои сыновья разбросаны по всей Галактике и действуют как

открыто, так и тайно. У меня нет желания вскрывать старые раны. Я призываю всех космодесантников из рода Тёмных Ангелов примкнуть ко мне, ибо и я, и сама Галактика сейчас нуждаемся в вас больше, чем когда-либо. Если вы праведны сердцем, вам обязательно найдётся место в этом начинании.

Лицо примарха вновь посуровело.

— Но имейте в виду: пусть я и не собираюсь править даже частью Империиума, я всё ещё Повелитель Первого. Если мои сыновья желают что-то делать от моего имени, кого-то судить или карать, им следует отказаться от всех подобных действий до моего решения. Сыны мои, пока вы не посоветуетесь со мной, не думайте, будто вам известно моё мнение. Уже и так произошло слишком много недоразумений.

Сообщение закончилось, и гололит с шипением потух.

Как я сразу же понял, у Лансиила и Галада не возникло никаких сомнений по поводу истинности послания, ибо выражения их лиц говорили сами за себя. Поверят ли в истинность сообщения мои подозрительные современные братья — совсем другой вопрос. Во всяком случае, мы со Львом сошлись на том, что если они увидят послание, то, скорее всего, отправят как можно больше свободных кораблей на поиски примарха. По мнению Эль'Джонсона, затем он смог бы убедить Тёмных Ангелов не уничтожать звездолёт или город, в котором находился примарх. По крайней мере, до того, как они встретились бы с ним лично.

Я надеялся, что он прав. В прошлом я бы, возможно, и испытал мрачное удовлетворение от такого исхода, но не теперь, когда Лев поклялся мне, что в прошлом именно его сыны неожиданно открыли по нему огонь, а не он напал на Калибан первым. Ныне примарх путешествовал с воинами того гарнизона, и, если бы его атаковали те, кто всегда считали себя верными Империиуму, это стало бы поистине злой шуткой. Впрочем, Галактика никогда не отличалась милосердием.

— Это *он*, — выдохнул Лансиил, чьё лицо выражало благоговение.

— Да, — согласился Галад и наморщил лоб. — Хотя мне интересно, сколько истины в его словах. Он боевой вождь, каким был и Император. Возможно, даже в большей степени, ведь примархов создали как раз для войны. С чего бы ему *не* желать править, учитывая состояние Империиума?

— Брат, хотя Лев обладал самыми разными качествами, лжи среди них точно не было, — возразил Лансиил. — Да, он хранил секреты, но это не то же самое, что вести обманные речи. Если он говорит, что не намерен становиться новым Императором, я ему верю.

— А как насчёт другой части? Про его сыновей? — оценивающе посмотрел на меня Галад. — Там он выражался довольно расплывчато.

— Лев выбирает слова осторожно, — ответил я. — Он не знал, кто увидит сообщение, и считал, что открытое упоминание о расколе внутри легиона может плохо сказаться на моральном духе тех, кому ничего об этом не известно. К тому же он не хотел возмутить наших современных братьев: они же десять тысяч лет старались утаить этот секрет и преследовали всех, кто имел отношение к нему.

— А Лев осознаёт, кем стали те, кто в нынешнюю эпоху называют себя Тёмными Ангелами? — спросил Галад. — Ему известно об их рвении и мстительности? О том, что они готовы даже бросить своих союзников, чтобы расследовать любые слухи о нас?

Я поморщился.

— Я объяснил ему как мог. Время покажет, поймёт ли он это по-настоящему, но смысл сообщения в том, что именно Лев, а не его сыны, будет судить нас, причём по нашим нынешним действиям, а не по тому, как мы поступили во время Разрушения. — Я перевёл взгляд с одного воина на другого. — Так вы отправитесь со мной?

Галад колебался.

— Мы обещали защитить этих людей...

— А разве у нас есть варианты лучше, нежели отправиться ко Льву за помощью? — поинтересовался у него Лансиил. — Гамма и её луны не смогут выживать в изоляции вечно, Галад. Мы всегда знали, что либо вступим в контакт с одной из фракций Империума и будем как-то разбираться с этим, либо налётчики всё-таки задавят нас. Объединение миров, протекторат, который не собирается занимать место Империума, а лишь хочет защитить его остатки... До первого сообщения Забриила я даже не надеялся на что-то подобное. Брат, скажи честно: неужели ты считаешь, будто у нас больше шансов защитить систему и даже отбить её потерянные территории, чем у Льва?

— Вовсе нет, — сказал Галад. — Но что насчёт *нас самих*, Лансиил? У Льва всегда был неровный характер.

— Вот только не надо делать вид, будто ты переживаешь за своё здоровье, — со смешком ответил Лансиил. — Это ведь не так, уж я-то тебя знаю! Галад слишком благороден, — пояснил мне рыцарь-сержант с искрами веселья в глазах. — Он бы уберёг меня от любого вреда, если бы мог.

— Ты бы сделал то же самое, — невозмутимо произнёс Галад. — Прикрывая меня, твой щит принял на себя не меньше ударов, чем отразил,

обороняя тебя.

— Ну, ты ведь такая крупная и притом медленная цель! — пошутил Лансиил. Затем он посерьёзней. — Но по правде, брат, я не вижу ни единой причины, почему бы нам не отправиться с Забриилом. Даже если Лев желает покарать конкретно нас за наши предполагаемые злодеяния, это не значит, что мы должны лишать народ Тревенума защиты, которую может дать примарх. Мы всегда желали лишь служить человечеству, и с Эль'Джонсоном это удастся гораздо лучше, чем если мы останемся править мелким королевством, ожидая, когда гибель придёт за нами.

Галад вздохнул и с теплотой положил руку на наплечник Лансиила.

— Если таково твоё желание, я отправлюсь с тобой. — Он взглянул на меня. — А как насчёт другого нашего брата? Его ты тоже хочешь разыскать?

Я сдвинул брови.

— Другого брата? В слухах упоминался лишь один Тёмный Ангел, а не двое, и капитан Раулин говорил только о вас.

— Беведан... — начал объяснять Лансиил. — Я нашёл его десятилетия назад, когда искал Галада, но он всегда был меланхоличным. Беведан совершенно отринул битвы и после того, как мы прибыли сюда, решил отправиться в Умбранские горы, дабы вести жизнь отшельника. Мы навещали его несколько раз, и он выглядел вполне счастливым, хотя его нисколько не интересовало, что творится в большом мире.

— Примарх пожелал, чтобы я доставил сообщение всем его сыновьям, кого только смогу разыскать, — заметил я. — Если я не встречу с Беведаном, то совершу упущение.

— Мы дадим тебе транспорт для поисков, пока будем готовить смертных к нашему отбытию и объяснять им, почему уходим, — произнёс Галад. — Но, Забриил, на успех сильно не надейся. Беведан упёртый, и его не получится убедить.

— Я не собираюсь убеждать Беведана, — ответил я. — Он получит от меня то же предложение и послание, что и вы. Ни больше ни меньше. Только ему решать, отказаться или согласиться.

XXV

Станция «Эхо» подобна тёмному пятнышку в межзвёздном пространстве. Конструкция, притаившаяся на границе туманности Кордова, состоит из сферического ядра и пяти тянущихся от него спиц. Лев не видит явных причин того, почему базу расположили здесь, вдали от миров, которые она могла бы защищать, но это не единственный источник его сомнений.

— Станция не похожа на творение человеческих рук, — заключает он.
— Хотя в ней вообще нет ничего мне знакомого.

— Учитывая, сколько разных цивилизаций ксеносов наш легион уничтожил во время Великого крестового похода, удивительно, что мы её не узнаём, — соглашается Борз, говоря по воксу с борта *«Лезвия чести»*.
— Но вы правы, мой повелитель. Станция «Эхо» действительно не выглядит построенной людьми. Тем не менее размеры и устройство вполне позволяют человечеству использовать её.

Лев морщится.

— И тебя это не беспокоит?

— Мы все и так прокляты в глазах Имперіума, — честно отвечает Борз.
— Я бы мог отдаться на милость моих современных братьев, но предпочёл оставаться в живых. Здесь это означает «пользуйся всем, что доступно». — Немного помолчав, он продолжает: — Без станции «Эхо» мои корабли бы не находились сейчас в исправном состоянии, а значит, вам бы пришлось куда тяжелее в битве против того хаоситского отребья у Авалуса, мой повелитель.

Стоящий рядом с примархом Кай цокает языком, а Эль'Джонсон вздыхает. Ему это не нравится, однако он вынужден согласиться, что доводы Борза логичны. Император хотел очистить Галактику от цивилизаций ксеносов, ибо знал, что любая из них рано или поздно стала бы угрозой человеческому господству, а их артефакты могут представлять

не меньшую угрозу, чем сами чужаки. Однако, как сказал бы сейчас любой навигатор, Императора здесь нет.

Кроме того, справедливо будет заметить, что Тёмные Ангелы не чурались технологий иных рас. В трюмах *«Непобедимого разума»* хранились одни из самых опасных реликвий времён Старой Ночи, которые в случае крайней необходимости применяло Крыло Ужаса, и Лев прекрасно знает, что не всё оружие, дарованное ему отцом, имело исключительно человеческое происхождение. Тем не менее здесь есть разница, ибо использование тех артефактов Владыка Людей одобрил. Но что теперь делать Эль'Джонсону? Замысел Императора для Галактики так и не претворился в жизнь, разбившись о рифы предательства Хоруса, поэтому Льву остаётся лишь выйти из тени отца и самостоятельно принимать те решения, которые он посчитает наилучшими здесь и сейчас. Следуя этой логике и учитывая, что в прошлом примарх точно так же отсутствовал, не стоит удивляться, что его собственные сыновья пошли тем же путём.

— Чего бы я только не отдал, чтобы появился ещё один мой верный брат, — бормочет Эль'Джонсон. — Такое бремя тяжело нести без поддержки.

— Даже Русс? — спрашивает Кай.

Примарх на секунду задумывается.

— Даже Русс.

Волчий Король всегда обладал некой дикарской простотой, что сейчас стала бы почти желанной, хотя это его качество, бесспорно, выводило бы Льва из себя. Император отправлял Космических Волков в том случае, когда хотел, чтобы судьба врага запечатлелась у всех в памяти, а Первый Он посылал, чтобы о враге не сохранилось и воспоминаний. Даже если бы теперь Русс и оказался в чём-то неправ, он всё равно посчитал бы себя *правым*, а на таком фоне все доступные Льву варианты стали бы выглядеть как минимум более очевидными.

Начинает трещать вокс, но говорит не Борз. Их вызывают с самой станции. Эль'Джонсон слышит низкий голос, который звучит не очень-то радостно, и это впечатление лишь подкрепляется сигналами тревоги: системы *«Славы Терры»* регистрируют наведение орудийных комплексов.

— Борз, жалкий ты дерьмохлёб! — грохочет вокс. — Если ты привёл к нам Империум, чтоб его все черти...

— Гуэйн, ты? — вклинивается Борз. — Ты ведь больше не злишься из-за прошлого раза, правда?

— Там был целый корабль припасов.

— Хватит, — прерывает Лев диалог, быстро перераставший в спор. — Борз, когда ты вёл меня сюда, то не упомянул, что раньше пиратствовал в этом самом месте!

Вокс на мгновение затих.

— *Кто говорит?* — спрашивает станция «Эхо».

— Лев Эль'Джонсон. — Примарх роется в воспоминаниях. — А ты, верно, рыцарь-сержант Гуэйн, если я правильно помню. Ты потерял руку во втором боестолкновении на Каркасарне.

— Лев Эль'Джонсон мёртв, и вдобавок он предатель. — Нужно очень постараться, чтобы в тоне космодесантника зазвучало потрясение, но голос Гуэйна дрожит. — И во время изгнания на Калибане владыка Лютер произвёл меня в рыцари-капитаны.

— Я мёртв не больше твоего, рыцарь-капитан Гуэйн, — твёрдо отвечает Лев, — и то же самое относится к моему «предательству».

— Гуэйн, ты же знаешь, я бы не вернулся без веской причины, — встревает Борз. — Он говорит правду, каким бы невероятным это ни казалось. Хотя бы собери своих братьев для встречи с ним.

Вокс затихает на несколько долгих секунд, а примарх терпеливо ждёт. В любой ситуации можно произнести что-нибудь ещё, но, как только слова сорвутся с губ, обратно их уже не вернуть.

— Ну ладно. Только один челнок. И ещё, Борз... Ты со своими пиратами лучше держись подальше.

Углы неправильные.

Вот какое первое впечатление возникает у Льва, когда он выходит на ангарную палубу из челнока. В строении станции есть нечто очень чуждое человеку, хотя оно вызывает гораздо менее резкое чувство неправильности, чем кошмарные внутренности кораблей хравов или рангданские сооружения. Впрочем, тревожит это гораздо сильнее. Если нечто очевидно чужеродное можно отринуть с лёгкостью, то объект, который *почти*, но *не полностью* совпадает с тем, что ожидает увидеть глаз, притягивает к себе взгляд снова и снова.

Его ждут семеро сыновей. Стоят они, надев шлемы, почти что в парадном строю — то ли по привычке, то ли осознанно. Однако взгляд примарха цепляется за мелкие несоответствия в их облике так же, как и за окружение. У кого-то нет символа роты, кто-то взял бронепластину от другого комплекта лат или держит оружие, которое никогда не входило даже в обширный и разнообразный арсенал легиона. Доспехи пятерых окрашены в чёрный цвет Первого, однако крайний справа выделяется белой бронёй аптекаря, а стоящий позади воин со множеством

манипуляторов закован в ржаво-красный керамит и носит сервосбрую техnodесантника.

Сам Лев не стал облачаться в повреждённые латы, но на его поясе висит Верность. По бокам Эль'Джонсона окружают Кай и Лохок: мечник — слева, Красный Шёпот — справа. Следом за Повелителем Первого идёт Львиная Гвардия, так как, услышав о схватке на мостике *«Лунного рыцаря»*, М'киа отказалась отпустить примарха на задание без охраны. Лев предпочёл бы отправить людей домой с одним из кораблей, посланных зарождающимся протекторатом для восстановления связи, однако он знал, что камартцы начнут униженно умолять его передумать, а Эль'Джонсон не желал видеть их в таком положении. Примарх уже забрал гвардейцев из родного мира, сам того не желая. Самое меньшее, что он может сделать для них, — позволить им сохранить достоинство.

Так или иначе, никто из гостей не держит в руках оружие, и даже плазмомёт Лохока висит на ремне. Борз выполнил обещание, доставив их сюда, вот только он не поделился всей правдой о взаимоотношениях со своими обособленными братьями на станции «Эхо». Значит, теперь Лев попадает в положение более опасное, чем он предполагал ранее.

— Я рад вас всех видеть, — говорит примарх.

Эти слова звучат даже искреннее, чем ожидал Лев. Когда он нашёл Забриила, тот в одиночку защищал беженцев на порченной планете. Кай, Лохок и Афкар скрывались в городских трущобах, а Борз со своим экипажем охотился на любые корабли, какие только мог отыскать в пустоте. Тот факт, что кому-то из его сыновей удаётся создать для себя нечто вроде дома, необычайно радует Эль'Джонсона, пусть даже у сего дома чужеродное происхождение и быт в нём разительно отличается от фронтовой жизни, для которой сотворили легионеров. Примарх замечает, как на них изумлённо смотрят стандартные люди: выглядывают из-за краёв дверных проёмов, ведущих в ангар. Сервы и слуги? Или же в этом странном месте все равны?

Пока Лев взирает на них, крайний слева Тёмный Ангел спрашивает:

— Ты пришёл, чтобы убить нас?

Он держит мелта-ружьё, но в его тоне нет ни гнева при мысли о смерти, ни желания сражаться.

— Снова, — добавляет второй справа.

Его правая рука заменена бионикой, и по ней Лев уже распознал воина как рыцаря-капитана Гуэйна. Впрочем, он в любом случае определил бы личность легионера по голосу.

— Я не собираюсь никого убивать, — отвечает примарх, а затем рассказывает им обо всём, что знает: о предательстве Лютера, Астеляна и их союзников, а также о найденных им сыновьях, которые, как верит сам Лев, не принимали участия в нападении или ничего о нём не знали.

Он говорит о Камарте, Авалусе и своей задаче.

— Если захотите, я оставлю вас в покое, — заключает Эль'Джонсон, — и попытаюсь убедить тех моих сыновей, кто ныне носит мантию Тёмных Ангелов, сделать то же самое. Чего, однако, не случится, если вы грабите человечество. Или не прекратите этого, — добавляет он, думая о Борзе.

Легионер, стоявший позади, выходит вперёд, лязгая металлической ногой о металлическую палубу. Когда он снимает шлем, Лев видит, что и голова у него наполовину металлическая. Технодесантник, о котором говорил Борз, оказывается древним созданием: та кожа, что ещё сохранилась у него на лице, бледная и обвисшая.

— Для меня после Разрушения Калибана прошло семьсот тридцать семь лет, — говорит воин, присвистывая. По звуку ясно, что его дыхательные пути или лёгкие как минимум частично искусственные. — Я Эктораил, сын Калибана и адепт Марса, и я могу сказать вам, владыка Лев, что дела в Галактике сейчас идут хуже, чем когда-либо. Империи убог, близорук, суеверен и полон ненависти. Преследуя забытые им цели, которых уже не достичь, он цепляется за доктрины, непонятные ему самому. С чего бы нам сражаться за то, что от него осталось?

— Да, судя по всему, что я слышал, Империя полна страшных изъязров, но многие люди не несут за это ответственности, — твёрдо отвечает Лев. — Они со всех сторон осаждены хищными ксеносами, коих нам не удалось искоренить, а также гнусными силами, поработившими легионы наших родичей и, более того, некоторых из ваших боевых братьев. Неужели мы бросим смертных, пока они пожинают последствия решений, принятых их предками, и ошибок, совершённых Легионес Астартес и примархами? — Он простирает руку к смертным, что прячутся за порогом, и те отшатываются, хотя от Эль'Джонсона их отделяет метров сто. — С вами тут есть люди, и, полагаю, их вы защищаете так же, как саму станцию. Почему бы не расширить ваши границы?

— Потому, что они испуганы, — произносит Кай, выступая вперёд.

Лев поворачивается к нему, намереваясь сделать суровый выговор, но уже слишком поздно. Напряжённое спокойствие, которое сохраняли обе стороны, нарушилось, и Тёмные Ангелы со станции «Эхо» вскидывают оружие.

Кай словно бы совсем не обеспокоен.

— Мне знакомо это чувство, — заявляет он, раскинув руки. — Я тоже его испытывал. В дни Великого крестового похода я принадлежал к чему-то огромному, жил в окружении братьев и понимал свою цель. Даже во время нашего изгнания на Калибане я чувствовал ту связь, причём даже сильнее прежнего, ибо знал, что смогу сделать много всего хорошего, если мне просто разрешат покинуть тот мир и взяться за дело! — Он опускает руки по бокам. — А затем случилось Разрушение, шторм швырнул меня сквозь пространство и время, после чего я оказался в одиночестве и без цели. Даже когда я нашёл пару товарищей, у нас не имелось иного плана действий, кроме как «не высовываться и выживать». Как бы мы сумели изменить Галактику втроём?

Кай указывает на Льва.

— Но теперь мы сумеем, братья. Наш генный отец говорит, что не желает править, и я ему верю, однако вы должны понять: всюду, куда бы он ни отправился, человечество цепляется за него, как утопающий — за понтон. Люди станут внимать речам примарха и относиться к его слову как к закону. Вы либо примкнёте к нему и обретёте новую цель вместе с другими воинами, после чего у вас останутся лишь те враги, что стремятся уничтожить человечество, либо отвергнете его и останетесь здесь, дожидаясь, пока проходящий мимо флот ксеносов не принесёт вам бессмысленную смерть... Или же Непрощённые наконец поймают вас и запытают.

Несколько мгновений царит тишина.

— Знаешь, Кай, я бы не опечалился, если бы ты так и не выбрался из того варп-шторма, — произносит Тёмный Ангел с мелта-ружьём.

Теперь в его тоне значительно больше эмоций, чем прежде.

— Аналогично, Кузиил, — фыркнув, отвечает мечник. — Но я говорю правду, и, полагаю, вы это знаете.

— А что насчёт другого вашего спутника, мой владыка Лев? — спрашивает Эктораил. Его механический глаз щёлкает и жужжит, наводясь на Лохока. — Он столь же красноречив?

— Нет, — сипит Красный Шёпот. — Я просто делаю то, чего требует от меня Лев, и всё.

— Брат, судя по голосу, у тебя старое ранение, — говорит другой Тёмный Ангел, тот, что в белых латах аптекаря. — Его нужно осмотреть?

— Не нужно.

— Но...

— Лохок не снимает доспех прилюдно, — прерывает его Лев. — Но мы благодарны за твою заботу.

— Неужели? — вмешивается Эктораил. Та половина лица техnodесантника, что ещё способна двигаться, принимает задумчивое выражение. — И это не кажется вам странным, мой повелитель?

— Подозреваю, после Разрушения у многих моих сыновей появились свои причуды, — ровным тоном произносит Эль'Джонсон. — Я никого не стану обвинять без доказательств. Лохок поклялся мне в верности и ещё ни разу не дал повода усомниться в нём. Такое же доверие я окажу любому из вас.

Бойцы гарнизона станции «Эхо» слегка меняют позы, и Лев понимает, что его слова затронули нужные струны. Тёмные Ангелы всегда гордились своим положением первого и лучшего легиона — эталона, на который полагалось равняться всем прочим Легионес Астартес. Примарх задумывается над тем, какого рода неуверенность появилась у них, пока каждый из воинов то или иное долгое время пребывал в относительном уединении, не имея возможности повлиять на Галактику. Вероятно, Кай прав: они чего-то страшатся, но не смерти или боли, ведь и то и другое космодесантники встречают бестрепетно.

Нет, легионеров пугает то, что они уже лишились того единственного, что определяло саму их суть, а любая попытка вернуть это лишь подтвердит их страхи.

— Сыны мои, — как можно мягче говорит Лев. — Сотни лет мы с вами поступали так, как нам говорили. Теперь же я просто хочу поступать *правильно*, и тут мне нужна ваша помощь, если вы, конечно, желаете её предложить.

— С кем вы сражаетесь? — спрашивает кто-то ещё.

Примарх замечает, что это штурмовой десантник с древним прыжковым ранцем на спине.

— Судя по всему, сейчас наш главный противник — группировка Хаоса под названием Десять Тысяч Глаз.

Штурмовой десантник выступает вперёд.

— Рыцарь Ламор, мой владыка Лев. Если вы охотитесь за отбросами Серафакса, я с вами.

Эль'Джонсон хмурится.

— Серафакс... Я бился с абордажниками, которые выкрикивали это имя. Он у них старший командир?

— Бывший рыцарь-капитан Серафакс! — рычит Эктораил. — На Калибане он стал одним из любимчиков Лютера. После Разрушения я с

ним не встречался, но сталкивался с результатами деяний как его самого, так и его последователей. Он *предал* всё, чему учил нас Император. Я помогу вам.

На лице примарха появляется улыбка. Она становится только шире, когда шаг вперёд делает и Гуэйн.

— Не в одиночку, брат.

— Он и не один, — произносит Ламор, поворачиваясь к Гуэйну. — Ты разве не слышал, как я дал обет ещё до него?

— Он окажется один в тот момент, когда ты полетишь на врага, взбалмошный ты... — начинает Гуэйн.

Однако в этот момент звенит комм-бусина Эль'Джонсона, извещая его о срочном сообщении.

— Надеюсь, это что-то важное, капитан, — тихо говорит Лев.

— Прошу прощения, мой повелитель, но так и есть. Меллир, наш астропат, только что получил зов о помощи.

Примарх оскаливает зубы.

— Откуда?

XXVI

Умбранские горы оказались поразительно красивы. Я прибыл туда на втором рассвете, который, в силу местных особенностей, также играл роль полудня. Гряда стояла как раз в том месте, где поверхность Гаммы II, всегда обращённой к родительской планете одной стороной, выходила из тени Тревенума-Гамма и полностью открывалась сиянию солнца. За сотни лет путешествий по Галактике я повидал множество необычных зрелищ, однако картина того, как звезда Тревенум медленно поднимается над гигантской тёмной сферой Гаммы, чьи верхние слои атмосферы блистают, сзади озарённые светилom, а затем изливают лучи на изрытый скалистый пейзаж второй луны, определённо входила в число самых запоминающихся наблюдений в моей жизни. Как минимум среди тех, что не представляли для меня прямой угрозы.

Во времена Великого крестового похода некоторые Кровавые Ангелы увлекались искусством, поэтому я задумался, вдохновило бы их такое зрелище. Также я спросил себя, продолжают ли творить какие-либо потомки IX легиона, а если нет, то какой отсюда следует вывод. Возможно, мои современные братья и кузены утратили последнюю связь с человечеством, хотя их ведь по-прежнему набирают из числа людей? И если так, считать ли это недостатком? Или же на самом деле мы, оригинальные астартес, напрасно цеплялись за какие-то индивидуальные черты вместо того, чтобы принять уготованную нам роль бесчувственного оружия?

Транспортом мне послужил РЕ-45 — гражданский пассажирский челнок, который приземлился в каменистой долине. Я мог с уверенностью сказать, что членов экипажа не особенно обрадовали ни задание, ни место посадки, так как вид космодесантника их тревожил, а гидравлическое шасси протестующе завизжало, коснувшись неровного грунта, однако люди выполнили свою работу тихо и грамотно. Я стал подниматься по склонам один, оставив пилотов и техников на корабле. Думаю, они

облегчённо вздохнули, пусть им теперь и предстояло ждать моего возвращения в какой-то глуши.

Горные гряды — такое место, где исключительно отчётливо проявляется суть изменений в организме астартес. Мы, как правило, не слишком-то прыткие. Хоть доспехи увеличивают силу и придают мощи движениям, вес наш тоже становится больше. Камни уходят из-под ног гораздо охотнее, а осыпные склоны превращаются в почти непреодолимое препятствие. С другой стороны, мы практически неутомимы, и порой одна лишь грубая сила позволяет нам покорить подъёмы, которые смутили бы даже опытного альпиниста-смертного.

В общем, речь о том, что к названному мне месту уединения Беведана я пробирался, не выказывая каких-то чудес ловкости или грации, однако двигался неуклонно и упорно, отчего чувствовал себя чуть ли не воином Гвардии Смерти. Недолгий период, когда я оценивал окружающие виды с эстетической точки зрения, уже закончился. Теперь я вновь воспринимал их лишь как местность со своими особенностями, которую следовало анализировать и обращать выводы себе на пользу, отмечая лучшие маршруты и потенциальные опасности, а также постоянно держа в уме все позиции, с которых какой-нибудь снайпер мог бы с удобством прицелиться в меня. Собственно, я не ожидал столкнуться здесь с врагами, однако космодесантник никогда не отбрасывает подобную вероятность.

Судя по всему, Беведан жил в пещере на высоком склоне, обращённом к западу, куда падал свет на протяжении долгого полудня. К ней вела дикая тропа, хотя я не смог определить, кто её протоптал — люди или животные. Взбираясь, я спугнул пару зверей, коих местные вроде бы называли тучепрыжниками. Двухногие, покрытые мехом создания ростом до полуметра сначала сердито покричали на меня, стуча острыми зубами, а затем бросились со скалы, расправили кожаные складки и полетели в безопасное место, планируя на сильном горном ветру. Кроме того, я заметил здесь признаки обитания и более крупных существ: на песчанистой почве в изобилии попадались следы, оставленные кем-то со множеством хитиновых конечностей, расстояние между которыми составляло не меньше метра. Также мне встретился глубокий, отчётливый отпечаток лапы какого-то млекопитающего — хищника, судя по подушечкам и едва заметным когтям. За годы пребывания на Калибане я намного лучше, чем мне хотелось бы, освоился в его проклятых лесах и разобрался во всевозможных биологических опасностях, таившихся среди деревьев. Также я научился кое-каким приёмам охоты и следопытства.

Впрочем, по-настоящему моё внимание примерно через полчаса привлекли более привычные взгляду следы — характерные отпечатки

керамитовых сабатонов, таких же, как у меня. Вели они в ту же сторону, куда двигался и я. Здесь прошёл космодесантник, причём недавно: следы всё ещё оставались отчётливыми, хотя ветер уже стёр их по краям. Я обрадовался, увидев в них свидетельство того, что поднимаюсь не напрасно. Конечно, я не сомневался в честности Лансиила и Галада, но представлялось, что этот Беведан, мягко говоря, с причудами, и никто бы не поручился, что он не успел перебраться куда-либо из места, о котором знали два воина.

Гамма II вращалась вокруг родительской планеты по такой орбите, что сутки на ней длились около сорока часов, поэтому солнце успело пройти лишь половину пути к горизонту, когда я выбрался из чащи кривых чахлых деревьев. Похоже, никакие иные крупные растения в местных горах не приживались. С опушки я сразу же увидел пещеру — мой пункт назначения. Судя по нескольким террасным площадкам с не слишком плодородной почвой, где росли какие-то посевы, Беведан занялся земледелием, чтобы выживать здесь, наверху, вдали от тех, с кем мог бы торговать.

С другой стороны, если он жил в таком уединении, к кому же тогда обращался прямо сейчас?

Аудиорецепторы моего шлема уловили едва слышимые звуки чьего-то голоса. Я определил, что говорит космодесантник, однако не разобрал ни слова и подошёл ближе, стараясь услышать, о чём идёт беседа, и получить хоть какое-то представление о том, что за ситуация меня ожидает. Как сказали мне Лансиил и Галад, Беведан отринул войну, однако он всё равно мог прибегнуть к насилию, завидев незнакомца в доспехах. И вновь сложилось так, что, оценивая обстановку, я вопреки нравам моего легиона и чутью, благодаря которому выживал все эти столетия, пришёл к выводу, что лучше всего действовать прямо и открыто. Неизвестно, хорошо или плохо отшельник отнесётся к гостю, громко и явно заявившему о себе, но за убийцу меня при таком подходе примут вряд ли.

— Беведан! — крикнул я, стоя поодаль от пещеры. На таком расстоянии мне всё ещё не удавалось разобрать отдельные слова. — Твой брат хочет поговорить с тобой!

Уже потом я понял, что, пожалуй, действовал неосмотрительно, хотя известные мне истории о том, как из-за сильного шума в горах сходят камнепады или снежные оползни, в данном случае не подтвердились. Когда эхо затихло, оборвалась и речь внутри пещеры, а спустя несколько мгновений наружу вышел некто в чёрной броне. В руках он держал болтер, однако ствол смотрел в землю.

— Брат Беведан? — спросил я, но тут же понял, что это не он.

Хотя Лансиил и Галад не упомянули, продолжает ли Беведан носить силовой доспех, они недвусмысленно указали, что у отшельника нет левой кисти, причём он не заменил её ни бионикой, ни протезом. Этот же воин держал болт-автомат двумя руками.

Значит, посторонний.

Я решил не доставать болт-пистолеты, чтобы не провоцировать его. Если бы затем я решил, что незнакомца нужно убить, тогда бы выхватил их и действовал по ситуации, а пока что не собирался разжигать ненужный конфликт. Кроме того, Лев попросил меня доставить сообщение всем своим сыновьям, а воин, судя по символике на чёрных доспехах, был одним из моих братьев.

Из пещеры вышел второй астартес, однорукий и очень просто одетый. Вот и Беведан. Светловолосый, бледнокожий, с сероватыми, совершенно прозрачными глазами и серьёзным, едва ли не мрачным видом. Увидев меня, он поджал губы, а на лице проступила задумчивость, смешанная с грустью. Возникло ощущение, что в данный момент моё присутствие здесь нежеланно, и мне стало интересно, что за беседу я прервал.

— И кто же ты? — спросил меня Беведан и подозвал к себе, махнув обрубком, что заканчивался в области предплечья. В здоровой руке оружия не было. — Подходи ближе, раз уж забрался так далеко.

— Забриил, — ответил я, шагая в их сторону и делая вид, будто всё моё внимание сосредоточено на Беведане. На самом деле я наблюдал за другим моим братом, выискивая любые признаки враждебности с его стороны. Он, несомненно, занимался тем же самым. — Я пришёл с сообщением ото Льва.

Беведан бросил взгляд на legionera в чёрной броне.

— Ото Льва?

— Именно, — сказал я, затем повернулся к загадочному воину и впервые прямо заговорил с ним: — Оно предназначено для всех нас, так что это касается и тебя, брат. Я не знал, что тут будет кто-то ещё. Как тебя зовут?

Он поднял руки и снял шлем, открывая моему взору знакомые черты лица.

— Забриил. Давно не виделись.

Нахмурившись, я последовал его примеру.

— Баэлор? А я слышал, что Тёмные Ангелы поймали тебя.

— Сели мне на хвост в секторе Нефилим, — ответил Баэлор, кивнув. — Но гнаться за мной им духу не хватило.

Мы с Баэлором не особенно часто общались на Калибане, но поверхностное знакомство у нас всё-таки состоялось: мы иногда проводили спарринги в тренировочных клетках, а наши отделения однажды участвовали в совместной операции по зачистке. Правда, ныне то задание вызывало у меня некоторую неприязнь, ибо я уже сомневался, действительно ли вероломные магнаты, которых нас послали устранить, были такими опасными или неблагонадёжными, как утверждалось в приказах Астеляна. Насколько я мог судить, мы с Баэлором постарели примерно одинаково, а в остальном он, похоже, ничем не отличался от того надёжного и верного воина, каким запомнился мне.

— То, что Лев вернулся, — громкое заявление, — произнёс Беведан.

— Да, — согласился я. — И у меня есть доказательства.

Достав вид-проектор, я воспроизвёл то же сообщение, которое показывал Лансиилу и Галаду.

Мои братья отреагировали на него совершенно по-разному, хотя тот, кто не разбирается в созданиях вроде нас, вряд ли сумел бы понять их эмоции. Судя по плотно сжатым губам и раздутым ноздрям, Беведана охватило какое-то очень сильное чувство, но я не мог сказать, какое именно. Уж точно не безудержная радость. А что касается Баэтора...

Его лицо ничего не выражало. Оно стало непроницаемым, словно крепостная стена, построенная Имперскими Кулаками. В тот момент я ощутил недовольство, ибо как сын Льва мог *ничего* не чувствовать, смотря и слушая это послание? Пусть бы он испытал недоверие, облегчение или гнев, неважно. Я бы понял, если бы он рухнул на колени и принялся вопить, моля гололит о прощении, или презрительно плюнул бы в него и стал оскорблять меня, называя гнилым лжецом, что сеет жалкий обман, или совершил нечто между двумя такими крайностями.

Нет, Баэлор что-то ощущал, но хотел скрыть свои эмоции, что мгновенно вызвало у меня недоверие.

— Голос такой же, как в моих воспоминаниях, — сказал Беведан, немного запинаясь. — Если выжили мы, то почему бы не выжить и ему? Мне гораздо сложнее поверить, что примарх оставил тебя в живых, учитывая наше предательство. А теперь он шлёт это приглашённое сообщение, намекая, что ни на кого не держит зла? — Отшельник покачал головой. — Если это и правда Лев, мне трудно представить, что у него есть иные цели, кроме как собрать вместе побольше воинов вроде нас, чтобы казнить всех сразу.

— И каким же образом? — требовательно спросил я. — Руками его смертных последователей? Под своим знаменем Лев собрал примерно

дюжину таких, как мы, — может, больше, если ему улыбнулась удача после того, как я отбыл, — но он *стар*, Беведан. Да, я видел, как примарх убил пятерых терминаторов Десяти Тысяч Глаз, но мы быстро одолеем его, если он решит обратиться против нас...

Я замолк, потому что отшельник пристально посмотрел на Баэлора.

— Что-то не так? — осторожно уточнил я.

— Баэлор, ты не говорил мне, что вы пытались убить Льва, — произнёс Беведан спокойным голосом, в котором слышались угрожающие нотки. — Мог бы и упомянуть об этом, когда явился вербовать меня.

Обдумав его слова, я пришёл к очевидному выводу.

— Баэлор, кому ты служишь?

— Тому же, кому служил всегда, — ответил он, и я ощутил исходящее от него напряжение. — Рыцарю-капитану Серафаксу, моему командующему офицеру во времена Великого крестового похода и изгнания на Калибане.

— И вожаку Десяти Тысяч Глаз, — добавил Беведан, после чего поднял руку. — Братья, я пришёл сюда, чтобы уйти от конфликтов и успокоить свой разум. Пожалуйста, не поднимайте оружие. Пусть я давно уже не служу в Воинстве Пентаклей, но готов поспорить, что вберу в себя дыхание варпа быстрее, чем кто-либо из вас успеет нажать на спуск. Более того, *я так и сделаю*.

Я застыл. Лансиил и Галад не говорили, что Беведан когда-то входил в библиариум. Возможно, они просто не знали. В любом случае это объясняло, почему он так стремился к уединению: если исходить из того немногого, что я знал о псиониках, даже после обучения само присутствие поблизости других разумных существ могло вызывать у них весьма неприятные ощущения.

— Ты с Десятью Тысячами Глаз? — спросил я Баэлора, с трудом веря в это.

Наверное, я мог принять то, что измену совершили Лютер или Астелян. Они ведь принадлежали к далёкому от меня высшему командованию, и знал я их не очень хорошо. О других братьях тоже ходили зловещие слухи, но редкие и скудные — ведь любые сведения о нашем присутствии помогли бы современным Тёмным Ангелам напасть на след, — да и звучащих в них имён я не узнавал. Мы были огромным легионом, разбитым на отдельные флоты, которые собирались вместе нечасто и только ради особенно крупных войн, поэтому в Галактике обитало бессчётное множество воинов Первого из моего времени, чьих имён я никогда не слышал и чьих лиц никогда не видел.

Но вот Баэлор... У меня не укладывалось в голове, что мой знакомый верен богам Хаоса. Кроме того, я уже встречался со слугами Губительных Сил прежде, и мой брат мало чем на них походил. Да, он убрал с доспехов большую часть символов, иначе я узнал бы его ещё раньше, но на броне отсутствовали гнусные глифы, обычно, по моему опыту, связанные с Хаосом, не говоря уже о всякого рода искажениях и уродствах. Даже лицо почти не изменилось, разве что он постарел, но такое происходило со всеми нами.

— Я с Серафаксом, — скучающим тоном ответил Баэлор, словно он повторял очевидную истину, однако в его голосе прозвучало напряжение. Он опасался, что я атакую его, несмотря на риск вмешательства Беведана. — И уверяю вас, братья, если Лев действительно вернулся, Серафакс не хочет убивать примарха. Абордажники нарушили его прямой приказ.

И тогда у меня в голове всё сошлось.

— Это ты командовал крейсером, который не вступил в бой. Трон Терры, Баэлор, ты в союзе с отбросами вроде тех берсерков? И цепляешься за верность им даже после того, как услышал слова Льва и увидел его лик?

— Я слышал и видел то, что ты называешь Львом, — проговорил Баэлор. — И я понимаю, зачем тебе это. С учётом нынешнего состояния Галактики, по-твоему, разве не сплотится человечество вокруг мифической фигуры, выступившей из прошлого? Так бы у тебя получилось вновь установить какой-никакой контроль.

— И привлечь к себе внимание, после чего нагрянули бы наши младшие братья, — указал я. — Ты правда думаешь, что я — мы — пошли бы на такое, если бы не были уверены? Четыреста лет мне удавалось избегать ножей Тёмных Ангелов. Если бы я захотел попасться им, то нашёл бы способы полегче, чем возвышать ложного примарха!

— Ты предполагаешь, что наши «младшие братья» всё ещё живы, — со смешком произнёс Баэлор. — Тысяча зелёных юнцов, затерявшихся в Галактике, которая вдруг стала ещё менее гостеприимной, чем они считали... Она их уже поглотила, тут не о чём и говорить.

Какое-то мгновение я обдумывал его слова, а затем покачал головой.

— Как бы мы ни отличались от них, современные родичи унаследовали наше упорство. Возможно, их орден серьёзно пострадал или потерял в численности, но не для того они десять тысяч лет сражались против галактической тьмы, чтобы уступить ей сейчас. Если уж на то пошло, они соизволят умереть только после того, как удостоверятся, что убили нас всех.

— Я далеко не самая страшная угроза во всей Галактике, однако им не хватило упорства, чтобы поймать меня, — усмехнулся Баэлор. — Может, они и носят наше имя, но мы противостояли ужасам, которые они способны только вообразить.

Я показал на небеса над головой и на Галактику в целом.

— Думаю, сейчас они набираются опыта. Впрочем, я не вижу смысла тратить время на разговоры с тобой, Баэлор. Я видел, что творят Десять Тысяч Глаз, и не представляю, что ты отвернёшься от них, пусть мне бы и хотелось, чтобы ты поступил так и попросил Льва о милосердии.

— О *милосердии*? — рявкнул Баэлор. — Какое право он имеет даровать мне что-либо после того, как предал нас?

— Ничего такого он не делал, — произнёс Беведан. Мы оба взглянули на псайкера. Тот выглядел ещё мрачнее, чем прежде.

— Полагаю, никто из вас не обладал достаточно высоким положением, чтобы знать истину, — продолжил он. — Льву никогда бы не позволили высадиться на Калибан. Одни командиры боялись, что он отвернулся от Императора и прибыл забрать все ресурсы, накопленные нами в его отсутствие, чтобы затем, опираясь на свой практически невредимый легион, смести выживших братьев и захватить остатки Империиума. Другие, думаю, страшились, что вернувшийся примарх покарает их. Сам я соблюдал Никейский эдикт на Калибане, но знал и тех, кто нарушал его. Постоянно ходили слухи о тех, кто искал утешения в ритуалах и практиках, истинного значения коих в ту пору никто не осознавал. Третьи, я уверен, даже считали, что Хорус в чём-то прав. Но в основном мы все просто злились. Злились из-за того, что нас отринули и бросили, из-за того, что в разгар галактической войны нам не доверяли и не позволяли помочь.

Я ошеломлённо уставился на него.

— Значит... Калибан всё-таки открыл огонь первым? Мы стреляли по нашему собственному примарху?

— Примарху, который скорее позволил бы пасть всему Империиуму, нежели пустил бы нас в бой! — резко ответил Беведан. — Хорус использовал все имеющиеся у него средства, чтобы низвергнуть Императора, а Лев бросил тридцать тысяч астартес сидеть на захолустной скале! — Он посмотрел мне прямо в глаза. — Поэтому да, мы открыли огонь по «*Непобедимому разуму*», так как знали, что создавались лишь для одного — для войны, но в величайшем конфликте в истории человечества о нас просто забыли. Значит, наш генный отец либо оказался вероломным или некомпетентным, либо сам считал нас таковыми. Ну и о каком примирении могла идти речь после такого?

Меня взяла оторопь. Да, во время изгнания я тоже ощущал обиду, но неужели она способна толкнуть тебя на попытку истребить собственных боевых братьев? Судя по всему, в голове Баэлора крутились те же мысли, хотя ему явно было тяжелее. В отличие от него, мне хотя бы удалось привыкнуть к идеям того, что Лев верил, будто сначала напали на него, и что среди моих старших офицеров, возможно, зародилась измена. Я мог верить в искренность убеждений примарха, даже не зная всей истины. Баэлор же всё это время считал, будто с ним обошлись несправедливо, — но вот один из наших старых боевых братьев говорит, что флот Эль’Джонсона атаквали не просто осознанно, а *преднамеренно*.

Если десять тысяч лет назад неоправданная обида могла привести к подобному предательству собственных братьев, здесь и сейчас она вполне могла привести к предательству всего человечества. Я посмотрел на Баэлора в надежде, что после такой новости его настрой как-то изменился.

— Теперь ты видишь, брат? Да, Лев оставил нас в изгнании и, возможно, не совсем доверял нам, но не он начал битву, из-за которой разрушился Калибан и разбросало нас. Виноваты *мы*, однако примарх готов закрыть на это глаза. У человечества всё ещё есть надежда, особенно с таким созданием, как Лев. Почему бы тебе не сойти со своего пути и не примкнуть к нему?

На мгновение я решил, что мой призыв сработает. Щека Баэлора дёрнулась, а сам он явно колебался. Но затем его сомнения сменились непреклонностью.

— У человечества есть надежда, но, боюсь, она воплотится не благодаря тому, что делаешь ты, Забриил. Даже если бы твой «Лев» был реален...

— Вот только этого не надо, — перебил я. — Не отвергай его! Ты *знаешь*, что он реален, твой голос выдаёт тебя!

— Даже если бы он был реален, вы с ним цепляетесь за идеи, которые отжили своё! — крикнул Баэлор. — Ты что, не видел Галактику, Забриил? Человечество может либо сгрудиться вокруг горстки уцелевших огоньков и ждать, пока затухнут угли, либо взять радикально новый курс!

— Ты о поклонении богам Хаоса? — спросил я, даже не пытаясь скрыть презрение. — Я видел, что случается с их последователями. Для них смерть — наилучший исход.

Баэлор покачал головой.

— Ты слишком узко мыслишь. Серафакс бы объяснил лучше, но его здесь нет, а я не столь красноречив. — Он взглянул на Беведана. — Идёшь? Уверен, ты станешь могучим союзником, но ещё важнее то, что тебе,

полагаю, удастся найти для себя цель в замыслах Серафакса. Позволь ему поговорить с тобой, брат.

Беведан покачал головой.

— Если бы Серафакс так сильно желал моего участия, он бы прибыл лично. Я поселился здесь не без причины и не покину это место ради туманных обещаний подарить какую-то неопределённую надежду. Приятно было увидеть тебя, брат, но я никуда с тобой не пойду.

Баэлор дёрнул губой, но затем повернулся ко мне.

— Я знаю, ты не прислушаешься ко мне, Забриил, но твои выводы слишком поспешны. То, что делает Серафакс, необходимо для выполнения его задач. Именно так всегда поступал наш легион. Не думай, будто те, кто сражаются за Серафакса, — его союзники в привычном для тебя смысле.

Помоги мне Император, как же я хотел верить Баэлору. Он ничем не отличался от любого из моих братьев: такой же постаревший, потрёпанный и отмеченный неминуемой усталостью, жертвой которой станет даже космодесантник, если ему придётся на протяжении века или двух в одиночку скрываться от преследования. Ничто в нём не указывало, что он осквернён силами варпа... Однако же я видел, с кем он якшался. Считать, будто кто-то способен биться вместе с подобными извращениями над природой и не подвергнуться порче, — по меньшей мере глупость, а скорее — добровольное невежество.

— Я не стану сражаться за Серафакса ни как союзник, ни как кто-либо ещё, — ответил я. — Боюсь, брат, когда наши пути пересекутся в следующий раз, мы сойдёмся уже не в учебной схватке.

— Это будет интересно, — осторожно произнёс Баэлор, — а ещё досадно. В таком случае я вас оставляю.

Он надел шлем и молча прошёл мимо меня. Я ожидал какого-нибудь трюка или нападения, но Баэлор просто зашагал по той тропе, что привела сюда нас обоих, добрался до скрюченных деревьев и пропал из виду.

— Я думал, служитель Хаоса сделает что-нибудь более театральное, — бросил я Беведану, дабы прервать молчание. — А Баэлор просто... ушёл. Куда он вообще отправился?

— У него корабль на орбите, — ответил Беведан. — Полагаю, где-то здесь его ждёт челнок. — Я взглянул на него, но он, заметив мою тревогу, просто отмахнулся. — Спокойно, брат. Баэлор не станет злить Лансиила и Галада, открывая огонь по твоему звездолёту. Ему позволили приземлиться на том условии, что он не затеет драку.

— Они знали о нём? — воскликнул я. — И разрешили высадиться?

Подозрительность, с которой я изначально относился к этим двоим, ослабла после встречи с ними, но теперь нахлынула с прежней силой.

— Он ведь наш брат, разве нет? — спросил Беведан. — Даже если у нас бывают противоречия, нам непросто заставить себя убивать друг друга, когда доходит до дела. Лансиил и Галад не потерпели бы флота хаоситов на орбите, но один корабль под управлением другого Падшего? Пока он не создаёт проблем, они не приказывают системам обороны стрелять по нему. Кроме того, они знают: какие бы силы ни обратили внимание на Тревенум-Гамму и её луны, Десять Тысяч Глаз прибыли бы сюда как враги в самую последнюю очередь.

Я хотел поспорить, но не мог. Мне доводилось убивать служителей Тёмных Сил прежде, однако я не поднял руку на Приавеля, что бы там ни практиковал мой брат, а просто покинул его и вновь начал странствовать в одиночку. Каким бы отталкивающим он ни стал, между нами имелась связь. На тот момент ни я, ни Приавель не знали никого другого, кто понимал бы нас и то, что мы пережили. Мы вообще не знали ни единой души в Галактике, с которой могли бы поделиться правдой, не боясь за собственные жизни.

Не могу сказать наверняка, остановила бы мою руку угроза вмешательства со стороны библиария, если бы Баэлор не был моим братом. Больше того, не будь Беведан моим братом, возможно, сначала я бы постарался убить *его* за то, что он встал у меня на пути.

Встречаясь с родичами, я всегда больше обычного старался выслушать их, попытаться урезонить и найти какие-то способы избежать конфликта или хотя бы оттянуть его.

Вероятно, таков наш изъян. А может, он заключается в том, что мы очень редко пытаемся найти какие-то варианты, кроме насилия.

Я повернулся к Беведану.

— Полагаю, ты ответишь мне так же: если бы Лев захотел увидеть тебя рядом с собой, он бы пришёл лично. Тем более в прошлом ты пытался убить его.

Выражение лица Беведана изменилось, и я забеспокоился, что своей прямоотой спровоцировал его напасть на меня. Однако он просто вздохнул.

— Баэлор пришёл не только ради того, чтобы завербовать меня в ряды Десяти Тысяч Глаз, знаешь ли. Он явился, чтобы предупредить о ползущих по Галактике слухах про возвращение Льва. Баэлор желал, чтобы я остерегался тех, кто попыбует влиять на меня с помощью оных.

Ко мне пришло понимание, и я кивнул.

— Значит, когда ты слышал о столкновении Десяти Тысяч Глаз со Львом...

— Я заподозрил Баэлора в том, что он не сказал мне всю правду. Если честно, я и так об этом догадывался. — Беведан улыбнулся мне, но я не заметил веселья ни в изгибе его рта, ни в остальной части его лица. — Мы ведь Тёмные Ангелы. Альфа-Легионеры любили думать, будто можно взять одно имя на всех, и вот вы уже мастера обмана, но в Первом хранили тайны, которые выпотрошили бы их разумы. Открытый и честный Тёмный Ангел — такое же редкое явление, как воспитанный Космический Волк.

Я усмехнулся.

— Справедливая оценка.

— Когда Лев вернулся на Калибан, я гневался, — сказал Беведан. — Не знаю, считал ли я правильным наш курс действий, но меня окружали те, кто в нём не сомневался, а сам я не имел чёткого мнения, чтобы возразить им. Думаю, я просто выполнял приказы, как и полагалось солдату.

— Теперь, похоже, всё иначе, — осторожно промолвил я. — Сейчас Лев не пользуется тем, что Император поставил его выше нас, он *просит* о помощи.

Беведан ненадолго замолчал.

— Лансиилу и Галаду ты сделал то же предложение?

— Да.

— И каков ответ?

— Они отправляются со мной, — ответил я. — Хотят, чтобы у Тревенума появилась защита, которую предлагает Лев.

— Лансиил сказал «да», а Галад идёт за ним, — произнёс библиарий.

Я кивнул.

— Я... жалею о том, в чём принял участие, — продолжил Беведан спустя несколько секунд. — Может, в те дни и непросто было разобраться, что же по-настоящему правильно, но мне всё же следовало осознать, что *мы* поступаем неверно. Даже если бы Лев изменил, разве воины в его флоте предали бы вместе с ним? И мы сами навлекли такую катастрофу на своих родичей, включая тех, кто понятия не имел о наших планах или их причинах и, вероятно, не принял бы нашу сторону, если бы узнал о них. Этого мне уже не исправить, но, если кто-то из моих старых братьев теперь вместе со Львом, тогда, возможно, я смогу помочь — защитить их от грядущих опасностей.

Я удивлённо заморгал, ощутив, как в груди теплеет от нежданно вспыхнувшей надежды.

— Ты пойдёшь со мной?

— Я должен увидеть Льва лично, — сказал Беведан, кивнув. — Думаю, он искренен в своих намерениях, но мне нужно сделать выводы самому. Лишь потом я решу, что делать дальше. Если всё так, как ты говоришь, я смогу просто уйти, коли пожелаю, а если нет, тогда я, возможно, разоблачу ложь нашего генного отца. У тебя есть транспорт?

— Челнок в долине, — ответил я, указывая вниз в западном направлении. — Скорее всего, успеем добраться ещё до наступления темноты.

— Мне понадобится твоя помощь с бронёй, — с грустью произнёс Беведан, поднимая культю левого предплечья. — Если, конечно, её части вообще сладятся.

— Мы снова облачим тебя в доспех, — с улыбкой сказал я. — Пойдём, давай...

Мой вокс зазвенел, оповещая об экстренном сообщении с *«Пакс Фортитудинис»*. Я нахмурился и активировал его.

— Прощу прощения, владыка Забриил. Знаю, вы приказали не связываться с вами, только если не будет чрезвычайно срочного дела, но, думаю, это как раз тот случай, — раздался в моём ухе голос капитана Монтарат. — Астропаты приняли зов о помощи.

В Империуме-Нигилус такие призывы раздавались часто, причём настолько, что остальные астропатические передачи с трудом пробивались через психический гвалт измученной Галактики. По крайней мере, так мне представлялось. Если же, по мнению капитана, этот сигнал обладал огромной важностью именно для меня.

Я поморщился.

— Зов о помощи откуда?

XXVII

Камарт пылает.

Большая часть самого крупного континента объята огнём: пожары сжирают растительность, оставшиеся склады ГСМ взорвались, и даже природный газ горит ярким пламенем, вырываясь из расселин в земле, что открылись в результате бомбардировки. Захватывая планету во время первой атаки, Десять Тысяч Глаз действовали с определённой эффективностью: банда уничтожила главные опорные пункты вооружённых сил и устранила командование. Но тогда они завоёвывали мир, и их действия очень походили на приведение к Согласию времён Великого крестового похода.

То, что Лев видит сейчас, знакомо ему гораздо лучше и скорее напоминает операции по истреблению, проводившиеся Первым легионом, хотя тут поработали не столь тщательно. Серафакс — примарх не сомневается, что это его рук дело, — не собирался полностью вычищать жизнь с поверхности планеты. Кое-что он не тронул, дабы те, кто избежал гнева рыцаря-капитана, могли скучиться вместе, рыдая и вопрошая, почему же их спаситель Лев Эль'Джонсон бросил народ Камарта. Это вызывает у примарха ощущение неудачи и ярость: два чувства, которые, словно духи-близнецы, незаметно сидят у него на плечах.

Он гонит от себя мысли о том, что Калибан перед своей гибелью, возможно, выглядел так же.

На планете до сих пор нет астропатов, поэтому зов о помощи, приведший сюда Льва, передаётся кораблями, отправленными с Авалуса для налаживания контакта между Камартом и протекторатом. Десять Тысяч Глаз, конечно же, давно покинули систему, не оставив после себя ничего, кроме израненного, горящего мира.

Или почти ничего.

— Направить сенсоры сюда, — приказывает Лев, выделяя участок на тактическом гололите.

Он говорит чётко и сосредоточенно, однако внутри него бушует управляемая ярость, в чём не сомневается никто из окружающих. Члены команды мостика на борту «*Славы Терры*» работают быстро и эффективно, хотя и слегка нервничая. Они не боятся, что гнев примарха будет обращён на них, но явно не хотят становиться причиной задержек, которые помешали бы Эль'Джонсону как можно скорее выместить свою злость на тех, кто её вызвал.

— Мой владыка Лев! — зовёт вокс-офицер. — Входящая передача от господина Забриила с «*Пакс Фортитудинис*». Корабль на пути вглубь системы.

Эль'Джонсон нажимает на руну управления, после чего вспыхивает новый дисплей с изображением Забриила и ещё трёх лиц, которые могут принадлежать только Легионес Астартес. Примарх удивлённо моргает.

— Забриил. Вижу, твоё путешествие принесло даже больше плодов, чем мы надеялись.

— *Это Лансиил и Галад, принявшие командование оборонительными силами луны Гамма II в системе Тревенум,* — говорит Забриил, жестом указав на гиганта в доспехах «Катафрактарий» и тактического десантника рядом с ним. — *А это Беведан.*

У последнего воина левая рука заканчивается не латной перчаткой брони, а уродливой керамитовой пробкой, уж точно созданной не техnodесантником.

— Мой владыка Лев, — произносит Лансиил низким бархатным голосом. — Я и не думал, что этот день настанет.

Галад улыбается, словно вид примарха дарует ему умиротворение, однако лицо Беведана омрачено. Эль'Джонсон сразу понимает, что его тяготит внутренний конфликт.

— Я рад видеть всех вас, — приветствует их примарх. — Однако должное воссоединение придётся отложить на потом. Забриил, ты уже видел, что случилось с Камартом?

— *Да,* — угрюмо отвечает бывший разрушитель.

Космодесантников не назвать сентиментальными созданиями, но Лев может представить, какие горе и ярость испытывает Забриил при взгляде на пожираемый огнём Камарт — ведь он так упорно сражался, защищая его народ.

— Тогда я бы хотел обратить твоё внимание вот на что, — продолжает Эль'Джонсон, передавая координаты участка, на который он только что

направил сенсоры.

Зона выглядит как островок нетронутой земли среди океана пламени, хотя клубы удушливого дыма мешают устройствам получить точные данные.

— Это ведь крепость Красной Луны, да?

— Сложно сказать, когда вокруг такие сильные пожары, — говорит Забриил. — Кроме того, я видел её лишь с земли и никогда — с орбиты. Но да, мой повелитель, думаю, это она.

— Я не верю в совпадения, даже когда дело касается последователей Хаоса, — произносит Лев. — Вряд ли этот участок — бывшую цитадель космодесантников и то место, где я впервые атаковал Десять Тысяч Глаз, — не тронули по чистой случайности. Подозреваю, там находится что-то, предназначенное для меня.

Он рассеянно трёт рукоять Верности и чувствует, как рельефные крылья вдавливаются в подушечки пальцев. Ему не хочется думать о том, какие ещё зверства могли произойти в бывшем обиталище сыновей его брата.

— Они подожгли половину планеты, — сдавленно молвит Забриил. — Какое ещё сообщение вам могли там оставить?

— Не знаю, — признаётся Лев. — Однако это не просто демонстрация силы. Да, враг намеревался запугать нас — или, по крайней мере, дать понять, что он *сам* не боится нас, — но, мне кажется, в крепости Красной Луны обнаружится нечто более личное для меня, некое обращение сына к своему отцу.

— *Вы собираетесь высадиться?* — спрашивает Забриил, и Лев кивает.

— Да.

— *Тогда мы с вами,* — твёрдо говорит бывший разрушитель.

Это не требование и не просьба, но Лев в любом случае не собирался отказывать.

— Я буду рад твоей компании, как и компании любого из твоих братьев, кто желает присоединиться к нам. Мне прекрасно известно, что я не обладаю неуязвимостью, а окружение будет слишком враждебным для стандартных солдат-смертных. — Он прерывает связь и поворачивается к выходу. — Приготовьте челнок!

Через взрывозащитные двери примарх выходит в основную секцию корабля, и с боков к нему тут же пристраиваются два бойца Львиной Гвардии. Губы обоих плотно сжаты, лица мрачны, однако Эль'Джонсон не чувствует, чтобы они винили его в том, какая судьба постигла Камарт, либо возмущались или злились из-за того, что он забрал гвардейцев с собой на Авалус или прибыл слишком поздно, чтобы защитить их мир. Значит, они

относятся к примарху благосклоннее, чем он — к самому себе. Впрочем, смертные, скорее всего, правы. Осуждать следует лишь одну сторону — ту, что решила обрушить погибель на планету с орбиты, дабы мелочно отомстить врагу, которого в тот момент даже не было там.

— Экторайл, — говорит Лев в вокс. — Тебе удалось полностью починить мои доспехи?

— *Да, мой повелитель,* — отвечает древний технодесантник.

Впервые подойдя к этому комплекту брони, он испытал безмолвное восхищение, граничащее с благоговейным трепетом. Затем Экторайл без промедления и в подробностях поведал Эль'Джонсону, насколько искусно сработаны его латы. Правда, керамит — везде керамит, поэтому технодесантник тут же взялся устранять повреждения, нанесённые терминаторами Десяти Тысяч Глаз. Рабочее место ему выделили с молчаливого согласия техножрецов *«Славы Терры»*, и, хоть там недоставало специальных инструментов из оружейной легиона, примарх видел, что Экторайл упивался даже такими возможностями.

Нечто подобное он подмечает и в других своих сыновьях. Забриил, к примеру, так долго жил в постоянном напряжении, что стал чуть ли не дёрганным. Сейчас это проявляется в нём уже не так ярко, но неослабевающая насторожённость, которая затмевает даже естественную бдительность астартес, у него осталась, и Лев сомневается, что воин когда-нибудь сумеет избавиться от неё окончательно. Афкар и Лохок привыкли таиться, поэтому инстинктивно держатся углов и теней, а также не выказывают обычную для космодесантников прямогу даже в общении со смертными, хотя и тут уже заметны перемены. Даже развязность Кая сейчас ощущается больше как природная особенность его личности, нежели попытка компенсировать схожую боязливость... Только Эль'Джонсон не уверен, считать ли это переменной к лучшему.

Борз же, очевидно, достиг своего положения и удержал его благодаря безжалостности, и пусть такое качество сложно считать плохим для космодесантника, примарху кажется, что одноглазый воин чувствует некоторое облегчение. Бывший пират — прирождённый лидер, но, скорее всего, не прирождённый полководец. Ему гораздо комфортнее в пределах командной структуры, где он исполняет приказы. Теперь космодесантник медленно возвращается к этому образу мышления и волочит за собой свою флотилию.

Едва ли можно сказать, будто из такой горстки воинов Лев исподволь создает новый легион, но он надеется, что теперь астартес хотя бы начинают вспоминать, каково это — принадлежать к братству. Примарх понятия не имеет, насколько обширной станет обороняемая им часть

Галактики или сколько ещё сил соберётся под его знаменем. В идеальном случае вести о протекторате разнесутся далеко, пусть и медленно из-за трудностей с варп-путешествиями и астропатической связью, и тогда к нему примкнут современные капитулы Космодесанта. Возможно, в будущем Эль'Джонсон сможет помочь не только нескольким изолированным системам, но сейчас он полагается лишь на собственных малочисленных сыновей.

Примарх видит в этом некую иронию, ведь ещё совсем недавно, если измерять по его восприятию, он считал их всех предателями. Однако, так или иначе, они его сыны. Лев не верит, будто все обиды похоронены, однако понимает, что за десятки или сотни лет иззубренные края озлобленности в значительной степени истёрлись, и из-под них проступила усталость. Каждый из них брошен на произвол судьбы в чужое для себя время и ищет в жизни цель, некогда лежавшую прямо перед ним. Тут у Эль'Джонсона и легионеров есть нечто общее.

Кроме того, Лев не доверяет безоговорочно, да и никогда не доверял. Им всем, включая его самого, выпал второй шанс, и пусть примарх не обязательно ожидает измены, он будет настороже.

Если предательство вдруг обнаружится, милосердия Лев не проявит.

Челнок типа «Корона» — старая модель, и Эль'Джонсона почти удивляет, что он всё ещё в строю. Впрочем, примарх уже свикся с тем, что со знакомых ему времён Империя никак не прогрессировал, и даже наоборот, во многих аспектах *регрессировал*, хотя такие мысли Лев держит при себе. Так или иначе, именно этот транспорт ждал его на ангарных палубах «Славы Терры». Машина функционировала и подходила для целей Льва.

— В атмосфере много пепла, — бормочет Эктораил. — Если он забьёт воздухозаборники двигателя...

Технодесантник прикладывает руку к стенке и будто бы проверяет состояние духа челнока так же, как дыхание у раненого животного. Возможно, именно этим Эктораил и занимается.

— Не волнуйся, старый друг, — произносит Ламор, усмехаясь. — Если начнём падать, уверен, я смогу унести тебя в безопасное место.

Для пущей выразительности он хлопает по обвязке своего прыжкового ранца.

— Тяжеловат будет со всем его дополнительным весом, — говорит один из воинов Борза по имени Бройнан, поглядывая на серворуки Эктораила. Он тоже бывший штурмовой десантник, сохранивший прыжковый ранец. — Тебе понадобится помощь.

Ощетинившись, Ламор кивает в сторону Борза.

— А своим ты помогать не будешь, *пират*?

— Вряд ли, — отзывается Борз с противоположной стороны грузового отсека. — Он-то знает, кто из нас двоих ценнее!

Раздаётся громкий хохот. В основном смеются те, кто прибыл не со станции «Эхо», но, судя по всему, Борзу удаётся немного разрядить напряжённую атмосферу с помощью самоиронии. Ранее Лев спрашивал себя, разумно ли вот так собирать всех его сыновей вместе после того, как они долгое время жили разобщённо, да и по меньшей мере две группы среди них иногда вступали в противоборство. Тем не менее примарх решил довериться им. Никто ведь не заставляет их идти за своим генным отцом, однако, раз уж они пошли сами, Лев ожидает, что воины забудут старые распри.

— Обстановка? — спрашивает он по воксу.

— Высота тысяча двести метров, снижаемся, — отвечает из кабины сервитор-пилот. — Вражеский огонь отсутствует.

Лев видит полудюжину истребителей «Молния», сопровождающих челнок, но ни одна из летящих по бокам машин также не находится под обстрелом. Что бы ни ждало их в крепости Красной Луны, похоже, это не просто приманка, устроенная ради возможности сбить машины ещё в небесах.

— Девятьсот метров, снижаемся.

Бушующие на поверхности гигантские пожары создают огромные восходящие потоки горячего воздуха, при попадании в которые «Корона» начинает трястись. Дым становится плотнее, ухудшая видимость, а то, что ещё различимо, понемногу расплывается в дрожащем мареве. Эль'Джонсон ждёт, что очередной резкий крен или тангаж окажется результатом попадания из орудий, однако спуск ничем не прерывается.

— Триста метров.

— Готовьтесь, — говорит Лев сыновьям.

Он надевает шлем, после чего изучает выдаваемые данные. Судя по уровню структурной целостности и подачи энергии, его доспех как новый, и примарх вновь мысленно благодарит Эктораила. При том, что Эль'Джонсон не намерен руководить остатками человечества в качестве номинального лидера в пышном наряде, он осознаёт, что для людей очень важны образы, а без соответствующего доспеха не так-то просто выглядеть как вдохновляющий защитник.

— Сто пятьдесят метров. Инициирована процедура посадки.

«Корона» выпускает шасси, и аудиорецепторы Льва улавливают едва слышимый скрежет. «Молнии» же разлетаются по сторонам, после чего начинают кружить над местностью. Если кто-то хочет стереть с лица Галактики примарха и вновь присягнувших ему сыновей, сейчас самое время сделать ход.

Челнок, качнувшись, встаёт на посадочные лыжи. Они приземлились.

Эль'Джонсону не нужно отдавать какие-либо приказы: Кай уже запустил разблокировку люка. Когда рампа «Короны» опускается, взглядам её пассажиров предстаёт зрелище, которое вполне может напоминать ад Старой Земли.

Примарх помнит эти пышные, зелёные и полные жизни леса. Они были опасны, ибо изобиловали растениями, способными опутать или отравить жертву, а также хищниками с острейшими когтями и железами, полными смертельного яда, однако в них всё равно присутствовала какая-то первобытная красота.

Теперь же чащи объаты жадным пламенем, что пожирает стволы и листья, оставляя после себя лишь чёрный древесный уголь да плывущий в воздухе пепел, чьи частицы напоминают рои насекомых, несомые ветром. Лев вместе с сыновьями высадились на дороге, уходящей вверх по склону горы Сантик, и там, куда ни посмотри, их окружает огненное кольцо. Но широкий участок земли, опоясывающий подножие затухшего вулкана, полностью очищен от растительности, что не даёт пожарам распространиться дальше. Вероятно, эту заградительную полосу создали как раз те, кто устроил сей поджог колоссального размаха.

— Идём к крепости, — приказывает Лев, — и будьте начеку. Полагаю, враг желает, чтобы я оставался в живых хотя бы до тех пор, пока не обнаружу то, что ждёт меня здесь, но вот вас он вполне может счесть расходным материалом. Противник запалил половину планеты с одной лишь целью — ранить меня. Думаю, ради этого он без раздумий убьёт и собственных братьев.

Их разнородная группа состоит из двадцати одного воина, которые по большей части не виделись сотни лет, если вообще когда-либо знали друг друга лично, однако все тут же выстраиваются в боевой порядок безо всяких обсуждений. Впереди двигаются Бройнан и Ламор, совершая короткие скачки с помощью прыжковых ранцев, следом же идёт Лев. С одной стороны его прикрывает Забриил, с другой — Лохок. Бывший разрушитель внимательно изучает местность, сжимая в руках болт-пистолеты, Красный Шёпот держит наготове заряженный плазмомёт, а сразу за ними шагает Кай. Левый фланг отряда заняли Борз и трое его пиратов: Перзиил и Руфарил, вооружённые болтерами, и Кадаран с

огнемётом. Правый взяли на себя Гуэйн и Кузиил с мелта-ружьём, а также двое бойцов с болтерами, Элиан и Мериант, — все четверо со станции «Эхо». В центре строя находятся три специалиста: техnodесантник Экторайл, аптекарь Асбиил и бывший библиарий Беведан, который всё ещё избегает смотреть Льву в глаза. Тыл прикрывают Лансиил, Галад, Афкар и последний из числа космодесантников станции «Эхо» — Данидил, на чьём правом плече покоится древний тяжёлый болтер модели «Сол Милитарис».

Это грозная рать, но Эль'Джонсон всё равно настороже. Он слишком хорошо знает, как силы Хаоса могут исказить реальность, когда мощь превращается в слабость, а храбрость — в безрассудство.

Когда они преодолевают поворот дороги, их взглядам открывается крепость Красной Луны. После того как Лев и Забриил подорвали её энергоустановки, от неё сохранилось так мало, что её сложно даже назвать зданием. Здесь и там торчат обломки полуразрушенной стены, похожие на сломанные зубы в больных дёснах, но от самой базы не осталось почти ничего, кроме битого камня.

Впрочем, ворота в основном уцелели, а прямо перед ними виднеется одинокая фигура.

— Повелитель? — спрашивает Бройнан.

Они с Ламором — возможно, неосознанно — подают на свои реактивные ранцы больше мощности, готовясь устремиться в воздух.

Лев сосредотачивает внимание на этой фигуре, и когда его шлем увеличивает изображение, природа незнакомца тут же становится очевидна.

— Еретик, — произносит стоящий рядом Забриил, придя к тому же выводу.

— Продвигаемся вперёд осторожно, — велит примарх. — Он здесь явно по какой-то причине, и, если оная состоит в том, чтобы поговорить со мной, я так и поступлю. Всё, что произносит наш враг, может принести пользу, даже если он лжёт.

— Он не Тёмный Ангел, — хрипит Лохок. — И никогда им не был.

— Надеюсь, ты прав, — говорит Лев.

Примарх вспоминает, как сражался в крепости с полумеханическими чудовищами, до нелепости раздутыми и искажёнными. Хотя неизвестный космодесантник такой же огромный, он обладает нормальными пропорциями, а в руке держит топор с длинной рукоятью и тускло-серым клинком. Эль'Джонсона терзает чувство тревоги, но оно сходит на нет, когда воины подходят ближе. Доспех предателя зелёный, но это не зелень

тенистых лесов, в которую, как слышал Лев, окрашивают броню его современные отпрыски. Блестящие латы изменника постоянно меняют оттенок — переливаются в неравномерном свете от окружающих пожарищ и местного светила, чьи лучи едва пробиваются сквозь атмосферу, затянутую клубящимся дымом. Нет ни знакомых символов, ни обозначений, даже искажённых или изменённых. Этот астартес кто угодно, но только не Тёмный Ангел, поэтому примарх выдыхает с небольшим облегчением. Эль’Джонсон не сомневается, что однажды увидит одного из собственных сыновей, столь же сильно запятнанного скверной, однако радуется, что это произошло не сегодня.

— Назовись! — кричит примарх.

Он с удовлетворением подмечает, что его воины не концентрируются на загадочной фигуре, а прикрывают другие направления. Хотя Лев и не видит других признаков жизни ни в разрушенной крепости, ни среди деревьев вдоль дороги, он не уверен, что там действительно никого нет.

— Я — Марког, командующий Скорбной Гвардией, — представляется еретик. Голос космодесантника на удивление мелодичен, и в нём звенят тончайшие необычные трели: услышав их, ты тут же сомневаешься, что уловил этот звук. — Я служу телохранителем Серафакса — лорда-чернокнижника Десяти Тысяч Глаз.

— Он здесь? — требовательно спрашивает Лев.

— Нет.

— Тогда ты не там, где положено, телохранитель, и ты тратишь моё время, — заявляет примарх. Он поднимает «Арма Люминис», хотя при выстреле с такого расстояния заряд будет лететь к цели слишком долго. — Если у тебя есть для меня сообщение, выкладывай, но имей в виду — я не потерплю увёрток.

— Владыка Серафакс желает возобновить знакомство с тобой, его генным отцом, — говорит Марког приближающемуся Льву. — Лорд-чернокнижник приказал мне сообщить тебе, где ты сможешь встретиться с ним, если пожелаешь обсудить... — Умолкнув на секунду, он жестом указывает вокруг себя. — Текущую ситуацию на Камарте или ещё что-нибудь. Ты вмешался в замыслы моего хозяина, и он бы хотел разъяснить их тебе в подробностях, чтобы избежать дальнейших недоразумений.

— Этот тип слишком уж вежлив для служителя Хаоса, который сжёт планету, — комментирует Кай из-за спины Льва.

— Какая наблюдательность, — отвечает Афкар с откровенным сарказмом. — У меня вдруг возникло ощущение, что нам не стоит ему доверять.

Они подступают ещё ближе, и теперь примарх уверен, что сможет испепелить голову Маркога выстрелом из «Арма Люминис».

— Выполняй веленное и кончай с этим, — приказывает Лев предателю.
— Может, ты и наслаждаешься звучанием своего голоса, но я — нет.

— Есть одно условие, — говорит Марког.

Он поднимает руки и снимает шлем, решётка которого словно бы непристойно ухмыляется, хотя состоит из металла. Когда Эль'Джонсон видит лицо изменника, из груди примарха непроизвольно вырывается рычание.

Марког выглядит как человек — или, во всяком случае, постчеловек, — хотя черты его какие-то неправильные. Глаза чересчур большие, из-за сильно расширенных зрачков едва видны цветные ободки по краям радужных оболочек. Скулы кажутся настолько острыми, будто способны проколоть кожу. Подбородок слишком длинный, а ротовое отверстие и ноздри слишком широкие. Улыбаясь, он обнажает ослепительно белые заострённые зубы, за которыми прячется чрезмерно длинный, нетерпеливо шевелящийся язык. Что до кожи предателя, то она имеет перламутровый блеск, из-за чего напоминает переливчатую поверхность доспехов. Всё в этом лице указывает на то, что его изменения максимально усиливают сенсорную стимуляцию мозга, углубляя ощущения Маркога от того, что он наблюдает и чувствует. Услышав рык Льва, он вздыхает и закатывает глаза, словно гурман, с наслаждением пробуя новое изысканное блюдо с далёкой планеты. Но когда еретик вновь сосредотачивается, в его взгляде явственно читается голод.

— Ах, это чувство неудовольствия твоего легиона. Оно бродило и гноилось все те годы, пока вы обитали во тьме, и у него появился собственный, особый вкус, — говорит Марког. — Баэлор похож на вас гораздо больше, чем ему кажется.

— Ты меня утомляешь, — произносит Лев, — и я не потерплю никаких условий. Передавай сообщение, или я убью тебя, а затем сам выслежу твоего повелителя.

— Но это и есть моё условие! — с жаром отвечает предатель. — Ты должен ударить меня и получить удар в ответ. Лишь тогда я открою тебе, Несовершенный Рыцарь, где находится мой хозяин.

Он в предвкушении облизывает губы, и его длинный язык покрывается тонкими порезами от острых зубов.

Лев хмурится.

— Что ты сейчас сказал?

— Варп знает тебя как Несовершенного Рыцаря. Во всяком случае, так говорил мне мой повелитель, — произносит Марког с лёгким нетерпением в голосе. — Подойди же, сын Императора! Я жажду ощутить поцелуй твоего клинка!

Примарху очень хочется сразить его, но ему претит сама мысль о том, чтобы даровать предателю желаемое. Тем не менее он не может допустить, чтобы еретик прожил ещё хоть секунду.

— Забриил... — молвит Лев и даёт знак.

Больше никаких указаний не требуется. Бывший разрушитель выступает вперед, и его клинок, описав дугу, врывается в плоть ухмыляющегося Маркога прямо под челюстью. Неизвестно, почему кожа предателя блестит на свету, но крепче от этого она явно не стала. Содрогаясь, цепной меч прогрызается сквозь шею и выходит с обратной стороны, осыпая всё вокруг кусочками разорванного мяса, а слетевшая с плеч голова еретика падает на землю. Забриил отходит и ждёт, когда до исполинского тела космодесантника дойдёт, что пора бы рухнуть.

Ничего подобного не происходит.

Вместо этого оно плавно наклоняется, будто бы вставая на колени, опирается на рукоять огромного топора с тускло-серым клинком и свободной рукой хватает отсечённую голову, после чего поднимает её на уровень глаз Забриила. Глаза самого Маркога широко открыты и двигаются. Не прекращая улыбаться, голова шевелит губами и языком, беззвучно формируя слова, а затем еретик делает шаг назад и просто пропадает.

Неожиданное исчезновение потенциальной угрозы вызывает едва ли не больше беспокойства, чем её появление. Воины резко вскидывают оружие, целясь в пустоту, внезапно возникшую там, где стоял Марког. С гулом включается силовое оружие, и раздаётся треск мгновенно ионизируемого воздуха.

Лев стреляет из «Арма Люминис». Сверхмощный энергетический заряд испаряет часть ворот, но только и всего. Маркога здесь больше нет.

— Отсечение головы не работает, — говорит Кай, явно обращаясь к самому себе. — Надо бы запомнить.

— Может, и нет, — произносит Забриил, повернувшись к Эль'Джонсону. — Но, по крайней мере, теперь мы знаем, где они. Если они не лгут, конечно.

— И где же? — спрашивает Лев. — Я не слышал ни слова.

— Я тоже, — соглашается с примархом Лохок.

— Хм-м... — Лицо Забриила скрывает шлем, но после такого откровения голос его звучит тревожно. Воин обеспокоен даже больше, чем после того, как его обезглавливающий удар не убил Маркога. — Он сказал, что Серафакс на планете под названием Траур. А ещё Марког будет ждать меня там, чтобы нанести удар, который задолжал мне.

XXVIII

Практиковаться в чём-то противно природе любого примарха, ведь *каждое* умение даётся им естественным образом.

Иногда Лев Эль'Джонсон размышлял, как бы ему жилось в качестве человека, обычного стандартного человека. Как он предполагает, здесь кроется нечто большее, чем существование в виде непрочного мешка с водянистым мясом, которому Галактика, судя по всему, может предложить мало что, кроме бесчисленных способов умереть. Приложив значительные усилия, величайшие из людей способны приблизиться к уровню компетентности примарха в определённых сферах. По крайней мере, в тех, которые его не особенно интересуют. Большинству же никогда не достичь ничего подобного. Они — низшие создания во всех рациональных смыслах данного определения.

Лев не видит никаких проблем в том, чтобы придерживаться такой точки зрения. Человечество развивалось естественным образом, а для эволюции нужны лишь те гены, которые благополучно наследуются следующими поколениями. Какие-то биологические особенности людей бесполезны, а у отдельных индивидов организмы совершенно нежизнеспособны, но эволюции плевать. Если гены передаются дальше, значит, они вполне приемлемы, а если нет, тогда у них не имелось никаких перспектив. Человечество можно рассматривать как демонстрацию метода проб и ошибок, только в гигантских масштабах, тогда как Лев — одно из горстки существ, разработанных и генетически сотворённых с нуля. Неизвестно, что именно представлял (или не представлял) собой Император, но Он точно был невероятно одарённым генетиком, ученым и военачальником, поэтому нет ничего удивительного в том, что Его вручную созданные сыновья настолько превосходят стандартных людей. В более суеверные времена их бы даже приняли за богов. Отсюда не следует, будто примархи изначально в чём-то ценнее: речь лишь о разнице в способностях.

Но когда всё даётся тебе естественным образом — если слово «естественным» здесь вообще уместно, учитывая искусственное происхождение сыновей Императора, — сама мысль о том, чтобы практиковаться в чём-либо, кажется едва ли не чуждой. Практика — удел смертных. Даже космодесантникам нужны муштра и тренировки, чтобы освоить боевые навыки и поддерживать их на должном уровне, однако Лев Эль'Джонсон практиковался лишь в тех случаях, когда хотел отточить свои способности — превратить отменное мастерство в превосходное.

Сейчас примарх столкнулся с тем, чем он не владел в совершенстве ещё *до того*, как хоть раз попробовал, и это выводит его из себя.

— Очистите разум и попробуйте ещё раз, — советует Забриил.

Бывший разрушитель, облачённый в балахон с капюшоном, сидит со скрещёнными ногами напротив Льва.

— Мой разум очистить практически невозможно, — рычит примарх. Он открывает один глаз и пристально смотрит на сына, который внешне выглядит умиротворённым. — У тебя и правда получается легко?

— Так было не всегда, — признаётся Забриил. — Я научился лишь спустя некоторое время.

— А почему не перестал пробовать?

У бывшего разрушителя дёргается щека.

— Я был одиноким беглецом в Галактике, без союзников и без цели. Может, страха я и не ощущал, но вот отчаяние впилося в меня, будто когтями. Временами мне казалось, что продолжать существование... бессмысленно. Медитация помогла избавиться от этих чувств — или, по крайней мере, отстранённо изучить их.

— Понятно. — Лев поджимает губы. — Забриил, меня радует, что ты не поддался им.

— Меня тоже, мой повелитель, ведь иначе я не увидел бы вашего возвращения. — Бывший разрушитель слегка качает головой. — Однако решить текущую задачу наш разговор не поможет. Вы уверены, что хотите продолжать?

— Да, — отвечает примарх. — Может, я и не до конца понимаю этот дар, вручённый мне, но глуп тот командир, который не воспользуется всеми доступными силами и средствами, когда его войска в чём-то уступают противнику.

Он закрывает глаза, после чего начинает вновь: подмечает, а затем выбрасывает из головы окружающие звуки и ощущения, сосредотачиваясь лишь на ритме собственного дыхания. Забриил же дышит в такт примарху, чтобы тот отвлекался как можно меньше. Лев снова представляет в голове

лес, но не чащобы Калибана, какими он их помнит, а странный мир, куда примарх попадал раньше. То место похоже на его родную планету, но в нём угадываются и отголоски всех прочих дубрав, когда-либо виденных Эль'Джонсоном. Примарх не выбрасывает Забриила из своего сознания и продолжает ощущать присутствие сына.

Сей процесс длится до тех пор, пока они не достигают Траура.

Выход «*Пакс Фортитудинис*» из варпа сопровождается лишь едва ощутимой тряской, а также краткими вспышками неестественных цветов по краям поля зрения его пассажиров. Перемещение оказывается чрезвычайно простым, особенно по меркам нынешнего времени, и в голову Льва закрадываются нежеланные мысли о том, что поджидающий их колдун, возможно, помог им, преследуя свои интересы.

Серафакс. Бывший рыцарь-капитан Серафакс. Эль'Джонсон помнит его, пусть и без подробностей. Хороший командир и хороший воин, который в этом проклятом далёком будущем, судя по всему, стал чернокнижником и вожаком банды. Серафакс сам сделал свой выбор, и, хотя Лев знает, что не должен бичевать себя за решения других, он всё равно не перестаёт задаваться вопросом, сколько горя принесли в Галактику его потерянные сыновья и сколь многих таких страданий можно было бы избежать.

— Доложить, — велит примарх и гонит все иные мысли, пусть хотя бы на время.

Повинуясь, экипаж передаёт ему информацию и расчёты. Люди работают чётко и методично, что никак не вяжется с витающим в воздухе напряжением, которое ощущает Лев. Это он принял решение лететь всего на одном корабле — эсминце типа «Кобра» — и не вести за собой всё собрание звездолётов, играющее роль его боевого флота. Логика Эль'Джонсона проста: даже если дополнить остатки авалусской эскадры силами из соседних систем, с которыми уже налажен контакт, получившаяся группировка всё равно и близко не сравнится с армадой Десяти Тысяч Глаз, если верить полученным сведениям. Он не собирается вести их всех в ловушку, ведь Серафакс способен за одну битву лишить протекторат его военно-космической мощи.

Бывший рыцарь-капитан пригласил именно Льва, поэтому и отвечает на приглашение лишь он сам. Ему приходится уповать на то, что Серафаксом не движет желание просто сойтись с примархом в битве, что замысел отступника состоит в чём-то другом. Эль'Джонсону всё равно, какие эмоции вызовет прибытие Повелителя Первого на таком маленьком корабле — весёлое изумление, презрение, жалость, что угодно, — ибо он хочет только того, чтобы ловушка захлопнулась, поймав собственного создателя.

Если же Лев ошибается, то, по крайней мере, вместе с ним погибнет не так много людей.

Пока примарх сводит воедино все получаемые данные, «*Пакс Фортитудинис*» летит вглубь системы, удаляясь от её точки Мандевиля. Местная звезда — красный гигант, раздутый и разбухший. Он уже близок к концу своего космического жизненного цикла, однако будет гореть ещё миллионы лет до того, как угаснет и увянет, превратившись в белого карлика. Так или иначе, Траур, когда-то тёмный и промёрзший мир на периферии, вдали от родительского света, превратился в планету яркую, тёплую...

И опустошённую.

— В воксе *голоса*, — докладывает женщина-офицер. Вздогнув, она стягивает и откладывает наушники. — Неестественные. Виновата, мой повелитель, но.

Эль'Джонсон отмахивается от извинений ещё до того, как она оформила бы их в слова.

— Мне прекрасно известно, какие мерзости могут изрыгать наши враги, и я не хочу, чтобы это запятнало твой разум. Беведан?

— Мой владыка Лев, — отзывается бывший библиарий, выступая вперёд.

Вокс-офицер отходит в сторону, освободив место за приборной панелью.

Примарх заранее попросил Беведана, чтобы тот при необходимости взял на себя эту роль, ибо тот владел силами псайканы, а значит, ментальной дисциплиной. Однорукий космодесантник безропотно согласился. Забриил рассказал Льву про разговор с бывшим библиарием на Тревенум-Гамме II, о чём последний, вероятно, знал, однако Лев впоследствии не поднимал данную тему. Примарх намерен судить своих сыновей по их действиям, а не по прошлому. Если Беведан желает исповедаться повелителю, время для этого он выберет сам.

— Данные со сканеров дальнего действия указывают на серьёзный оборонительный потенциал, — докладывает ауспик-офицер не без ноток беспокойства в голосе.

Его волнение понятно, ведь человек осознаёт: если дойдёт до боя, «*Пакс Фортитудинис*» будет уничтожен, а чем сильнее они отдаляются от точки Мандевиля, тем меньше у них остаётся шансов сбежать.

Мерцающая, оживает тактический гололит. На таком расстоянии сенсоры неспособны точно определить, что может ждать лоялистов, однако, судя по

пятнышкам на орбите Траура, военных кораблей там очень много. Правда, один объект отличается от прочих.

— Что это? — спрашивает Лев, выделив его.

Эль'Джонсону приходится ждать ответа, пока ауспик медленно обрабатывает доступную информацию, чтобы сформировать заключение, а *«Пакс Фортитудинис»* улетает всё дальше и дальше от точки Мандевилля. Находясь внутри металлического корпуса длиной всего в полтора километра, они несутся прямо к твердыне банды Хаоса.

Наконец ауспик-офицер может дать ответ.

— Согласно показаниям, это восьмиугольная структура с низкой плотностью. Обнаружено высокое содержание... кальция?

— Кости, — ровным тоном произносит Забриил и показывает на выводимые данные. — Трон Терры, оно больше нашего корабля!

— Кости жителей планеты, — говорит Кай. Лев бросает на него взгляд, и он пожимает плечами. — Ну, я так предполагаю. Эти еретики любят заявлять о себе с помпой и внушать ужас.

Лев оскаливает зубы. Хотя его легион использовал мрачную символику, такая гнусная костница оскорбляет всё достойное и благородное. Примарху тошно думать, что за подобной мерзостью может стоять один из его сыновей. Впрочем, он уже усвоил, что деяния подобного врага, какими бы безумными или беспорядочными они ни казались, редко бывают беспричинными.

— Объект на геостационарной орбите? — спрашивает Эль'Джонсон.

— Так точно, мой повелитель.

Лев жмёт контрольные глифы, после чего на гололите вспыхивают ответы, которые он ищет.

— И расположен прямо над губернаторским дворцом. Судя по всему, данное место чем-то важно для Серафакса, поэтому оно, вероятнее всего, и станет нашей целью. Но давайте выясним. Беведан, мы готовы к передаче?

— Да, мой повелитель, — докладывает бывший библиарий.

Примарх ждёт, пока нужная руна не загорится зелёным, а затем начинает вещать.

— Говорит Лев Эль'Джонсон. Серафакс, сын мой, ты пригласил меня сюда, и я прибыл. — Примарха словно бы жжёт изнутри, ведь он вынужден вежливо обращаться к чудовищу, которое пустило население целой планеты на орбитальное украшение, но он всегда скрывал, о чём думает на самом деле, а потому и сейчас сохраняет нейтральный тон. Лев не питает иллюзий, будто Серафакс полностью искренен с ним, причём

Эль'Джонсон отвечает тем же, однако они оба будут вести эту игру и притворяться, пока кто-то из них не почувствует, что готов нанести удар. — Как сказал твой мальчик на побегушках, ты хотел объяснить мне свои планы. Я здесь, слушаю.

Он заканчивает передачу, и «*Пакс Фортитудинис*» снова ждёт. Спустя некоторое время Беведан показывает, что получает сигнал, а затем до них доходит ответ.

— Мой генный прародитель, так удивительно вновь слышать тебя, — говорит Серафакс.

У него великолепный сладкозвучный голос, пробуждающий в разуме Льва ещё больше воспоминаний: короткая беседа о каком-то мире, приведённом к Согласию; смех рыцаря-капитана, ведущего учебный бой в дуэльных клетках с одним из легионеров своей роты; сжатый доклад о потерях во время абордажа ороczego космолёта. Всё это — мелочи и непримечательные моменты, кадры из жизни, которую мог бы вести любой из тысяч других Тёмных Ангелов.

— Должен признать, я изумлён, что ты прибыл ко мне всего с одним кораблём, — продолжает Серафакс. — Я воспринимаю это как жест доверия и желаю ответить тем же. Ваш звездолёт не будут обстреливать или брать на абордаж, если только вы сами не совершите враждебных действий. На случай, если тебе захочется продолжить разговор без задержек при передаче, я включил в сообщение координаты места, где могут приземлиться твои челноки.

— Ублюдок говорит почти убедительно, — замечает Кай, когда послание заканчивается. — Хотя язык у него всегда был хорошо подвешен.

— Губернаторский дворец, — произносит Забриил, указывая на высветившиеся координаты. — Вы оказались правы, мой повелитель. Судя по всему, это его центр власти, если, конечно, он вообще собирается дать нам приземлиться, а не уничтожить во время полёта.

Лев натянуто улыбается.

— Хорошо, когда подозрения подтверждаются. — Выключив гололит, он поворачивается к герметической оболочке с капитаном Монтарат внутри. — Капитан, будьте добры, прикажите подготовить челнок к запуску, как мы с вами обговаривали.

— Конечно, мой владыка Лев.

Примарх делает шаг в сторону дверей мостика, но потом замирает.

— Ещё кое-что, капитан. Если наш обман раскроют, пожалуйста, дайте залп торпедами по той костяной конструкции перед тем, как убраться отсюда.

— *Мой повелитель*, — произносит Монтарат электронным голосом, в котором читается мрачное удовлетворение, — *с огромным удовольствием*.

XXIX

Баэлор шагал по залам губернаторских палат на Трауре, носивших абсурдное название «Дворец Славы». Внутри легионера в равной мере росли недовольство и тревога, и он лишь мимоходом отвечал на всевозможные воинские приветствия, поклоны и прочие жесты, коими бойцы Десяти Тысяч Глаз, мимо которых проходил Тёмный Ангел, отдавали должное его рангу. Отчасти Баэлор вёл себя так из-за собственного недовольствия тем, что Серафакс решил окружить себя батальоном Сломанного Рога — бандой звероловцев под началом Короля Мегруда. Этот огромный недочеловек превосходил ростом и статью даже большинство космодесантников. Хотя Тёмный Ангел и советовал Забриилу не судить о Серафаксе по тем, кто следовал за ним, сам Баэлор видел в звероловцах отвратительное напоминание о том, сколь легко человеческий генокод подвергается мутациям. Теперь эти кряхтящие животные блеяли по всему дворцу, прославляя своих богов, и источали мерзкую мускусную вонь.

Он свернул за угол и вошёл в атриум. В прошлом помещение украшали местные губернаторы, желавшие запечатлеть гордую историю планеты. Теперь же гобелены и картины, сорванные со стен, пылали в костре, который горел на полу в центре помещения и коптил плитку дочерна. Что до гололитических арт-проекторов, то их просто разбили и отбросили в сторону. Отныне зал покрывали каракули звероловцев — угловатые письмена, выведенные кровью и нечистотами. Они красноречиво говорили о примитивной жестокости Сломанного Рога, однако в мазне также неведомым образом угадывались намёки на то, что мутанты обладают врождённым пониманием сути Губительных Сил. Атриум превратился в яму для стада, место, где члены банды спали, ели и занимались тем, что в их сообществе сходило за более утончённый досуг.

Многие звероловцы дремали прямо сейчас, сбившись в единую массу рогатых голов, разноцветного меха и раздвоенных копыт. Другие твари

занимались своим оружием. Баэлор до сих пор не привык к картине того, как недолюди сосредоточенно морщат животные морды, либо снаряжая боекомплект для автоматов, либо разбирая и чистя ударно-спусковые механизмы руками, похожими на человеческие. Большая группа созданий образовала неплотный круг вокруг двух особей: судя по рёву, гиканьям и выкрикам, толпа наблюдала за схваткой. Баэлор услышал звук удара костяшками по плоти, а затем зрители расступились, пропуская шатающегося бойца, на чьём теле кровоточили несколько маленьких ран. Его противник, недочеловек с белым мехом, оставался внутри круга и тяжело дышал, словно копя энергию, чтобы погнаться за оппонентом.

Первый зверолод, явно «поплывший» из-за последнего пропущенного удара, врезался в Баэлора. Космодесантник просто отпихнул бы того в сторону и ушёл, оставив толпу развлекаться, вот только существо, распалённое дракой и унижением, решило развернуться и наброситься на то, с чем только что столкнулось.

Баэлор без особых усилий одной рукой стиснул запястье зверолода, а вторую сомкнул на горле создания. В широко раскрытых глазах твари заплескались тревога и страх. Тёмный Ангел подумал, не задушить ли её, но затем понял, что это не доставит ему удовольствия. Ветеран просто сжал закованные в керамит пальцы, и кости в шее мутанта сломались с негромким треском.

Разжав руку, Баэлор позволил телу рухнуть на пол. Толпа замолкла ещё в тот момент, как зверолоды заметили присутствие космодесантника, после чего больше никто не кричал и не вопил. Существа подались назад, насторожённо опустив головы и не сводя с него глаз. Мутанты ждали либо нападения, либо приказов.

Он поразмыслил, не сказать ли что-нибудь, но что именно? Баэлор не имел ни желания, ни необходимости извиняться за приступ ярости. Также ему не хотелось предупреждать или порицать их. Зверолоды вели себя согласно своей животной природе. Один из них, следуя ей, вызвал раздражение воина. Из-за этого виновник погиб. Именно так всё работало в рядах Десяти Тысяч Глаз.

Космодесантник повёл пальцами, глухо заворчал и зашагал прочь.

Правителям Траура не были присущи утончённость и скромность, поэтому центр дворца, по сути, представлял собой тронный зал с губернаторским креслом на высокой платформе, откуда властители взирали на подчинённых им низших созданий. Вдоль края помещения тянулась широкая трибуна, где прежде собирались вельможи и чиновники: они разбивались на группы по рангам и должностным обязанностям, а их места обозначались плитками разных цветов. Посреди чертога находилась

шестиугольная яма. Насколько понимал Баэлор, в ней просители или преступники ждали, когда вынесут решение по их делам. Поскольку тронный зал являл собой весьма яркий пример того, как отдельные люди во всём ставят себя неоспоримо и недостижимо выше тех, от кого фактически ничем не отличаются, постчеловеческий воин-космодесантник, проживший сотни лет, находил мрачное увеселение в том, что кости губернатора перемешались со скелетами его подданных в висящей на орбите *остелле*, как её назвал Серафакс.

Естественно, теперь помещение выглядело иначе, однако преобразило его нечто совсем иное, чем стихийные и варварские перемены, которые устраивал Сломанный Рог. Серафакс подготовился к ритуалу с типичной для него скрупулёзностью: в яме, по углам символа Восьмеричного Пути, горели обрядовые погребальные костры, на специально выбранных плитках пола виднелись глифы, нанесённые трижды перегнанной кровью, а над тронном висело гигантское зеркало из отполированного серебра, отформованное из куска демонической машины — одной из башен Тзинча. Космодесантник помнил бой, где они взяли этот трофей: тогда некоторые воины Десяти Тысяч Глаз опасались, что навлекут на себя гнев Изменяющего Пути, осквернив его божественное орудие таким способом, но Серафакс разубедил их. Он заявил, что Тзинч смилостивится, ибо металлу башни суждено принять участие в одном из величайших замыслов, когда-либо виденных Галактикой. Затем, когда вернулся Повелитель Первого, оказалось, что план выйдет даже более грандиозным, чем предполагал рыцарь-капитан.

— Ах, Баэлор, — поприветствовал его Серафакс, оглядываясь по сторонам.

Он выглядел почти так же, как и всегда, только теперь его грудь крест-накрест пересекали цепи из тёмного железа. За спиной чернокнижника, словно гигантская зелёная тень, таился Марког, чьё лицо выражало куда меньшую радость. Голова воина, отсечённая в стычке с Падшим Льва, вновь надёжно приросла к телу, но ветеран не уделил ему внимания. Подобное исцеление выглядит не столь впечатляюще, если тебе известен секрет Маркога, а Тёмный Ангел знал его.

Серафакс принялся.

— От тебя разит смертью, друг мой.

— Сильнее, чем обычно? — поинтересовался Баэлор.

Будучи неопытным инициатом Первого легиона, он держал включённым счётчик убийств на дисплее шлема и даже гордился собой, глядя, как увеличивается число. Когда же количество смертей утратило любое значение, Баэлор забросил такую привычку. Случилось это ещё до

первой встречи со Львом, не говоря уже о долгих годах службы рыцарю-капитану после того, как варп-шторм выплюнул космодесантника. Тёмный Ангел не вполне понимал, каким образом Серафакс учуял конкретную забранную жизнь в целой горе тех, которые Баэлор отнял за минувшие века.

— Свежая, — произнёс рыцарь-капитан и вновь принялся. — И к ней привело... раздражение? Ты редко убиваешь по этой причине, брат. Что изводит тебя?

Отвергнув утверждение Серафакса, ветеран принизил бы дар восприятия своего командира. Если бы он ответил уклончиво, то скрыл бы правду о своих мыслях, поведать которую просил рыцарь-капитан.

Баэлор вздохнул.

— Меня изводит Лев. Вся эта ситуация изводит меня.

Глаза Маркога вспыхнули, и он сжал рукоять Выпивающего Сердца при мысли о том, что кто-то, возможно, оскорбил его повелителя и тем самым заслужил наказание, особенно если этот кто-то — Баэлор. Серафакс же просто кивнул.

— Ситуация, бесспорно, сложная. Мы собираемся поставить на колени создание, чей генетический код сделал нас теми, кто мы есть сегодня, и через него ударить в самое сердце того, чему раньше служили. Тут легко растеряться или поддаться сомнениям.

— Не в этом дело, — возразил Баэлор, покачав головой. — По крайней мере, не всё так очевидно. Он прибыл лишь с одним кораблём, да и тот — эсминец типа «Кобра»? Где его флот? Ты же не думаешь, будто он поверит тебе на слово?

— Неважно, — произнёс Серафакс с ободряющей улыбкой. — Может, примарх действительно явился предложить мне шанс на искупление, как он его понимает, и придёт к нам с миром. Возможно, Лев уверен, что нужен мне живым, и попробует воспользоваться этим, дабы подобраться поближе и затем предать меня. Всё это не имеет значения. Стоит ему приземлиться, как свиту Льва убьют, а транспорт уничтожат. — Рыцарь-капитан кладёт руку на цепи, висящие поверх нагрудника. — Даже примарха можно связать, если применить нужные инструменты.

Баэлор скривился.

— Мне всё равно не нравится происходящее, рыцарь-капитан. Это же Лев. *Лев!* Ты, как и я, прекрасно знаешь, что примарх непреклонен, свиреп и беспощаден. Он, пожалуй, величайший из полководцев Императора. Я бы радовался больше, если бы Лев прилетел во главе военного флота. Он будто бы слишком покорно шагает в твою ловушку, во что я не верю. У

Сломанного Рога много бойцов, но они не Астартес. Будь с нами архираптор со своими воинами или одержимые Джай'таны, тогда...

— Неисповедовавшийся командует кораблями, — отрезал Серафакс, — а Уринз выполняет мои приказы в другом месте. Сломанный Рог и его бойцы более чем способны справиться с любыми смертными союзниками, которых мог привести Лев. Кроме того, у нас есть Скорбная Гвардия.

Баэлор глянул на Маркога.

— Да что с того.

— Ну, кости уже брошены, — сказал рыцарь-капитан, пожав плечами, тогда как Марког сверкнул глазами у него из-за спины, услышав, что Баэлор сомневается в умениях Скорбной Гвардии. — Ни одно великое начинание не обходится без риска, а уж если мы противостоям примарху, то явно рискуем. Возможно, все мы сегодня умрём, если наш генный отец ошеломит нас какой-нибудь непредвиденной тактикой или сюрпризом, выуженным из Тёмной эпохи технологий. — Он вновь улыбнулся, изогнув вверх видимую половину рта. — Пусть так. Я слишком долго и усердно трудился, чтобы отказаться от мечты, когда до ключа к её исполнению уже можно дотянуться.

Подойдя к Баэлору, он положил ладонь на щеку ветерану. Тот почувствовал холодное касание керамитовой перчатки.

— В наших силах изменить Галактику, — мягким тоном произнёс Серафакс. — И мы очень близки к цели. У Льва осталось ещё одно великое предназначение. Неважно, видит он это или нет: если мы поможем ему исполнить предначертанное, то оправдаем всё, что совершили. *Всё*. Но мне не добиться успеха без тебя, Баэлор. Мне нужна твоя уверенность.

Ветеран невольно усмехнулся.

— Взгляни на себя. Ты обладаешь мощью, которую я не могу даже осмыслить, и заключаешь сделки с созданиями, коих я не могу назвать. Во мне почти ничего не поменялось со времён Калибана, но ты превзошёл меня настолько, что непонятно даже, с чего начинать список твоих преобразований.

— Чушь! — воскликнул Серафакс, убирая руку. — Может, я изменился, но именно поэтому ты мне и нужен. Ты опускаешь меня на землю, Баэлор, и без тебя я бы давным-давно отдался богам, стал бы всего лишь их марионеткой! Вместо этого я до сих не потерял ни себя, ни власти над моими мыслями. — Рыцарь-капитан покачал головой, и пламя затрепетало. Наклонившись вперёд, он поцеловал Баэлора в лоб. — Ты единственный, на кого я могу всецело положиться.

Ветеран заметил, как Марког вспыхнул от ярости, но спустя мгновение выражение лица гиганта сменилось на более привычную для него гримасу, которая выражала жажду ощущений. Как ни странно, командующий Скорбной Гвардии, похоже, гневался не на Баэлора, а на самого Серафакса. Тёмный Ангел вдруг ощутил нутром неприятное чувство тревоги и отошел от капитана на шаг, готовый потянуться к болтеру, если Марког решит напасть.

Где-то вдали раздался взрыв.

Баэлор тут же крутнулся в ту сторону, откуда исходили шум и вибрации, одновременно вскинув болтер и открыв вокс-канал.

— Что случилось?

Вместо ответа раздался приглушённый шум, в котором ему ничего не удалось разобрать. Не помог даже превосходный слух астартес. Он мысленно обругал банду Сломанного Рога: пусть зверолюди и превосходили большинство смертных солдат в силе, скорости, живучести и свирепости, но обычный культист или дезертир из ополчения хотя бы знали, как говорить в варпом проклятую вокс-установку...

Однако затем Баэлор услышал знакомые ему звуки.

— Болтеры, — напряжённо доложил он. — Где-то во дворце стреляют из болтеров. — Ветеран поменял настройки вокса, чтобы связаться с кораблями над планетой. — Неисповедовавшийся, «Кобра» запускала челноки?

Несколько секунд доносились лишь помехи, но затем раздался голос, который, как всегда, резанул ухо Баэлору.

— Нет, эсминец всё ещё вдали от орбиты, — отозвался Джай'тана.

— Телепортационная вспышка?

— Ты же прекрасно знаешь, что дворец прикрыт глушителем телепортации.

— Конечно же, знаю! — заорал Баэлор. — Я сам наблюдал, как его развёртывали! Но у нас тут враги палят из болт-автоматов внутри дворцового периметра, поэтому скажи мне, была ли ублюдская телепортационная вспышка?

— Нет, не было, — ответил апостол. Теперь даже в его тоне звучало беспокойство. — Постой. «Кобра» открыла огонь. Полный залп торпедами. Корабль сошёл с курса на сближение и теперь отступает.

— Цель торпед? — вставил вопрос Серафакс.

— Согласно предварительной триангуляции — остелла, лорд-чернокнижник.

— Перехватить торпеды, — приказал Серафакс. — В том случае, если не выйдет, перекрой их траекторию кораблями. «Кобра» имеет второстепенное значение. Главное — защитить остеллу, даже если тебе придётся принять удар на себя, уяснил?

— Конечно, лорд Серафакс.

— Итак... — ощерился рыцарь-капитан. По мановению его пальцев в руку к нему прыгнул увенчанный черепом посох, пронёсшийся через варп. — У нас тут захватчики. Не знаю, как они попали сюда, но это не имеет значения. Давайте сходим и посмотрим, кого именно мой генный отец привёл с собой на смерть.

Как только они покинули помещение, вокруг них начали выстраиваться воины Скорбной Гвардии, облачённые в зелёные доспехи. Впрочем, присутствие телохранителей никак не ослабило опасения Базлора.

Каким-то образом примарху удалось получить над ними преимущество, а Тёмный Ангел прекрасно знал: если Лев обретает перевес над своим противником, тот, как правило, уже обречён.

XXX

Не могу сказать с уверенностью, что привело меня в большее замешательство: моё первое путешествие через этот лес со Львом, когда мы попали в него на Камарте и вышли в авалусском фруктовом саду, или нападение на Траур, когда я и мои братья собрались в грузовом отсеке «*Пакс Фортитудинис*», закрыли глаза по велению примарха, а затем, открыв их, обнаружили себя в тумане среди деревьев.

Остальных предупредили, чего следует ожидать, да и наследный стоицизм, присущий нашему роду, сыграл важную роль, но я всё равно подмечал, как дёргаются шлемы, пока воины ошеломлённо озираются, и слышал, как они изумлённо шепчут в вокс-сети. Думаю, не меньше прочего их тревожило изменение в нашем генном отце. Да, перемещение из одного места в другое с использованием почти неведомых нам методов вряд ли можно назвать чем-то новым для космодесантников, ибо мы неоднократно путешествовали через варп. Однако Лев никогда не обладал ни колдовскими дарами Магнуса, ни даже предвидением, как у благородного Сангвиния или того безумного чудовища, Кёрза. Сложно было представить существо, более глубоко укоренившееся в материальной вселенной, нежели Лев Эль'Джонсон, но, едва мои братья свыклись с возвращением Повелителя Первого, к тому же значительно постаревшего на вид, как они тут же столкнулись с диковинными способностями, коими тот теперь обладал, причём даже сам примарх не до конца разбирался в них.

Впрочем, по крайней мере в одном аспекте Лев не изменился: увидев тактическое преимущество, он им пользовался. Скольких бы хитростей ни ждал от нашего владыки Серафакс, эта вряд ли входила в их число.

Так мы надеялись.

Нынешнее путешествие по загадочному лесу оказалось короче предыдущего, что меня порадовало. Само окружение не особенно меня беспокоило, если не считать того, сколь необычным способом мы сюда

попали, но я помнил, как слышал вой во время своего первого похода через заросли, и не желал повстречаться с его источником. Враги из плоти и крови, ждавшие нас на Трауре, — одно дело, даже несмотря на их гнусное колдовство и нечеловеческих союзников, которых они могли призвать, однако чащи Калибана представляли смертельную опасность и в материальной вселенной, поэтому я не питал иллюзий касательно наших шансов на победу против того, что, вероятно, скрывалось здесь, в отражении родного мира примарха. Подобная угроза явно имела бы близкую к варпу природу, уж как минимум отчасти.

Пусть мы и явились сюда большой группой, похоже, наше путешествие продлилось недостаточно долго, чтобы привлечь внимание тех существ, которые могли бродить под лесной сенью зеркального Калибана. Следуя за Львом через этот сырой, приглушающий звуки мир тумана и древесных стволов, мы наконец пришли к участку дубравы, где деревья росли чуть более упорядоченно, а их ветви висели над землёй не так низко, поэтому вокруг нас уходили вверх протяжённые полосы неприкрытой коры.

— Мы на месте, — произнёс Лев. Он вытащил «Арма Люминис» и обнажил Верность, после чего включил её силовое поле. — Возможно, Император более не жив, какой смысл ни вкладывать в это слово. Возможно, Империиум, каким мы его знали, мёртв. Возможно, дело, которому мы служили давным-давно, теперь не существует. Если так, пора нам обрести собственную цель. Если в Галактике что-то и имеет значение, наверное, это то, как мы решаем действовать, когда с нас спадают оковы былых ограничений и мы получаем свободу выбора своего пути. Вы решили встать рядом со мной, дабы делать всё возможное для помощи каждому, кого мы способны поддержать, за что я вам глубоко признателен. Мы будем играть роль, изначально отведённую нам: оружия человечества против тьмы. Вы готовы, сыны мои?

Мы хором выразили согласие. Если честно, то, как по мне, любой из нас охотнее столкнулся бы со всем, что могло ждать отряд на Трауре, чем остался бы в лесу. Сражение, боль и смерть: к такому нас подготовили ещё века назад по нашему счёту и целые тысячелетия назад с точки зрения Галактики.

Лев шагнул вперёд, мы же последовали за ним с оружием на изготовку. В одном из промежутков между шагами я заметил, что деревья вокруг вдруг стали меньше походить на деревья. Когда моя нога опустилась, раздался не глухой стук при соприкосновении сабатона с землёй и опавшими листьями лесной подстилки, а резкий звон от удара керамика об камень. Затем древесные стволы превратились в высокие, ничем не

покрытые колонны, расположенные на одинаковом расстоянии друг от друга. Мы попали в какой-то атриум.

А также — в окружение.

Враги с воплями бросились на нас, и даже если наше внезапное прибытие застало их врасплох, они всё равно почти не мешкали. Я всадил болт-снаряд в череп одного из них ещё до того, как заметил, насколько уродливая у него голова, и лишь когда второе создание кинулось в мою сторону с оружием, больше напоминавшим огромный секач с длинной рукояткой, нежели топор, мой мозг определил название этих существ. *Зверолюди.*

Условно стабильный вид недолудей, к которым в большинстве имперских миров относились едва ли лучше, чем к настоящим мутантам. В своих путешествиях по Галактике мне довелось встречать разных существ этого вида. Изредка мне попадались закабалённые рабы с неприглядной судьбой, коим с самого детства вбивали в головы, что они — грешные вырожденцы. Остальные же, устав от плохого отношения к себе, стали ренегатами и преступниками. Такие давали отпор обществу, забирая силой всё, что могли. С последними я нашёл гораздо больше общего, чем мог ожидать, хотя один зверолюд по имени Раан попытался меня прикончить, когда понял, что я космодесантник. Он быстро осознал ошибку, пусть и не запомнил её надолго, ведь я убил его в ответ.

Так обращаясь с недолудьми, Империум создал благодатную почву, в которой укоренились недовольство и гнев, а мы теперь пожинали их плоды. Я слышал, как твари ревут молитвы гнусным богам Хаоса, прося наделить орду могуществом, дабы она повергла ненавистные орудия Императора, коими нас видели враги. Неизвестно, откликнулись те неземные сущности или нет, но для борьбы с нами зверолюдям явно хватало и силы, и свирепости. Выпадом цепного меча я отсёк лапу напавшего на меня существа с громадным секачом, однако оно не упало и не отступило, а лишь издало болезненный вопль. Неуклюже перехватив оружие одной лапой, враг всё равно нанёс удар. Меня настолько удивила его стойкость, что я не смог ни увернуться, ни парировать атаку, и зазубренное лезвие поразило меня в нагрудник.

Зверолюд обладал изрядной физической мощью, и вкупе с весом секача этого хватило, чтобы сбить меня на пол. Доспех не позволил рассечь моё тело надвое, так что клинок лишь прочертил новую яркую линию на чёрной краске. Выстрелив из положения сидя, я пробил сквозную дыру в груди и хребте нападавшего. С такой раной не смог совладать даже крепкий организм зверолюда, поэтому крик твари оборвался, и она рухнула

на пол. Точно так же я застрелил следующего противника, после чего торопливо вскочил на ноги, дабы никто из братьев об меня не споткнулся.

— Уродливые скоты, а? — весело произнёс Кай, выписывая мечом изящные фигуры.

Выглядело это так, словно какой-то балаганщик просто желает впечатлить зрителей своей техникой движения запястьями, но, когда он вернулся в защитную стойку, зверолюд, только что заносивший руку, чтобы ударить его шипастой булавой, уже валился наземь, голова твари катилась в сторону, а обрубок шеи был прижжён силовым полем клинка. Сменив хват на двуручный, Кай шагнул вперёд и описал в воздухе простую восьмёрку, после чего ещё двое противников буквально развалились на части.

— Типичный офицер, — заметил Мериант, находившийся с другой стороны от меня. Болтер космодесантника рывкнул, и грудь очередного зверолода взорвалась. — Мы бы все так смогли с его оружием.

Я скорее согласился с ним. Мой цепной меч довольно легко проходил сквозь плоть, кость и лёгкую броню, хотя выглядел этот процесс отвратно. Силовые клинки же были гораздо ценнее, а также сложнее в производстве и обслуживании. Вот почему таким оружием владел рыцарь-командор вроде Кая. Простая и надёжная конструкция цепного меча больше подходила таким рядовым бойцам, как я.

А также, видимо, недолудям. На меня напал новый противник, между слюнявых челюстей которого болтался высунутый язык. Он замахнулся рычащим клинком, работающим на прометии, и к моему лицу устремились зубья с мономолекулярной кромкой, но я отбил оружие запястьем, отделавшись царапиной на керамите. Ответным выпадом я вонзил собственный цепной меч зверолоду в грудь, и во все стороны хлынули потоки крови. Клинок погружался в тело создания с визгом зубьев, разрезающих рёбра: казалось, работает какое-то сверло. Вонь нагретой от трения кости проникла даже сквозь фильтры шлема, а существо забилося в агонии. Когда оружие, вздрогнув, раскромсало сердце врага, я выдернул меч с такой силой, что зверолюд, будто окровавленный снаряд из пращи, врезался в кого-то из родичей, наводившего автомат.

Я полагаю, что, даже несмотря на учиняемое нами опустошение, зверолоуди всё же могли бы выстоять, ибо ими двигали ненависть и пылкая решимость — качества, которые делали их столь эффективными бойцами в тех редких армиях Империиума, чьи командующие решались использовать таких созданий на войне. Мы были ужасными и могучими противниками, но наши враги знали, что нас можно ранить и убить. Если бы даже твари погибли все до единой, пытаясь добиться этого, возможно, им удалось бы

так ослабить нас, что их хозяева обрели бы решающее преимущество в бою. Однако им противостояли не просто двадцать космодесантников. Даже не просто двадцать ветеранов Великого крестового похода. Мы сражались под началом примарха, *нашего* примарха, а он всегда являл собой воплощение смерти.

Мы отбрасывали назад и убивали атакующих нас созданий, но те никогда не приближались ко Льву. По крайней мере, по своей воле. Там не происходило ни обменов ударами, ни схваток, пусть безнадежно неравных. Эль'Джонсон просто убивал всякого, кто вставал у него на пути, непрерывно двигаясь по атриуму с лёгкостью и стремительностью ветра. Зверолюди падали на пол либо разрубленными на куски, либо пронзёнными насквозь ещё до того, как осознавали, что за ними идёт огромный, жуткий вожак нападавших. Для противостояния такому врагу даже им не достало решимости.

Согласно хрону моего шлема, потребовалось шестнадцать секунд беспощадного боя, чтобы отдельные зверолюди, запаниковав, кинулись прочь ото Льва и тянувшегося за ним следа из трупов. Все остальные отреагировали на это почти сразу же — так ведёт себя стадо кормовых животных, когда одно из них почуяло хищника. Создания, которые миг назад лезли вперёд толпой, чтобы добраться до нас и убить, теперь бросались наутёк. Я пустил болт между лопаток одному из них, в первую очередь для того, чтобы его товарищи припустили ещё быстрее.

— Приближаются новые, — передал Лев по воксу, поворачивая закрытую шлемом голову из стороны в сторону. Сверхъестественно острые чувства примарха давали ему информацию, которой не обладали даже мы. — Нельзя, чтобы они сковали нас одной лишь своей численностью. Нужно найти Серафакса.

— Позволь мне помочь тебе с этим, *Отец*, — донёсся голос из дальнего конца атриума, после чего кто-то вышел из замерцавшего воздуха.

Я не сомневался, что это и есть чернокнижник Серафакс. Хотя я не помнил его ни по Великому крестовому походу, ни по нашему изгнанию на Калибан, а за прошедшие годы бывший рыцарь-капитан явно заменил некоторые части своей брони, её цветовая схема и знаки различия до сих пор напоминали стиль Первого легиона. Поверх лат он носил стихарь, практически не отличавшийся от облачения Лохока и некоторых других моих братьев, но вместо нашего простого символа, крылатого меча кремового цвета, одеяние Серафакса украшали невероятно сложные руны и глифы, от одного вида которых начинали болеть глаза. Сам доспех выглядел не особенно исковерканным или обезображенным — уж точно не как у иных последователей Хаоса, виденных мною, чьи керамитовые

пластины нередко изобиловали пиками, рогами или зловеще ухмыляющимися ртами, — но вот *лицо* ...

Половина его головы горела ярко-жёлтым пламенем, однако оно, судя по всему, не причиняло Серафаксу боли и не пожирало тело. По крайней мере, я так предположил, ибо огонь пылал столь яростно, что мне ничего не удавалось рассмотреть за ним. Неудивительно, что Баэлора не слишком волновала природа союзников чернокнижника, если сам он присягнул на верность *такому* воину.

Бывший рыцарь-капитан явно не видел смысла говорить что-то ещё. Он поднял посох, увенчанный черепом, — тот, похоже, принадлежал какому-то альдари — и выпустил из жезла сверкающий заряд колдовской энергии, который полетел в сторону Льва...

...но рассеялся меньше чем в полуметре от решётчатого визора его шлема.

Примарх поднял «Арма Люминис» и выстрелил в ответ безо всякой магии, но перегретая плазма лишь брызнула во все стороны, врезавшись в сотворённый Серафаксом мистический барьер. Чернокнижник попытался атаковать вновь, однако чары опять рассеялись, не поразив цель. На видимой половине его лица проступило потрясение, которое сменилось тревогой, когда Лев прыгнул вперёд, намереваясь покончить с бывшим рыцарем-капитаном ударом Верности, ибо плазменное оружие оказалось бесполезным. Серафакс развернулся и ринулся прочь через дверь, а Эль'Джонсон устремился за ним по пятам. Мы двинулись следом, хотя и не могли сравниться с нашим генетическим отцом ни в реакции, ни в скорости. Как только примарх покинул атриум, мы потеряли его из виду.

Воины в зелёных переливчатых доспехах возникли из такой же мерцающей ряби в воздухе, что исторгла их повелителя. Они окружили нас неплотным полукольцом и преградили дорогу к двери, через которую прошёл Лев. То были не зверолоди, а астартес, как и мы, хотя на этом сходство между нами заканчивалось. Если броня Серафакса сама по себе почти не указывала на связь чернокнижника с гнусными силами, коим он теперь служил, то по латам бойцов, появившихся из ниоткуда, я сразу определил, кому они верны. Некоторые носили рогатые шлемы, вот только костяные образования, судя по всему, росли прямо из их черепов и пробивали керамит изнутри, а не крепились снаружи, как украшение. Я видел, как один воин сжимает рукоять болт-автомата нормальной рукой, но ствол поддерживает мясистыми щупальцами, выходящими прямо из наруча. У другого вырос чешуйчатый хвост с костяным шаром вроде навершия булавы. Третий ревел на нас клыкастой пастью, что разверзлась на груди в том месте, где раньше находился имперский орёл.

Я бы опознал в них Скорбную Гвардию, даже если бы не заметил массивную фигуру Маркога. Каким бы изменениям ни подвергся облик воинов, по геральдическим цветам и особенностям их доспехи вполне походили на латы их командира. И у нас, и у них было лишь полсекунды на то, чтобы оценить стоящих напротив врагов. Потом началась стрельба.

Новая схватка оказалась в разы более напряжённой и свирепой, чем та, из которой мы только что вышли. Болт-снаряды создавали не для того, чтобы пробивать керамику, ибо во времена разработки этого вооружения никто даже помыслить не мог, что неприятели человечества будут носить броню из подобного материала. Спустя тысячелетия Империя стала заложником собственного отказа от прогресса, а отступники вроде наших нынешних противников — и, конечно же, вроде нас самих — в основном обладали только оружием, добытым у прежних повелителей. Подобно моему цепному мечу, болтеры вполне действительно справлялись с большинством возможных целей, но, несмотря на универсальность, им недоставало эффективности против таких же лат, как у их обладателей.

Два снаряда врезались мне в нагрудник одновременно с тем, как я сам открыл огонь. Меня отбросило назад, но керамика выдержал, хотя символ легиона пострадал куда сильнее. Я всадил болт в колено кому-то из врагов, и тот пошатнулся, после чего от моего правого наплечника отскочили ещё три снаряда. Один из них повторно срикошетил уже от височной части шлема, и я качнулся вбок. Здесь, в конце атриума, не было укрытий, поэтому при стрельбе практически в упор победитель определялся плотностью огня и удачей. Я почти вслепую опустошил магазин болт-пистолета, уповая на попадание в уязвимое место вроде лицевой пластины, ибо не мог нормально целиться — по мне самому молотили снаряды.

У некоторых моих братьев таких проблем не было. Краем глаза я увидел ослепительно-белое размытое пятно — это Красный Шёпот выпалил из плазмомёта. Оружие такой мощности без труда пробивало даже центр туловища цели, прикрытый самой надёжной бронёй. Один из противников вскрикнул и умер, когда сквозь него прошёл заряд всепожирающей энергии, а другого отступника испарило мелта-ружьё Кузила. На пол рухнул очередной воин Скорбной Гвардии, сражённый, как мне показалось, моим болт-снарядом, но затем что-то врезалось мне в бок с силой маг-поезда.

У наших врагов тоже имелось оружие потяжелее. Я упал на пол, индикаторы в шлеме вспыхнули и замигали красным. В меня попали из чего-то большого — тяжёлого болтера или, возможно, автопушки, — поэтому снаряд расколол керамику моего доспеха подобно тому, как я затем раздробил напольную плитку, повалившись на неё. Питание на мгновение

пропало, отчего руки и ноги стали неестественно тяжёлыми, а на глаза опустилась темнота. Подача энергии с треском восстановилась, когда отошедшее соединение подключилось вновь. Я надеялся, что кто-то разберётся с этим оружием, ведь мне вряд ли удалось бы пережить ещё одно попадание из него в ту же точку.

Как оказалось, беспокоиться мне следовало совсем о другом.

— *Забриил!* — раздался рёв, но это был не один из моих братьев, спешащих мне на помощь.

Кое-как поднявшись, я увидел, что ко мне приближается громадный Марког, который обеими руками держит свой гигантский топор с тускло-серым клинком.

— Я задолжал тебе удар! — чуть ли не с весельем в голосе прокричал командующий Скорбной Гвардией.

Слева на него набросился Борз с занесённым силовым кулаком. Бывший пират намеревался сбить предателя с ног, однако тот оказался слишком быстрым.

Марког так ударил рукоятью топора по лицевой пластине Борза, что Тёмный Ангел, крутнувшись, упал на пол. Пока мой брат вставал, сзади на него навалился один из воинов Скорбной Гвардии с силовым ножом, и ему пришлось заняться спасением собственной жизни.

Я бросил болт-пистолет с опустевшим магазином и вытащил второй, надеясь хотя бы ранить Маркога до того, как он подойдёт вплотную, но скорость гиганта никак не вязалась с его размерами. Нижней частью рукояти проклятого топора он выбил оружие из моей руки прежде, чем мне удалось выстрелить. Я взмахнул цепным мечом, однако в этот раз Марког надел шлем перед боем. По правде говоря, я даже не знаю, чего надеялся добиться, если учесть, что, когда я разрубил шею изменника на Камарте, он просто подобрал свою голову. Зубья высекли искры, столкнувшись с доспехом, и Марког тут же ударил древком топора мне по руке. Я почувствовал, как треснули и керамика, и кость внутри. Цепной меч выпал из моей хватки. Следом рукоять врезалась в расколотую броню над рёбрами, и на мгновение боль захлестнула меня, невзирая на мою сниженную восприимчивость к ней. Попятившись, я рухнул на пол. Марког же высоко занёс топор.

— Я задолжал тебе удар, — прогремел он со странным обертоном, плывущим из-за его лицевой пластины, после чего опустил топор.

Серый клинок устремился ко мне, будто сама смерть, с такой скоростью, что я бы не успел неуклюже откатиться в сторону.

Острая грань замерла, почти касаясь герметичного кольца моего шлема, но не потому, что враг решил проявить милосердие или поиздеваться надо мной. Топор прямо под клинком заблокировало лезвие терранического двуручника, а миг спустя киновит отбросил оружие врага обратно вверх.

— Я задолжал ему удар! — проревел гигант моему спасителю. — Это дело чести!

— Думаешь, мы завоёвывали Галактику с *честью*? Вы, детки, все одинаковые, — усмехнулся Галад и атаковал.

Благодаря доспеху «Катафрактарий» киновит не уступал Маркогу ни в размерах, ни, судя по всему, в силе: их оружие с лязгом столкнулось, но, как бы ни старался командующий Скорбной Гвардией, ему не удалось оттолкнуть Галада. Оба воина отступили на шаг друг от друга и снова взмахнули клинками. Марког действовал с ошеломительным проворством, а его топор рассекал воздух неестественно быстро, однако киновит успевал за неприятелем, спокойно парируя и отражая выпады так, словно знал, куда помчится серое лезвие, ещё до того, как предатель наносил удар. Мы, разрушители, сражались и истекали кровью в суровых и жестоких ближних боях насмерть, где никто не просил и не давал пощады, поэтому я не понаслышке знал о рукопашных схватках, однако сам вид того, как орудовал мечом Галад, возвращал меня во времена, когда я, ещё будучи необстрелянным рекрутом, наблюдал за фехтованием моих инструкторов, чьи скорость и мастерство казались мне богоподобными.

Понимая, что глазеть на стычку некогда, я рывком дотянулся до выпавшего пистолета, поднял его и открыл огонь. На ноге, руке и наплечнике Маркога расцвели взрывы, и, хотя его доспех устранил повреждения за считанные секунды, попадания болтов вынудили отступника потерять равновесие, из-за чего следующий удар гиганта прошёл мимо цели, и топор с тусклым клинком погрузился глубоко в пол.

— Труссы! — зарычал Марког, едва успев отвести следующий выпад Галада. — Бейтесь со мной по...

Появившийся справа Лансиил оборвал речь изменника, пронзив его грудную клетку силовым мечом. Великан оцепенел, что, скорее всего, указывало на агонию, но вполне могло говорить и об экстазе, если я не ошибся в подозрениях о том, кому он поклоняется. Галад же не собирался давать врагу спокойно испытывать эти ощущения. Терранский двуручный меч вновь рассёк воздух и начисто отсёк левую руку Маркога. Расщепляющего силового поля и бритвенной остроты древнего оружия хватило, чтобы разрубить наплечник предателя надвое.

Лансиил меж тем вытащил свой клинок, после чего отступил назад, уходя от неуклюжего и несбалансированного контрвыпада. Теперь гигант

ревел бессловесно: боль вместе с яростью захлестнула его настолько, что он утратил дар речи. Я поднялся на ноги и выпустил ещё один болт, который расколол шлем Маркога в тот же момент, как Галад очередным ударом отрубил изменнику и левую руку.

Тогда всё изменилось. Конечность до сих пор сжимала рукоять топора, но, потеряв её, Марког лишился и своей неестественной стойкости. Он пошатнулся, и кровь обильно потекла из обрубков плеч. Алая жидкость сворачивалась практически мгновенно, ибо воин всё ещё обладал улучшенным организмом и исцеляющими способностями астартес, но, судя по всему, не какие-то собственные особенности, а именно топор позволял ему выживать даже после обезглавливания.

— Нет! — хрипло возопил он и шагнул к Галаду.

Киновит явно решил действовать наверняка. Присев, он взмахнул клинком по горизонтали и отсёк противнику обе ноги, после чего Марког с воем и грохотом рухнул на пол. Галад выпрямился, сменил хват и вонзил меч в грудь врага.

Широкий клинок поразил оба сердца одновременно, и я не сомневался, что именно такой выпад, требующий особых навыков, киновит и собирался провести. Марког задёргался, насколько ему позволяло тело, лишённое конечностей, но Галад больше не желал тратить на него время. Вытащив клинок, он поднял другую руку и открыл огонь из плазмометателя^[7]. Я направил болт-пистолет в ту сторону, куда стрелял киновит, но целей уже не обнаружил.

Скорбную Гвардию повергли. Как бы свирепо ни сражались телохранители Серафакса, они не могли противостоять Первому легиону — пусть даже его остаткам в нашем лице. Победа далась моим братьям не задаром: моя сломанная рука оказалась лишь одним из внешне заметных ранений, полученных нами, а аптекарий Асбиил занимался павшим Ламором. Последний, судя по всему, атаковал врага с яростью, которую нередко выказывали штурмовые отделения, и испытал на себе столь же частые скверные последствия такой порывистости. Тем не менее элитные воины врага лежали мёртвыми, и, похоже, никакое злое колдовство не грозило воскресить их.

Подойдя к Маркогу, я топнул ногой по его шлему и расколол броню. Моему взгляду предстало лицо, искажённое болью и ненавистью. Гигант потянулся ко мне неестественно длинным языком, а затем хихикнул.

— Я ещё попробую твою плоть, дважды проклятый предатель, и ты...

Не давая ему закончить, я начал опустошать магазин болт-пистолета ему в голову и остановился лишь после того, как в полу под ней

образовалась воронка, а поверхность моих поножей усеяли мелкие частички кожи, костей и мозгов. Возможно, мне следовало проявить большую осторожность и не допустить, чтобы явно порченная плоть вот так запачкала мне доспехи, но я когда-то принадлежал к разрушителям — принадлежал к ним *до сих пор*, — а мы всегда ставили уничтожение врага выше собственной безопасности.

— Всех перебили? — спросил Гуэйн, чей силовой топор будто дымился из-за того, что на клинке испарялась кровь. — Никто не исчез так же, как появился?

Братья подтвердили, что нет, но в моё сердце закрался холодок, когда я внимательно огляделся по сторонам. Все воины нашего отряда — и невредимые, и пострадавшие, — находились здесь, как и тела врагов в зелёной броне, однако кое-кого не хватало.

— Баэлор, — сказал я, вынув магазин из болт-пистолета и неловко вставив новый сломанной рукой. — Наш последний брат и лейтенант Серафакса. Его нет среди мёртвых.

— Значит, он занят чем-то более важным, чем попытки остановить нас, — согласился Беведан, и я задался вопросом, не сожалеет ли он о том, что не поверг Баэлора на вершине своей горы.

Я точно сожалел, но решил придержать язык, не видя никакого смысла конфликтовать по этому поводу ни с ним, ни с Галадом и Лансиилом. Да, они позволили Баэлору свободно покинуть их систему, но только что, несомненно, спасли мне жизнь.

— Лев, — произнёс Гуэйн.

— Лев, — согласился я, после чего мы с братьями все как один двинулись туда, где исчез наш генный отец, бросившийся в погоню за лордом-чернокнижником Десяти Тысяч Глаз.

XXXI

Лев преследует Серафакса, как охотник, заметивший добычу.

Он проводит такое сравнение без зазрений совести. В этом будущем, где сыны Эль'Джонсона превратились в затравленных бродяг, некоторые из них по мере сил хранили верность своему предназначению. Другие сбились с пути, но теперь вернулись к своему примарху. Лев их не осуждает, ибо на примере собственных братьев видел, как долгое отсутствие руководства может привести к дурным решениям и самолюбию. Эль'Джонсон до сих пор размышляет, скольких его родичей удалось бы направить по иной дороге, найдись те раньше. Что, если бы Кёрз встретил отца до того, как сделал первый шаг к созданию личной империи ужаса? Что, если бы Ангрона обнаружили до того, как в него вставили Гвозди Мясника?

Серафакс же не заблудился. Он сам выбрал себе дорогу, и сия тропа ведёт лишь к гибели души, после чего возврата уже нет. Примарх достаточно твёрдо уверен в этом, пусть сам он и рациональное существо, неразрывно связанное с материальной вселенной. Уже неважно, осталось ли в Серафаксе что-то от прежнего воина и генного сына Льва Эль'Джонсона, ибо бывший рыцарь-капитан искажился до неузнаваемости: он либо стал рабом сил Хаоса, либо добровольно трудится ради них.

Серафакс — угроза человечеству, а Лев такие угрозы всегда истреблял.

Пока чернокнижник убегает, примарх идёт по его следу через дворец, иногда разрубая звероловов или других культистов, встающих у него на пути. Эль'Джонсон быстрее Серафакса, однако тот лучше знает здание, и Лев не настолько спешит покончить с делом, чтобы сломя голову угодить в ловушку. Хотя колдовство бывшего рыцаря-капитана не подействовало на примарха, тот всё же состоял в рядах Первого, а Эль'Джонсон знает, что не стоит недооценивать Легионес Астартес. Добравшись до конца особенно пышного коридора, ныне испоганенного брызгами телесных жидкостей и уродливыми символами, он видит перед собой массивные двустворчатые

двери, гравированные и украшенные столь богато, что даже захватчики-вандалы не полностью замарали их красоту. Решив не торопиться, Повелитель Первого осторожно открывает их, держа наготове «Арма Люминис» и Верность.

Он оказывается в тронном зале... Вернее, в помещении, когда-то игравшем такую роль. На другой стороне чертога располагается платформа с нетронутым губернаторским тронном. Очевидно, у Серафакса есть на него планы, хотя Лев не знает, всегда ли над престолом висело огромное серебряное зеркало или его установил бывший рыцарь-капитан. Самого чернокнижника нигде нет. В центре зала зияет яма, окруженная выступом, который отделан плитками, причём знаки, намалёванные на них, настолько близки к символам, украшающим стихарь Серафакса, что сходство вряд ли случайно. Эль'Джонсон остерегается любых ловушек, но чародейские капканы тревожат его больше прочих. Примарх видел, на что способно варп-колдовство, и, хотя энергетические сгустки колдуна не сумели ему навредить, Эль'Джонсон не желает стать частью подготовленного ритуала.

С другой стороны, Лев также узнал, что варп-колдовство упорядочено не меньше, чем любая физическая структура, только на свой манер. У него всегда есть опорная точка — нечто, от чего зависит вся конструкция. Если уничтожить или убрать её, тогда всё остальное рухнет, причем иногда с катастрофическими последствиями. Он быстро осматривает помещение, стараясь не вглядываться слишком внимательно и не мыслить чересчур логически, а искать закономерности и то, вокруг чего они сосредоточены. Это непросто для того, кто привык изучать всё в подробностях, однако спустя секунду Лев получает ответ: зеркало.

Примарх поднимает «Арма Люминис», и в тот же миг из центральной ямы воспаряет Серафакс, несомый по воздуху одной лишь колдовской силой, после чего метает в грудь примарха очередной заряд энергии.

Этот уже не рассеивается.

Лев не впервые испытывает боль, но сейчас он ощущает какую-то новую, скверную разновидность мук. Ему кажется, что прямо через его нервную систему пропускают электрический ток, причём страдания не просто терзают мышцы, сухожилия и сами кости, а лишают примарха возможности управлять своим телом. Даже это Эль'Джонсон способен преодолеть за считанные секунды, но Серафакс не даёт ему такой роскоши. Как только чернокнижник приземляется на краю выступа, тяжёлые цепи, обмотанные вокруг его плеч и груди, оживают, пронзая воздух с проворством атакующих змей. Примарх пытается дёрнуться в сторону, расцедь звенья Верностью, однако тело подчиняется недостаточно быстро. Цепи опутывают его, прижимают руки к бокам и связывают ноги.

— Я боялся, ты поймёшь, что поначалу я наносил удары лишь для виду, — с улыбкой произносит Серафакс. — Но, думаю, ты ведь никогда особенно не представлял, как это — бить не в полную силу. Верно ведь, Отец? Вот что принесло тебе величие, и вот что возвратит его тебе. Идём.

Он делает жест, и оковы взмывают в воздух, унося Льва с собой. Примарх сопротивляется, но не может ни пошевелиться, ни порвать их, хотя с виду они ничем не выделяются.

— Цепи не из обычного железа, — говорит Серафакс. — Безусловно, если бы какой-то техножрец провёл анализ, то не нашёл бы ничего странного, кроме исключительной чистоты сырья, но ведь наука не способна поведать обо всём. Простые цепи ты бы легко разорвал, но прочность этих обусловлена не материалом, а самим процессом создания. — Помолчав, он поджигает губы. — Полагаю, то же верно и для примархов. Плоть и кости, кровь и гены... Однако Император сотворил из них нечто поистине выдающееся.

Чернокнижник вновь делает жест, и оковы начинают опускать Льва в яму. Там на полу нарисована до тошноты знакомая восьмиконечная звезда, каждая вершина которой отмечена горячей жаровней. Эль'Джонсон чувствует за спиной чьё-то присутствие, и, пока цепи вынуждают его встать на колени, ему удаётся повернуть голову так, чтобы разглядеть фигуру в чёрном доспехе. В первый миг он думает, что помощь рядом, но затем понимает — воин не из числа сыновей, прибывших сюда с примархом. Значит, это наверняка Баэлор, союзник Серафакса.

— Ты знаешь, сколько железа в среднем содержится в теле человека? — спрашивает сверху Серафакс, после чего сам же отвечает на свой вопрос: — Не так уж много. Уверен, ты видел остеллу на орбите. Кости населения планеты не пропали зря. Впрочем, их кровь я тоже использовал. — Он указывает на цепи. — Да, в одном теле железа немного, но вот если у тебя достаточно субъектов...

— Если думаешь запугать меня рассказами о своих деяниях, значит, ты забыл, с кем говоришь! — рычит Лев. — Тебе прекрасно известно, что в интересах человечества наш легион уничтожал целые планеты, целые *виды*.

— Я тоже действую в интересах человечества, — отвечает чернокнижник. Обойдя яму по краю, он встаёт под зеркалом. — Я надеялся найти для обряда какого-нибудь великого героя Империи, но даже и мечтать не мог, что у меня в руках окажется примарх, да ещё и мой собственный! Баэлор, подготовь его.

Отступник подходит ко Льву и берётся за его шлем. Как бы примарх ни сопротивлялся, космодезантику удаётся нащупать защёлки и обнажить

голову Повелителя Первого. Сам Баэлор в шлеме, поэтому Лев не видит лица сына, однако Тёмный Ангел на мгновение замирает, когда его взору открываются черты Эль'Джонсона. Он словно бы изучает, какие изменения произошли с его генным отцом.

— Ты отсутствовал так долго, — продолжает Серафакс, качая головой. — Галактика расколота, от Империи осталась одна шелуха. Нет никакой надежды, впереди ждут лишь бесконечные войны Абаддона. Пламя человечества затрепещет и погаснет, а звёзды вновь заберут себе ублюдочные ксеносы вроде тех, которых нам следовало уничтожить десять тысяч лет назад. Мне не под силу это остановить. *Тебе* не под силу это остановить, пусть ты и примарх. Лишь одно существо способно на подобное.

— Император.

Лев пристально смотрит на него. Недоверие и ненависть внутри примарха борются с надеждой.

— Он ещё жив? Император до сих пор жив? Ты знаешь это?

Улыбка Серафакса, словно молния, появляется и исчезает сразу же, стоит её увидеть.

— Варп многое мне рассказывает, хоть и не всему можно верить... Но да, Отец, Император цепляется за существование на Золотом Троне. Иначе в имматериуме поднялась бы такая волна, что её ощутили бы и самые затупленные люди даже на этой стороне Великого Разлома. Нет, Он жив, и я отправлю тебя на встречу с Ним.

Лев ошеломлённо моргает. Он каким-то образом неверно оценил ситуацию? Неужели Серафакс зашёл не так далеко, как кажется? Или же отступник просто бредит? Впрочем, его речь не похожа на бессвязную тираду.

— Одна из многих ошибок Империи состояла в том, что Повелителя Человечества заточили в Золотом Троне, — провозглашает Серафакс и поднимает палец. — Баэлор, Лихорадочный клинок.

В руке космодесантника появляется длинный нож. Лезвие сверкает в непостоянном свете от пламени жаровен, а сам клинок неприятно поблескивает. Баэлор рассекает им щеку Льва. Примарх чувствует жгучую боль, после чего плоть срачивается обратно, когда в действие вступает генотворческое мастерство его отца. Правда, отступник успел омочить нож. Падший машет клинком, и капли крови падают на линии восьмиконечной звезды, что идут под стоящим на коленях Эль'Джонсоном.

— Императору нужно позволить умереть, — говорит Серафакс, поднимая посох. Над алыми каплями поднимается дым, его струйки ползут

вдоль начерченных на полу линий. — Для таких, как Он, смерть — только начало. Лишь после неё Он полноценно вознесётся в варп как истинный бог, коим и является. Там, более не сдерживаемый якорем сломленного брэнного тела, Он уничтожит Губительные Силы и стенающих божеств ксенорас, после чего направит человечество во второй Великий крестовый поход.

Лев впивается в него взглядом. Слова Серафакса звучат нелепо, причудливо и глупо. И всё же те силы, коим поклоняются последователи Хаоса, безусловно, могущественны, несмотря на всю их гнусность. Примарх не желает именовать их богами, это идёт вразрез с его убеждениями, но другого подходящего слова для подобных сущностей просто нет. Тогда, пусть сам Лев не признаёт и никогда не признает своего отца божеством, можно ли назвать этим термином невероятно могучего в психическом аспекте индивидуума, который прожил целые тысячелетия, прежде чем открыться человечеству, а затем сто веков боролся с воистину смертельной раной? Псайкера, способного посылать через варп псионический сигнал настолько мощный, что он пригоден для навигации в большей части Галактики? Того, кто сотворил таких выдающихся созданий, как Лев, породив нечто живое в процессе, который явно включал в себя не только мастерское обращение с органической материей?

— Я надеялся, Абаддон убьёт Императора, — продолжает Серафакс, — но, думаю, даже сами боги не ведают, что у него на уме. Так или иначе, он ещё не взял Терру, ибо собирается штурмовать её ворота. Я же намереваюсь пройти через них без сопротивления.

Дым от крови Льва добирается до жаровен, и пламя взмывается вверх. Примарх сглатывает, борясь со внезапной сухостью в горле.

— Удивительно, как переплетены душа и тело, — произносит чернокнижник. — Однако их можно разделить. Достаточно могучая душа, связанная в ходе надлежащих процессов, может стать страшным оружием. Своего рода приручённым демоном. А душа примарха — один из самых сильных духов, скитающихся по Галактике. Только представь, чего я смогу достичь, распоряжаясь такой сущностью.

Эль'Джонсон кашляет: что-то дёргается в его груди, и примарха наполняет подавляющее чувство *неправильности*. Дыхание Льва слабеет, словно в лёгких возникли дыры.

— И всё же кое-что мне оставить придётся, — вещает дальше Серафакс. На лбу чернокнижника проступают капельки пота, а череп ксеноса на посохе начинает испускать зловещий свет. — Этого хватит, чтобы всех обмануть, но не помешает мне полностью подчинить твою брэнную оболочку. В конце концов, у кого есть шанс получить аудиенцию у Самого

Императора, как не у одного из Его давно потерянных сынов? Я надеялся, что хватит и какого-нибудь могучего полководца или магистра капитула, но примарх? Даже Кустодианская Гвардия не решится тебя остановить!

Эль'Джонсон пытается бороться с чарами Серафакса, но едва ли понимает, с чем сражается или как давать отпор. Такое ощущение, словно кто-то пытается вытащить скелет из его тела, а сам примарх может лишь изо всех сил сосредоточиться на том, чтобы оставаться единым целым и самим собой.

— Зачем сопротивляться? — гневно кричит чернокнижник. — Какого удела ты для себя хочешь? Бесполезно защищать бесполезные миры пред лицом надвигающейся тьмы? Я уже проклят, но даю тебе шанс совершить последнее великое деяние! Ты истребишь не одного врага, даже не целый вид. Ты уничтожишь то, что сковывает и приводит в упадок всё человечество!

Серебряное зеркало будто бы увеличивается в размерах и светлеет, хотя на самом деле никак не меняется. Лев не может отвести от него взгляд. Каким-то образом он *осязает* артефакт, чья поверхность невероятно гладкая, но при этом обладает бесконечно сложной структурой. Чудится, что оно растягивает примарха, распластывает по себе и вбирает внутрь себя, выкручивая и вытаскивая Эль'Джонсона из собственного тела.

В эту секунду примарх начинает колебаться, ибо зеркало показывает ему истинные масштабы Галактики, и теперь Лев размышляет над тем, способен ли как-то повлиять на неё даже он. Да, Эль'Джонсон — великий полководец и смертоносный воин, но ему неизвестно, как закрыть разлом, протянувшийся на сотню тысяч световых лет. Феномен не победить армией, его сердце не пронзить клинком, так какая польза от примарха? Очнувшись после предательства и ранения, он обнаружил, что положение дел только ухудшилось за время его отсутствия, а он не понимает, как всё исправить. Есть простое решение: уступить, отдать контроль над телом, допустить, чтобы его использовали. Лев ведь всегда служил отцу оружием, а если так, то есть ли разница?

Зеркало волочит его сознание всё выше, но вот оно задевает остеллу, и Эль'Джонсон отдёргивается в отвращении. Эта ужасная конструкция с бессчётным множеством углов и запахом смерти составляет пару с зеркалом. Но примарха отталкивает от неё не образ бойни, а пронизывающие остеллу нечистые энергии, чьё касание отчасти возвращает Повелителя Первого к самому себе. Он — Лев, сын Императора, и будет жить или умирать со своей личностью, как отец собственных сыновей, которым доверился, хотя в случае со многими из них почти не имел причин для этого. Примарх жмурится, и серебряное

сияние зеркала слегка меркнет. Теперь Эль'Джонсон вновь стоит на коленях и вызывающе смотрит на Серафакса.

— Я надеялся, ты поймёшь, что мои действия необходимы, и сдашься добровольно, — рычит чернокнижник. — Но я могу отделить и вытащить из тебя душу даже без твоего согласия!

Он бьёт нижним концом посоха по плиткам, после чего жаровни вспыхивают ещё раз. Лев содрогается — его сотрясает очередной всплеск боли. Стиснув зубы, примарх свирепо смотрит на Серафакса, провоцируя гонимого сына совершить худшее, на что тот способен. Если это состязание воли, Эль'Джонсон знает, что может взять верх.

Как оказывается, возможно, ему и не придётся побеждать.

Серафакс поднимает изумлённый взгляд и посохом вычерчивает перед собой обережный символ. Спустя мгновение раздаётся грохот стрельбы, а воздух вокруг чернокнижника начинает мерцать, поглощая шквал болтов и плазмы.

Лев слышит рык Баэлора. Падший прячет Лихорадочный клинок в ножны, снимает болтер с магнитного зацепа и бежит к одному из входов в яму. Он пропадает из виду в тот же момент, как Серафакс, метнув заряд мистической энергии, поражает кого-то из сыновей Льва. Тот издаёт крик. Тем не менее внимание примарха привлекает нечто иное.

Сковывающие его цепи немного ослабли.

XXXII

— Стреляйте в зеркало! — перекрикивает Эль’Джонсон рёв болтеров и шипение испепеляющей плазмы.

Недолгое путешествие вне тела лишь утвердило его в мысли, что зеркало — ключевой элемент в планах чернокнижника. Неважно, удалось бы Серафаксу отсечь душу Льва и вытащить большую её часть из тела или нет. Главное — лишить колдуна возможности даже попробовать.

Сыновья подчиняются ему беспрекословно. Чернокнижник гневно воеет и машет посохом, словно пытаясь сбить снаряды в полёте, но, похоже, его способность отражать выстрелы работает не так хорошо, когда огонь ведётся по объекту, расположенному не совсем рядом с ним. Серебряный металл изгибается от попаданий болтов, взрывы звучат как разноголосый звон колоколов, а идеальное отражение перекашивает. Впрочем, теперь Лев кое-что замечает во вмятинах и воронках на поверхности зеркала: тени с глазами, когтями и клыками. В центр артефакта врезается плазменный заряд, и оттуда капает расплавленное серебро.

Прямо на Серафакса.

Раскалённый добела сгусток падает на макушку чернокнижнику, и тот вопит, но огонь, покрывавший половину его черепа, просто охватывает всю голову и поглощает кусок металла. Теперь пламя полностью скрывает лицо Серафакса, а другие серебряные капли начинают вращаться вокруг его доспеха так, словно обладают собственным разумом. За считанные мгновения стихарь полностью сгорает, чёрную броню окутывает искрящийся свет, а из кончиков пальцев колдуна, пробивая и плавя керамит, вырываются серебряные когти. Новые, непостижимо сложные узоры и орнаменты покрывают латы, словно ползущая по окну изморозь. Лев с трудом отводит взор, ибо его глаза и разум желают изучить и истолковать эти переплетения. Некое внутреннее чутьё говорит ему, что в них скрыты тайны вселенной, которые только и ждут, когда их раскроют.

— *Вы глупцы!* — рычит Серафакс.

Голос чернокнижника теперь даже отдалённо не похож на человеческий: такой звук издавала бы арфа с металлическими струнами, распиливаемая пополам.

Взмахом когтистой руки он без усилий отбивает болт-снаряд, летевший в пылающие остатки его лица.

— *Вы обрекли меня, себя и всю Галактику!* — добавляет колдун, когда за его спиной возникают и расправляются серебристо-синие крылья.

На зеркальной поверхности крыльев появляются лица, и принадлежат они сыновьям Льва, коих тот привёл с собой на Траур. Сверху раздаются крики космодесантников, и отражённые рты также заходятся воплями, а вслед им несётся грохот керамики о плитку — это воины с размаху падают на колени или навзничь. Астартес способны перенести сильнейшую физическую боль и страдания, но есть то, против чего их улучшенные организмы почти бессильны. Среди таких угроз — хищный натиск варпа. Могучие мышцы и укрепленные кости не защитят душу, когда её выдёргивают из вместилища.

За спиной Серафакса возникает Баэлор, поднявшийся на платформу. Он держит болтер наготове, но при виде открывшейся ему картины замирает и не открывает огонь. Хотя лицо Падшего скрывает шлем, нечто в его позе говорит о том, что он потрясён.

Лев вновь пытается разорвать цепи, но они выдерживают, пусть и немного ослабли по какой-то причине. Он слышит чей-то вскрик, после чего в яму сваливается однорукий воин в чёрном доспехе, который приземляется недалеко от Повелителя Первого.

— Беведан! — рывкает Лев.

Бывший библиарий неуклюже хватается за шлем здоровой рукой и срывает его, а затем поворачивается к примарху лицом, искажённым от боли.

— Простите меня, повелитель, — бормочет псайкер, не двигаясь. — Он слишком могуч, а я уже десятки лет не применял свои силы.

— Беведан, меня сковывают цепи, наделённые некой мистической прочностью, — тихо и быстро говорит Лев. — Серафакс теряет сосредоточенность, но даже так я не могу избавиться от них. Мне нужны твои дары.

— Я ещё не настолько ослаб, как кажется, — произносит легионер сквозь сжатые зубы. — Будьте готовы. Вытаскивая из меня душу, он порождает между нами связь. Я могу превратить её в оружие, но лишь на несколько мгновений, после чего умру.

Лев многое хотел бы сказать своему сыну, однако воинам редко удаётся попрощаться друг с другом так, как они того пожелали бы, поэтому Эль'Джонсон просто кивает. Затем Беведан сжимает челюсти, а его глаза наполняются ярким светом: прекратив бороться с чарами Серафакса, он разом направляет в чернокнижника всю свою силу.

— *Нет!* — кричит колдун одновременно с тем, как его крылья начинают хаотично сверкать.

Сознание Беведана врывается в чернокнижника, отчего тот, пошатнувшись, неистово машет руками. Серафакс почти сразу же восстанавливает контроль над собой.

Но хватило и этих секунд.

Лев поднимается на ноги, и теперь железные звенья рассыпаются под напором примарха, как им всегда и следовало. Выпрыгнув из ямы, Повелитель Первого устремляется прямо к Серафаксу. Чернокнижник взмахивает посохом, но его скорость реакции не идёт ни в какое сравнение с проворством Эль'Джонсона. Примарх надвое рассекает посох взмахом Верности, а затем врывается в своего сына и повергает его на пол.

— Отпусти их! — ревет Лев и меняет хват на клинке так, чтобы направить остриё в сердца Серафакса.

Чернокнижник смеётся.

— В прошлом ты бы уже убил меня и назвал смерть двадцати Тёмных Ангелов допустимой ценой.

— Так было десять тысяч лет назад, — рычит Эль'Джонсон, стараясь не обращать внимания на искажённые агонией лица, которые умоляюще смотрят на него с поверхности крыльев. — Больше никто из моих сынов не погибнет сегодня.

Ему неизвестно, какими последствиями обернётся смерть Серафакса. Он знает лишь то, что в долгу перед своими воинами, что не вправе обрекать их на неизвестную судьбу в обмен на убийство ещё одного врага. Эти так называемые Падшие дают ему второй шанс, а примарх даёт второй шанс им. Лев привёл сыновей сюда, призвав их совершить хороший поступок, и теперь не может допустить, чтобы они умерли вместо него.

— *Твои условия приемлемы,* — говорит Серафакс, и из его крыльев вырывается яркий серебристый свет.

Когда сияние бьёт в примарха, тот валится на спину, раскинув руки и ноги, а Верность, выпав из онемевших пальцев, скользит по плиткам куда-то в сторону. Эль'Джонсон пробует подняться, но обнаруживает, что прижат к полу. Нарисованные на плитках символы вспыхивают, не давая ему пошевелиться.

— Думал, я бы не подготовил то место, где собирался встретиться с тобой? — рычит Серафакс, встав на ноги. — Ты разочаровываешь меня, мой владыка Лев!

Он вновь расправляет крылья, и лица Падших исчезают. На месте каждого из них примарх видит собственный лик, старый и перекошенный от боли. Он чувствует, как душа снова вытягивается из тела, но теперь её жадно вытаскивают когтями.

— Ты *мне* говоришь о разочаровании? — ревёт Лев, по-прежнему борясь с чарами, приковавшими его к полу. — Ты — насмешка над всем, за что мы всегда стояли! Что ж, бери мою душу, если сможешь!

Он должен удерживать внимание Серафакса. Тогда, возможно, Тёмные Ангелы сумеют опомниться и продолжить бой. Теперь, когда жизни его верных сыновей не висят на волоске, Эль'Джонсон без сомнений покончит с чернокнижником. Ему нужен лишь ещё один отвлекающий фактор.

Серафакс делает шаг в его сторону.

— Таков был изначальный план, но мои глупые братья решили вмешаться! — Он издаёт смешок. — Братья! Уверен, в данном случае ты понимаешь мою досаду. Тем не менее я лишь делаю то, что необходимо, невзирая на цену. Мы всегда так поступали! — Чернокнижник подступает ещё ближе. — Твою душу я заберу, мой повелитель, но они должны присоединиться к тебе в служении. Если мы будем вместе, для нас не останется ничего невозможного! Баэлор...

Серафакс замирает, застывает на месте, а потом нечто острое рассекает керамит его нагрудника изнутри. Лев напрягается, ожидая, что из тела чернокнижника вырвется что-то ещё более жуткое, однако хватка на душе примарха вдруг исчезает. Узнав инородный предмет, Эль'Джонсон понимает, что такого он точно не ожидал увидеть.

Это остриё Лихорадочного клинка.

Какое-то мгновение длинный нож не двигается, пока насаженный на него Серафакс трясётся, однако затем плоть, кости и керамит вокруг клинка начинают деформироваться, и в теле чернокнижника возникает огромная рана. Серафакс резко оборачивается и с яростным воплем пронзает стоящего за ним Тёмного Ангела. Тот кричит от боли, но потом Лев видит, как вновь тускло блестит нож, отсекая крылья. Колдун падает на пол и бьётся в конвульсиях, края его раны расходятся, а тело распадается и постепенно рассеивается смрадным паром.

Баэлор, рухнув на колени, истекает кровью из нескольких отверстий, пробитых когтями в туловище. Алая жидкость не сворачивается. Отбросив Лихорадочный клинок, он снимает шлем, лицо под которым разительно

отличается от лика Серафакса, объятых бушующим пламенем. Эль'Джонсон не видит ни мутаций, ни уродств, лишь мелкие рубцы и шрамы, заработанные воином за всю его жизнь. Однако на нём проступает рана, нанесённая горем, и она глубже любой отметины.

Символы на полу блекнут и исчезают, после чего Лев вновь обретает возможность двигаться. Он подходит к Баэлору с осторожностью, ведь клинок Серафакса — очевидно, могущественное оружие — всё ещё лежит рядом с ветераном. Впрочем, воин не пытается вновь взять артефакт. Вместо этого, когда огонь вокруг головы чернокнижника затухает, обнажая кожу, Баэлор наклоняется и целует бывшего рыцаря-капитана в лоб, пока плоть не распалась окончательно.

— Сын мой, — говорит Лев.

Баэлор поднимает на него затравленный взгляд, однако на лице воина, пусть угрюмом, читается смирение.

— Мой повелитель.

Примарх опускает голову в знак признательности.

— Благодарю тебя.

Тёмный Ангел сглатывает.

— Я так долго следовал за ним. Он был моим капитаном. Моим братом. Моим другом. И... все его действия служили единой цели. Я думал, что он знает, как поступать правильно. Мы были предателями, затерянными во времени. Каждая наша битва, любые ненавистные последователи, собранные нами, — всё это ради того, чтобы подобраться к какому-нибудь могучему герою Империи. Даже когда Серафакс рассказывал мне подробности своего плана, он говорил, что мы освободим Императора, а не убьём. Я верил в его правоту, ибо он знал о варпе гораздо больше моего. Всё равно в этой Галактике теперь уже ничего не имеет смысла.

Лев медленно кивает.

— Почему ты изменил своё мнение? — как можно мягче спрашивает примарх.

— Он больше не был Серафаксом, — тихо отвечает Баэлор, опуская глаза. — Не совсем. Мой брат очень долго держался за свою суть, но когда я услышал, что он говорит, и увидел, как он изменился, то понял, что его больше нет. А вы... вы защитили от него моих братьев. Тот Лев, который атаковал Калибан, не поступил бы так.

— Они со мной по собственной воле, — произносит Эль'Джонсон. — Возможно, настанет день, когда я вынужденно попрошу их отдать жизни за правое дело, но я никогда не пойду на это просто из-за того, что мне так

будет удобнее. Галактика может называть их Падшими, однако я зову своих сыновей Воспрявшими.

Он протягивает руку.

— Так воспрянь же, Баэлор.

Космодесантник резко поднимает взгляд.

— Повелитель, я — изменник и еретик. Мне казалось, что наш путь единственно верный, но...

— Мой легион — моя ответственность, — прерывает его Лев. — Однажды я не увидел того, что гноилось в сердцах моих сыновей или бывших братьев по Ордену, а ведь тогда всего этого удалось бы избежать. Ты же добровольно свернул с неправильного пути.

Моргнув, Баэлор стискивает зубы и встаёт на ноги.

— Но слишком поздно.

Примарх печально кивает.

— Но слишком поздно. — Он сжимает предплечье Баэлора. — Мне бы хотелось верить, что ты сумел бы советовать нам, как лучше всего уничтожать твоих союзников, однако коварство Хаоса пускает глубокие корни. И всё же знай: придя сегодня на помощь мне и моим сынам, ты заслужил признательность и прощение.

Ветеран улыбается, но в его чертах сквозит боль.

— В любом случае я вряд ли переживу раны, нанесённые Серафаксом. Хочу попросить, чтобы чистая смерть забрала меня раньше.

Лев подбирает Верность. Примарх понимает, что Баэлору нельзя доверять и тот должен умереть, да и сам просит об этом, но Повелитель Первого всё равно мешкает. Эль'Джонсон сказал, что больше ни один из его сыновей не умрёт сегодня, и ему тошно выставлять себя лжецом так быстро.

Хромая, к примарху подходит Забриил. Бывшего разрушителя хорошенько помяли, и, судя по расколотому наручу, у него почти наверняка сломана рука.

— Баэлор.

— Забриил, — отвечает ветеран, не без труда встречаясь взглядом с братом. — Я...

— Ты убил Серафакса, — произносит Забриил, не давая Баэлору продолжить. — Поступки говорят громче слов. Спасибо тебе. — Он смотрит на Льва. — Повелитель, если желаете, я могу исполнить этот долг.

Эль'Джонсон качает головой.

— Нет. Верность слишком тяжела, чтобы орудовать ей одной рукой, а Баэлор заслуживает чистой смерти, коей он и желает. Более того, как я уже сказал, — продолжает Лев, — мой легион — моя ответственность.

Абсолютная сосредоточенность. Примарх одним плавным движением заносит клинок и проводит выпад. Окутанное силовым полем лезвие мгновенно отсекает голову Падшего от тела. Баэлор валится на пол, а из обрубка его шеи фонтаном бьёт ярко-алая кровь.

На протяжении секунды Лев позволяет себе скорбеть, окидывая взглядом останки двух своих сыновей, которые впали во тьму и предательство.

— Кадаран! — зовёт он, повысив голос. — В твоём огнемёте ещё осталось топливо?

— Да, повелитель, — говорит Кадаран, неуверенно стоя на ногах.

Ослабевший, словно бы выжатый воин потратил все силы на сопротивление Серафаксу, который старался вырвать его дух из тела.

— Сожги всё, что сможешь, — приказывает Эль'Джонсон. — А потом нам нужно будет отбыть, пока не явились подкрепления. — Его не прельщает перспектива вновь пытаться вызвать странные леса, но для их отряда это единственный выход. — Мы одержали значительную победу, однако нам ещё многое предстоит сделать.

XXXIII

Без Серафакса банда Десяти Тысяч Глаз развалилась, поскольку каждый вожак вознамерился заполнить собой пустоту, образовавшуюся после смерти чернокнижника. Льву вроде бы нужно радоваться, ведь его медленно растущий альянс человеческих миров выслеживал и уничтожал отдельные подразделения хаоситов одно за другим. На деле же примарх невольно задаётся вопросом, не служит ли эта откровенная борьба за власть, которую он использовал в своих интересах, простым отражением того, что случилось с Империумом после погребения Императора на Золотом Троне.

Но сделанного не воротишь. Эль'Джонсон не может изменить прошлое, а вот настоящее — совсем другое дело. Протекторат Льва расширяется, постепенно включая в себя всё новые и новые системы, но лишь такие, что сами желают присоединиться, как неустанно повторяет Повелитель Первого. Его сил едва хватает для защиты собственных территорий от налётчиков, поэтому неоткуда взять войска для усмирения миров, население которых будет сопротивляться. Впрочем, большая часть планет, находившихся в изоляции, приветствовала появление других людей, а никто из тех, кто встречался с самим примархом, не отказывал ему, насколько бы подчёркнуто тот ни избегал военного давления. Напротив, его восхваляли как героя и спасителя.

Как бога.

Эль'Джонсон всякий раз отвергал подобные заявления, но от них не уйти. В современной Галактике его отца считают божественным созданием, поэтому сыны Владыки Людей по определению должны быть, самое меньшее, полубогами. Неважно, что Император всегда называл себя простым человеком или что примархи родились благодаря науке, а не комбинированию ДНК с помощью примитивных биологических средств. Льву оставалось либо бесконечно повторять одни и те же доводы, зная, что слушатели просто решат, будто Повелитель Первого скромничает, либо

позволить им верить в то, что им угодно. Когда у калибанца портилось настроение, он подумывал, не ввести ли карательные меры против самых ярких сторонников его обожествления, но затем вспоминал рассказ Гиллимана о событиях на Монархии. Если люди так жаждут обрести бога рядом с собой, заменив им далёкий образ Императора на Терре, то пусть лучше поклоняются Льву Эль'Джонсону, чем другим сущностям.

Но теперь примарху предстоит иное испытание. Он приказал не беспокоить его и вернулся в окутанные туманом леса, так сильно напоминающие родной мир Повелителя Первого.

Лев не отправился на поиски замка с раненым королём. Эль'Джонсону кажется, что ему там не место, да его там и не ждут — по крайней мере, пока он не найдёт правильный вопрос, если вообще отыщет оный. Так следует из речей Смотрящего-во-тьме. Тем не менее в чаще есть кое-что ещё, что он не единожды видел среди могучих деревьев. Именно это примарх сейчас и разыскивает.

Цели он достигает довольно быстро. И неудивительно, ведь прежде этот объект являлся Льву, когда тот даже не искал его. Судя по всему, география леса преобразается в соответствии с его нуждами и желаниями — во всяком случае, отчасти, — однако данная часть местности неизменна. Эль'Джонсон даже не знает, что там такое, но тот факт, что оно возникало снова и снова, убедил Льва в необходимости поисков.

Начинается путь так же, как и прежде: с тропы, поросшей низкой травой. Дорога, зажатая меж кустарников и стволов деревьев, ведёт вдаль, где примарх видит округлую крышу из серого камня. На обочине стоит Смотрящий-во-тьме.

— Тогда ты говорил мне, что я недостаточно силён, — произносит Лев.

+Тогда было так.+

— А теперь?

+Это ещё предстоит выяснить.+

Эль'Джонсон кивает. Он выяснит.

Примарх не знает, чего ожидать, но на самом пути нет никаких препятствий. Дорога простая, даже почти приятная по меркам этих лесов. Место назначения очень скоро оказывается в поле зрения Льва, и он впервые может внимательно рассмотреть объект.

Повелитель Первого видит приземистую каменную постройку с мраморным куполом, но она не похожа на замок короля. Оплот вписывался в окружение, ибо по сути своей мало чем отличался от возводимых на Калибане укреплений, предназначенных для защиты населения от опасностей той планеты. Это здание по сравнению с чертогом выглядит

почти чужеродно. Камни пригнаны без зазоров, резные карнизы плавно перетекают один в другой, а у входа, по бокам чёрного арочного проёма, стоят могучие колонны. Перед ним архитектура Империиума, а не Калибана. Такое сооружение здесь неуместно.

Лев приближается к нему с осторожностью. Примарх не знает, как постройка оказалась здесь, но, опять же, ему до сих пор не вполне понятно, где находится это «здесь». Он предполагает, что леса — некое пространство, примыкающее к варпу, какое-то перепутье, где можно частично обойти ограничения, налагаемые расстоянием и ходом времени в реальном мире, однако у Эль’Джонсона нет ничего, кроме догадок. В любом случае здание явно возвели для хранения чего-либо, и Лев намеревается узнать, чего именно.

Двери нет, однако внутри так темно, что поначалу ничего не видят даже глаза Эль’Джонсона. Пройдя дальше, он замечает какое-то слабое свечение, но лишь на миг.

Исчезло оно в основном потому, что кто-то встал перед примархом.

Когда создание подходит ближе и на него падает мягкий свет, тусклый из-за тумана, у Льва невольно отвисает челюсть. Он видит светлые волосы, прямо как у него самого, только спутанные, частично заплетённые и не поблёкшие от старости, а также вычурный доспех, тоже напоминающий броню Эль’Джонсона, но не чёрный, словно сама ночь, а серый, как мёртвое зимнее небо. Это существо наделено той же свирепостью, что рыскает в сердце калибанца, но у него она открыто проступает на поверхности сияющих голубых глаз и в длинных волчьих клыках, которые их обладатель оскаливает, подняв верхнюю губу.

Льва разом охватывают облегчение, гнев, радость и тревога.

— Русс?

— Здорово, предатель! — рывкает Леман Русс и бросается вперёд, собираясь схватить Повелителя Первого руками за горло.

Эль’Джонсон не тратит времени на слова. Он уже бился с Леманом и знает, что подобные схватки заканчиваются лишь в двух случаях: либо Волчий Король больше не может драться, либо сам решает прекратить. Шагнув в сторону, Лев уворачивается от рванувшего к нему противника, а затем бьёт с размаху. Однажды, на Дулане, его удар лишил Русса сознания, но тогда его брат хохотал. Сейчас Леман не смеётся. Отбив руку калибанца, Волчий Король с искажённым от ярости лицом впечатывает кулак в грудь Льва.

Глупо считать, будто за дикостью Космических Волков ничего не скрывается, однако Повелитель Первого и не думает так. Внутри его брата

бушует строго отмеренный гнев, что жаждет вырваться и опустошить всё вокруг, но обычно Русс жёстко держит его в узде и выпускает лишь с разрешения свыше. Он не безмозглый берсерк, ибо каждое действие Волчьего Короля преследует чёткую цель — максимально эффективное уничтожение врага.

Лев сходится с ним лицом к лицу: яростная сосредоточенность против сосредоточенной ярости. Они наносят удары, уклоняются, пригибаются, их кулаки попадают в цель с грохотом сталкивающегося керамика, а пальцы пробуют вцепиться в противника. Русс хватает Эль'Джонсона за предплечье, но тот сбрасывает его руку, после чего, резко повернувшись вокруг своей оси, перекидывает Волчьего Короля через бедро и швыряет его в одну из колонн.

— Предатель? — требовательным тоном переспрашивает Лев, когда Русс приходит в себя. Он понимает, что брата не удастся утихомирить словами, но обвинение слишком болезненно для него. — Это не так, ты же знаешь!

— Тогда почему ты так взволнован? — произносит Волчий Король с неприятным смехом, однако голос уже принадлежит не Леману, а создание, поднявшееся на ноги, заметно выше фенриси́йца.

Там, где мгновение назад стоял Русс, теперь находится некто в массивном комплекте терминаторских доспехов. Пальцы одной из его рук увенчаны длинными смертоносными клинками.

— Ты мёртв, — говорит калибанец Хорусу. — Я не знаю наверняка, какая судьба постигла Русса, но *ты* мёртв. Это какие-то проделки варпа.

Сердце Эль'Джонсона сжимает тоска, ведь даже с бешеным мстительным Руссом они могли бы вместе построить будущее, в котором им бы удалось решить подобные разногласия.

— Древний терранский мудрец сказал, что человек никогда не умирает по-настоящему, пока его имя произносят другие, — заявляет Луперкаль, помахивая когтем. Его движения и тон точно такие же, какими их помнит Лев. Те же непринуждённые манеры и сила личности, по сути, служащая Хорусу оружием. — Поэтому я буду жить, пока выживает человечество, ибо я — мерило, по которому теперь оценивают всех моих братьев. Ты знаешь это. Ты и сам каждый день сравнивал себя со мной с тех пор, как впервые узнал о том, что я совершил. Тебе больше никогда не стать самим собой, ибо ты будешь сосредоточен лишь на том, чтобы не стать мной.

Лев сжимает кулаки.

— Может, ты и не Хорус, но то, что ты носишь его лицо, не ослабляет моё желание уничтожить тебя.

На сей раз калибанец атакует первым, не уstraшённый тем, что изменнику хватило могущества, чтобы смертельно ранить Императора. Впрочем, того магистра войны подпитывали гнусные дары богов Хаоса, а этот сотворён из воспоминаний Эль'Джонсона о своём брате. Кроме того, какой бы мощью ни обладал всеми любимый Луперкаль, примарх Тёмных Ангелов вспоминает слова, некогда сказанные ему Гиллиманом на Макрагге: Хорус не выносил Льва, поскольку знал, что они равны по силам.

Змеиная Чешуя, доспех Луперкаля, выглядит громоздким, но это впечатление обманчиво — Хорус проворен. Отражая удары Эль'Джонсона, он смеётся так, будто у них дружеское состязание, а затем бьёт наотмашь, и Лев, зашатавшись, врезается в ту самую колонну, в которую ранее швырнул Русса. Луперкаль с рыком бросается вперёд, собираясь пришить калибанца к камню длинными когтями.

Эль'Джонсон уворачивается, и, когда клинки Хоруса погружаются в толщу колонны, вбивает кулак в лицо магистра войны.

Теперь шатается уже Луперкаль. Он закрывает лицо ладонью, как щитом, но, когда рука опускается, вместо Хоруса перед калибанцем стоит создание с более бледной кожей, из черепа которого змеятся кабели, соединяющиеся с бронёй.

— Неплохо предугадал, — говорит Пертурабо, чей голос подобен тяжеловесному молоту. — Жаль, что ты не проявил такой прозорливости на Диамате.

— Мог бы выбрать брата, из-за которого я хоть когда-то переживал, — резко отвечает существу Лев.

Он отталкивается от колонны и замахивается в прыжке, однако Пертурабо ловит Эль'Джонсона в полёте, после чего кидает на землю. К лицу Льва устремляются сведённые вместе кулаки, но тот перекачивается и бьёт обеими ногами так, что правая ступня Железного Владыки отрывается от пола.

Как только Пертурабо падает на спину, его доспех становится белым, а обратно вскакивает уже Каган.

— Будь ты быстрее, смог бы отреагировать на предательство Хоруса вовремя, — заявляет Джагатай-хан.

Правой рукой он проводит обманный выпад, а затем выбрасывает вперёд левую кисть с вытянутыми пальцами и разрывает кожу на лбу Льва. Следом Хан наносит прямой удар ногой, целясь в центр туловища калибанца, но Эль'Джонсон ловит его ступню и швыряет Боевого Ястреба вбок.

— А будь ты умнее, то предвидел бы измену, — провозглашает Магнус Красный.

Даже стоя на одном колене, гигант с багровыми волосами не уступает в росте Льву. Пальцы Магнуса смыкаются на черепе Эль'Джонсона, и, хотя калибанцу, преодолевая жуткую боль, удаётся разжать хватку брата, другой рукой Алый Король бьёт его прямо в лицо. Льва отбрасывает назад.

— Теперь я знаю, что ты фальшивка, — злобно произносит Повелитель Первого. — Магнус никогда не бил так сильно.

Он ныряет вниз, уклоняясь от рук великана, подтягивается на одном из рогов, что украшают доспех Алого Короля, и, оказавшись за спиной Магнуса, бьёт того по темени.

Противник хватает Эль'Джонсона и вновь швыряет на землю.

— Возможно, ты просто стареешь, — скрежещет Мортарион. Он обрушивает ногу на грудь Льва с такой силой, что у калибанца, несмотря на броню, на миг перехватывает дыхание. — Измождённый и *сломленный*!

Эль'Джонсон уворачивается от второго удара Повелителя Смерти, но, пока он кое-как поднимается на ноги, кулак Мортариона задевает его затылок.

От попадания Лев теряет равновесие, но покачивается лишь секунду, после чего хватает горсть земли и бросает её в глаза неприятелю. Ослеплённый Мортарион машет головой и, ожидая новую атаку, вскидывает руку, чтобы защититься. Калибанец хватается брата за поднятое предплечье, подтягивается и бьёт владыку Гвардии Смерти ногой в лицо.

Спрыгнув на пол, Эль'Джонсон понимает, что перед ним уже не грязно-серый доспех Мортариона.

Рогал Дорн поднимает кулаки, закованные в то же полированное золото, из которого всегда состояла броня их отца.

— Император никогда тебе не доверял, — грохочет Преторианец, стремительно выбрасывая вперёд одну руку, потом другую.

Лев вполне мог увернуться оба раза, но уже начинает сказываться то, что братья непрерывно избивают его, поэтому второй удар он пропускает.

— Вот почему Он отправил тебя подальше, в самые тёмные уголки Галактики, а меня держал рядом, — продолжает Дорн, пытаясь схватить калибанца и сдавить ему горло.

Эль'Джонсон ловит одну руку Рогала, а затем, повернув корпус, бросает Преторианца Терры через плечо и впечатывает спиной в пол.

— Думаешь, Он доверял тебе свои секреты? — смеётся Альфарий, не вставая. — Мне ведомы тайны, о которых ты даже не догадываешься,

Первый.

Позади Льва возникают руки, которые обхватывают его за шею и разворачивают на пол-оборота, однако ему удаётся расцепить их, после чего калибанец падает на колени и вновь скидывает противника с себя. Перекатившись, Альфарий вскакивает на ноги, но теперь он не смеётся. Той его версии, что лежала на полу, нигде не видно.

— Тебе никогда не хватало духу для честной драки! — рычит Лев.

Владыка Змей бросается в атаку, но калибанец ловит его за руку, выворачивает её и бьёт Альфария лицом об колонну со следами когтей Хоруса. Эль'Джонсон получает от удара такое удовольствие, что делает это вновь, а затем пробует повторить и в третий раз.

Однако теперь в колонну упирается рука, мощь которой ему не преодолеть.

— *Честной схватки?* — ревёт Ангрон, отбрасывая Льва.

Он обрушивает на Повелителя Первого град яростных ударов, в которых чувствуется вся свирепость Русса, но совершенно отсутствует контроль. Ангрон бьёт Эль'Джонсона в грудь, по рёбрам, потом снова в грудь, задевает плечо, а затем попадает прямо по лицу. Что-то врезается калибанцу в спину, однако он понимает, что всего лишь наткнулся на стену здания. Хотя Лев знает, что сейчас к нему устремится нога брата, он даже не пытается увернуться — с Ангроном это бесполезно. Калибанец просто бросается вниз, обхватывает колено Красного Ангела и с грохотом впечатывает брата головой в стену.

Затем Эль'Джонсон вскакивает и пытается атаковать сам, но на его руке смыкаются металлические пальцы.

— Где была твоя мстительность?! — кричит Феррус Манус, всаживая в живот Льву другой кулак.

— Где была твоя хитрость? — рычит Коракс, и от его удара ногой голова калибанца резко откидывается назад.

— Ты никогда не был достаточно хорош, — ухмыляется Фулгрим, нанося тычок ему в горло.

— А теперь ты принимаешь поклонение себе как богу! — охает Лоргар.

Эль'Джонсон бросается на Несущего Слово, но противник делает ему подсечку ногой в синей броне, и Лев падает ничком.

— Ты смел поучать меня из-за моих ошибок, но, когда появился шанс вернуться на Терру, вместо этого ты решил сжечь несколько планет, — говорит стоящий над ним Робаут Гиллиман.

Подбородок Льва приподнимают пальцы, закованные в красный керамит.

— Может, я бы выжил, если бы ты поступил иначе? — печально спрашивает Сангвиний.

Ангел шагает прочь. Как только он скрывается из виду, кто-то, обладающий невероятной силой, поднимает калибанца над полом.

— Может, я бы погиб? — шипит ему в ухо Вулкан и швыряет в сторону дверного проёма.

Ударившись о перемычку, Эль'Джонсон неуклюже сваливается в темноту. Вращая головой по сторонам и напрягая все свои чувства, Лев с трудом поднимается на ноги. Снаружи виден слабый свет, но он не проникает внутрь здания, как ему следовало бы. Калибанец ничего не видит.

И он знает, что будет дальше.

Сначала Лев ощущает справа от себя чьё-то присутствие, невесомое, словно мысль. Примарх резко поворачивается в ту сторону, но там уже ничего нет. Затем то же присутствие возникает слева от него, лёгкое, будто воспоминание. Оно исчезает точно так же, а потом тьма прямо перед Эль'Джонсоном расходится, открывая его взору бледное лицо с двумя тёмными шарами глаз. Они видят будущее и не ведают пощады.

— Я хоть знал, кто из моего легиона заслуживал смерти, — шепчет Конрад Кёрз, Ночной Призрак.

— Все они! — рычит Лев.

Кёрз улыбается.

— Это я тоже знал.

Он подаётся назад и исчезает. Эль'Джонсон хорошо знаком с охотничьими приёмами своего брата, поэтому поворачивается к дверному проёму, ожидая, что оттуда на него спикирует Ночной Призрак. Однако же Конрад нападает сзади и пробивает когтями сначала доспех, а потом и рёбра Льва.

— Меня называли чудовищем за то, что я терроризировал миры, но ты их просто уничтожал! — шипит Кёрз в ухо брату, объятому мучительной болью. — Благодаря моей репутации планеты сдавались, только узнав о моём приближении, а ты без предупреждения обрушивался с небес и испепелял саму землю! — Он смещает пальцы, и по телу калибанца прокатывается новая волна страданий. — Так скажи же, *брат*, почему ты герой, а я злодей? Лишь потому, что я оставлял в живых горстку ничтожеств, которые потом рассказывали обо мне?

Схватив Конрада за руки, Лев вытаскивает когти из своего тела и отшатырывается прочь. Когда он оборачивается, Ночного Призрака уже нет на прежнем месте.

— Я не герой, — произносит Эль'Джонсон сквозь стиснутые зубы. — Я делал то, чего требовал от меня Повелитель Человечества, ибо верил, что ему лучше знать. Я был необходимой частью Его плана по объединению и спасению людей.

— *Как благородно...* — шепчет Кёрз из тьмы.

— А вот ты — злодей, — продолжает калибанец, сжимая и разжимая кулаки, — потому что *наслаждался* своими поступками и продолжал совершать их даже после того, как тебе велели *перестать!*

— Возможно, наш Отец сделал свою работу даже слишком хорошо, — шипит Ночной Призрак и выскакивает в поле зрения Льва, целясь когтями ему в глаза.

Эль'Джонсон перекачивается в сторону и упирается в дальнюю стену.

— Тебе остаётся лишь винить Императора, ведь сам ты не желаешь брать на себя ответственность за свои действия, — говорит Лев, ожидая следующей атаки Конрада, которая неизбежно случится. — Ты любил говорить, что способен видеть будущее, но попал к нему в рабство, вместо того чтобы проложить собственный путь. — Калибанец осторожно поднимается. — Отец ещё не проиграл. Пока я жив и защищаю эту Галактику, Он не проиграет.

— Ты не знаешь, о чём говоришь, — рычит Кёрз.

Конрад подобрался неприятно близко, но не настолько, чтобы Эль'Джонсон понял, где находится враг.

— Возможно, — отвечает Лев. — Но ты давно мёртв, а я препираюсь с призраками.

Свет, который примарх видел снаружи, вновь вспыхивает на стене за его спиной. Обернувшись, Эль'Джонсон видит, что сияние исходит от висящего там каплевидного щита. Он богато украшен, а на его поверхности красуется рельефный орёл, увенчанный лаврами.

Лев протягивает руку. Когда пальцы примарха касаются щита...

огонь

ярость

он стоит на поле боя со щитом на руке под тёмными небесами но он видит все звёзды и знает их названия и чувствует всё вокруг себя всех страдающих и кровоточащих и умирающих людей и всех этих мерзостных ксеносов и всех мелких существ которые прогрызаются сквозь почву и

деревья и траву и ветер он чувствует всё это и оно всё связано единой сетью силы она не подавляет его просто именно так он и живёт мгновение за мгновением за мгновением

Эль'Джонсон пошатывается. Щит уже у него на руке. Ему знакомо то, что касается его разума, ибо калибанец уже ощущал это прежде.

— Отец?

— Он мёртв, глупец, — шипит Конрад Кёрз, и тени вновь расходятся, чтобы извергнуть из себя поджарое создание, стремящееся пронзить Льва когтями.

Повелитель Первого поднимает щит Императора, и клинки Ночного Призрака бессильно ударяются об него. Кёрз — или же существо, носящее его лицо, сущность, которую отец Эль'Джонсона поставил охранять это место, дабы отваживать недостойных, — визжит и отскакивает назад, но недостаточно далеко. Примарх чувствует, что сквозь щит струится энергия. В ней ощущаются отголоски Эгиды Императора, что защищала Его Дворец, отвращая силы варпа. Бросившись вперёд, Лев валит Ночного Призрака с ног ударом щита и сверху прижимает им врага.

Варп-создание сминается и будто выкипает изнутри: так уничтожается сама его суть. Калибанец смотрит, как она, визжа, иссыхает и отправляется в небытие. Потом он поднимается на ноги. Конрад мёртв, причём уже очень давно, и Лев Эль'Джонсон не испытывает никакого удовлетворения, наблюдая за тем, как гибнет подобие Кёрза, ведь он сам так и не смог прикончить настоящего Ночного Призрака. С прошлым покончено, его можно похоронить и предать забвению.

Во тьме и мраке этого далёкого будущего есть только война.

ЭПИЛОГ

Лев ждал вестей о том, что Империиум всё ещё существует в том или ином виде. Он отправлял экспедиционные корабли и велел астропатам непрерывно выкрикивать в пустоту безмолвные сообщения, но обитатели каждой новой системы, которую обнаруживали его силы, говорили одно и то же: мы были сами по себе, отрезанные ото всех, и мы ничего не знаем о событиях в остальной Галактике.

Эль'Джонсон отчаянно надеется на то, что Империиум жив, что он сам просто появился в той части государства, где особенно много варпштормов и изолированных планет. Конечно же, если верить толкам, которые распространяются в мирах под его защитой, именно *поэтому* примарх и оказался здесь, чтобы стать чемпионом и защитником людей в час величайшей нужды. Лев не высказывается по поводу таких домыслов, ибо сам не вполне понимает, что изначально привело его на Камарт и почему сознание вернулось к нему именно тогда.

Впрочем, отчасти он также обеспокоен. Все эти люди пребывали в отчаянии, нуждались в спасителе и с радостью выбрали Эль'Джонсона на такую роль, но что произойдёт, когда примарху встретится укреплённый район имперского космоса, осаждённый, но продолжающий сопротивляться, который сохраняет связь с другими областями и крепко держится за свои старые системы? Примет ли его население там? Или же местные правители заклеят Льва самозванцем и объявят ему войну, движимые либо искренними сомнениями, либо обычным страхом потерять власть, либо тем и другим вместе? Станут ли они сражаться с его протекторатом? Лев создал свою империю не потому, что стремился заменить ею Империиум, но он боится, что именно такой вывод сделают недоверчивые люди со стороны.

Когда вести об Империиуме наконец достигают примарха, это происходит неожиданным для него образом.

— Переход! — кричит ауспик-офицер *«Лунного рыцаря»*. В тот момент Лев изучает информацию о повреждениях флота, который он вёл в бой против орочьих пиратов, скрывавшихся в астероидных полях рядом с миром Денерейр. — Множественные варп-следы!

— Ксеносы? — спрашивает примарх.

Оторвавшись от экранов с данными, он включает тактический гололит, а экипаж мостика между тем снова готовится к битве.

— Никак нет, — спустя мгновение говорит ауспик-офицер. — Вывожу для вас изображение, повелитель.

Возникает зернистая картинка, и Эль'Джонсон хмуро смотрит на неё. Силуэты различить сложно, но флот небольшой: плотный строй из нескольких лёгких крейсеров с капитальным кораблём в центре. Тем не менее они не похожи ни на один из имперских военных звездолётов, виденных Львом после пробуждения. Это что-то новое, но одновременно с тем и знакомое.

— Боевая баржа, — произносит Эль'Джонсон, после чего поднимает голос. — Идент-код есть?

— Он гласит, что это *«Ярость Баала»*, мой повелитель! — докладывает ауспик-офицер.

— Кровавые Ангелы, — выдыхает Лев.

Сыны его самого любимого брата. Радостная картина... которая, однако же, может обернуться катастрофой, если они не поверят в его историю.

— Они вызывают нас, мой повелитель, — говорит вокс-офицер. — Их командир желает поговорить с вами и называет вас по имени.

На мостике воцаряется тишина. Все понимают, сколь значимым может стать этот момент.

— Мы примем их, — немедленно отвечает Эль'Джонсон. — Всем кораблям отключить орудийные системы. Я не хочу, чтобы кто-то там подумал, будто мы не рады видеть их.

Он разворачивается и покидает мостик. Теперь примарху остаётся лишь надеяться, что сыновья его брата не дадут ему повода жалеть об отданных приказах.

Лев ждёт на палубе ангара, а слева от него стоит Забриил.

Остальные сыны примарха сейчас командуют другими группировками и флотами, используя свои мастерство и опыт на благо протектората, однако Повелитель Первого наказал им не забираться слишком далеко. Каждый из так называемых Падших горит желанием доказать свою ценность, но Лев убедил их проявлять осторожность. Чтобы выжить, всем им нужно

держаться рядом: так они сумеют прийти на помощь союзникам, если понадобится. Дни, когда крестоносные флотилии Тёмных Ангелов отправлялись в неизвестность, давно прошли.

Кровавые Ангелы прибывают на трёх ДШК «Громовой ястреб», которые проплывают через ионное поле, не дающее атмосфере в ангаре улетучиться в пустоту.

Они касаются палубы одновременно и с таким изяществом, словно это парадный плац времён Великого крестового похода. Такая картина ненадолго возвращает Льва в прошлое, когда парные ножи вероломства и предательства ещё не вонзились в сердце Империи.

Носовые ramпы «Громовых ястребов» опускаются, и по ним строевым шагом сходят воины в кроваво-красных доспехах. При виде сыновей Сангвиния на Эль'Джонсона накатывает приступ скорби. Одно дело — знать, что твоих верных братьев больше нет, и совсем другое — видеть подобное напоминание о них. Неожиданно для себя Повелитель Первого чувствует вину.

«Почему выжил лишь я? Почему из всех нас такой удел достался мне?»

Впрочем, в то же время он тщательно обдумывает и анализирует происходящее. Шестьдесят космодесантников — могучая сила, особенно если они вооружены, оснащены и организованы в отделения так, что в этих аспектах сынам Льва сейчас не сравниться с ними. О, чего бы он добился с шестью десятками таких воинов под своим началом! Но они, конечно же, служат не ему. Кровавые Ангелы прибыли сюда только с тем, чтобы почтить его. Сыны Сангвиния покинули поля своих, несомненно, очень важных, битв лишь из-за статуса Льва.

А если их командир посчитает примарха обманщиком, тогда эти воины попытаются убить его. Эль'Джонсон не питает иллюзий, будто их что-то удержит.

Из стоящего посередине «Громового ястреба» спускаются ещё десять астартес, между которыми идёт космодесантник в богато украшенном золотом доспехе. Из-за спины у него выступает прыжковый ранец, а лицо закрывает маска.

Обратив на неё взгляд, Лев преисполняется гнева.

— Кто ты? — требовательно спрашивает примарх, шагая вперёд. Собравшиеся на палубе Кровавые Ангелы, которые до этого держали оружие как на параде, разом берут его на изготовку, но пока не целятся в Эль'Джонсона. Впрочем, Льву всё равно. — Кто ты такой, — повторяет он ещё громче и злее, — чтобы носить лицо моего брата?

Примарх смотрит на отлитые в золоте черты Сангвиния, выражающие как ярость, так и скорбь. Эти же эмоции вспыхивают и внутри калибанца, вновь терзая ему сердце.

— Отставить, братья, — приказывает воин в маске, после чего Кровавые Ангелы опускают оружие.

Затем командир в золотой броне поднимает руки и снимает шлем, открывая взору примарха своё лицо.

В нём Лев видит отдалённую схожесть с обликом Ангела, хотя за столь долгий срок черты Сангвиния весьма сильно размылись в его потомках. По плечам космодесантника рассыпаются длинные волосы, чёрные как вороново крыло, но подёрнутые серебряными прядями, а под его бледной кожей, туго натянутой из-за высоких скул, едва заметны голубые жилки. Какую бы силу и властность ни излучал баалит, примарх понимает, что он очень стар.

— Я — Данте, командир Кровавых Ангелов, — произносит воин в золотых латах. — Я приветствую вас, Лев Эль'Джонсон, владыка Тёмных Ангелов и сын Императора.

Кровавые Ангелы опускаются на одно колено так же плавно, как приземлились их десантно-штурмовые корабли. Лев хмурится, внезапно ощутив себя так, словно его застали врасплох.

— Так ты уверен, что я тот, кем именую себя?

— Прошу простить меня, повелитель, но вы... старше, чем я ожидал, — произносит Данте, не поднимаясь с колена. — Однако то, как быстро и непринуждённо вы узнали лицо нашего генного отца, говорит о многом. Кроме того, я уже больше тысячи лет служу Императору, однако за это время ни разу не встречал никого, кто держал бы себя как примарх, за исключением другого примарха.

Эль'Джонсон моргает. «Больше тысячи лет?» Значит, Данте — воистину древний воин! И.

У Льва пересыхает во рту.

— Постой, — говорит он. — *Другого* примарха? Поднимитесь, все вы, — добавляет Эль'Джонсон. — Просто скажи мне... Один из моих братьев до сих пор жив?

— Приношу извинения, мой владыка Лев, — начинает Данте, выпрямляясь, как и все его воины. — Я думал, вы получили вести об этом ещё до нашего прибытия. Владыка Гиллиман Ультрамарский возродился и исцелился, выйдя из стазиса, в коем пребывал тысячи лет. Он организовал Неодолимый крестовый поход, чтобы отбить Империум у врагов, пробился через Великий Разлом и пришёл на помощь моему капитулу и нашим

кровным братьям, приведя с собой подкрепления в виде астартес-примарис — новой породы воинов, создававшейся на протяжении ста веков.

В голове примарха вихрем несутся мысли. Империиум до сих пор существует. Льва не объявили самозванцем, ему не пришлось вступать в отвратительную гражданскую войну против сыновей его брата. В Галактике есть и другие бастионы человечества, с которыми он может наладить связь и вместе отбросить тьму.

Впрочем, одна из мыслей затмевает все иные.

«Робаут».

«Я не одинок».

ПОСЛЕСЛОВИЕ АВТОРА

Я познакомился с Warhammer 40,000 в 1993-м, когда получил на Рождество коробочный набор второй редакции. Помимо хрестоматийных Гоффов с болт-пистолетом и топором, а также крышесносных гретчинов в шапках с пиками, там лежал легендарный «Кодекс Империалис»^[8] — насколько я понимаю, самый первый источник сведений об истории вселенной 40k (да, «Вольный торговец»^[9] вышел раньше, но это немного другое). Та книга до сих пор у меня, и я прямо сейчас поглядываю на неё. Помимо всего прочего, в ней можно найти список примархов и их капитулов (концепция легионов появилась позже). Некоторые детали изменились, однако главные идеи остались теми же: восемнадцать капитулов, восемнадцать примархов, информация о ещё двух удалена. Вверху той страницы упомянут Лев Эль'Джонсон, а в небольшой врезке на следующей приведён текст, посвящённый слухам о том, что Тёмные Ангелы чуть не предали Императора.

В подростковые годы примархи оставались для меня мифическими фигурами, известными лишь по нескольким разрозненным цитатам, а ещё по древней миниатюре Лемана Русса, которую уже нигде не достать, и крошечным моделям Ангрона, Мортариона, Магнуса и Фулгрима для Епис. Они принадлежали к *предыстории* вселенной, поэтому, даже когда выходили новые кодексы с новыми классными моделями, правилами и персонажами, а настолку расширяли, добавляя новые фракции, никто не ожидал появления кого-нибудь из примархов. Я привык, что Warhammer 40,000 не меняется: идут последние годы 41-го тысячелетия, всё горит и пылает, а Империиум находится в таком же стазисе, как и Гиллиман согласно кодексу Ультрадесантников.

Но потом, конечно же, случилась «Ересь Хоруса». В романах этой серии примархи предстали перед нами уже не как образы из далёкого прошлого, а как реальные персонажи со своими недостатками (и нешуточными). Мы

видели их, слышали, и, в случае Лоргара, люто ненавидели. Кроме того, в игре появились настоящие модели с настоящими правилами, а значит, и возможность сыграть сынами Императора на столе! Когда-то это показалось бы немыслимым, но всё логично: ведь, в конце концов, Ересь Хоруса — это эпоха примархов, когда они занимались тем, что умели. Затем в 40k ввели Магнуса, что ощущалось как небольшой сдвиг. Да, все знали, что демонические примархи есть где-то там, но никто из них не показывался с давно ушедших времён Еріс. Многие хотели увидеть возвращение примархов, но, полагаю, мало кто действительно его ждал. Однако теперь один из главных игроков в буквальном смысле вступил в игру.

А потом вернулся Гиллиман, и всё изменилось.

Это событие, случившееся как раз перед тем, как я начал писать для Black Library, ошеломило меня. Я ведь никогда не рассчитывал, что увижу лояльного примарха в 40k. Больше двадцати лет я играл в настолку и читал литературу, но лишь тогда Империиум наконец изменился по-настоящему. Вдруг возникло чувство, что теперь возможно всё.

Если подытожить всё написанное выше, то я хочу сказать, что работать над книгой о каком-нибудь примархе, где действие развивается во времена Великого крестового похода (или около того) невероятно круто, однако там крутость укладывается в уже существующие рамки. Совсем другое дело — узнать, что возвращается второй примарх-лоялист, и Black Library, скорее всего, поручит написать первый роман о нём именно тебе. У меня в памяти ожили дни моего знакомства с хобби, когда я снова и снова читал «Кодекс Импералис» от корки до корки, погружаясь в мрачную историю мира и непонятную чертовщину, творившуюся на иллюстрациях Джона Бланша. Я получил шанс поучаствовать в ещё одном масштабном сдвиге во вселенной, и разве может автор сопутствующей литературы просить о чём-то большем?

Тем не менее, с великой силой приходит великая ответственность, а с крупными персонажами приходят крупные ограничения. Мне сразу объяснили, что нужно написать про определённый период в жизни Льва: подробнее рассказать о том, что произошло между разными бэковыми книгами. По сути, история того, как Эль'Джонсон вернулся в Warhammer 40,000, начиналась не с меня, и не я описывал его первые важные действия в этой эпохе. Нет, я соединял кое-какие фрагменты и объяснял, как Лев попал оттуда сюда. Надеюсь, в итоге роман удовлетворит читателей даже как отдельное произведение. Если сравнивать с моими предыдущими книгами, то мне дали задание иного рода, ведь там я, если и не имел полной свободы, мог хотя бы сам предложить начало и конец (а дальше

мою идею либо приняли бы, либо нет). Здесь же граничные точки уже определили, и мне предстояло возиться с тем, что между ними.

Начнём с главного героя. На первый взгляд Лев Эль'Джонсон кажется не очень приятным парнем. В эпоху Крестового похода и Ереси он отчасти ведёт себя лицемерно, когда дело касается тайн и сомнительных методов. (Например, создать новый Империум на тот случай, если старый уже сгорел, — это Очень Плохо, а применять артефакт Хаоса, чтобы перемещать корабли по своему желанию, — Нормально.) Лев считает себя особенным, так как Папа доверил кучу шикарных игрушек. Если бы какой-нибудь примарх имел право показывать всем листок бумаги со словами «Мне можно делать всё, что хочется», то именно Эль'Джонсон. (В данном случае он отличается от Кёрза тем, что Конрад написал бы то же самое на вашей печени.)

В 41-м тысячелетии всё иначе. Папы уже нет рядом. Может, его вообще больше нет, а если Он и жив, то руководит не напрямую. Лев пробуждается в Империуме-Нигилус, не имея ни малейшего понятия, что происходит в Галактике. Робаут находится в Санктусе, информирован он гораздо лучше, а после того, как Гиллиман столкнул головами нескольких Верховных лордов, ему разрешили поиграть с большей частью мощи Империума. Эль'Джонсону же досталась та половина Галактики, которая горит даже сильнее обычного, к тому же он не знает, где (или когда) находится. Кроме того, примарх заметно постарел, и у него почти нет друзей. Всё то, что делало Льва «особенным» на фоне его братьев: легион, вооружение Тёмных Ангелов, их флот, тайное призвание и даже номер Эль'Джонсона — исчезло. Чего же тогда ждать?

На мой взгляд, это означает, что Льву придётся выяснить, кто он по своей сути и сам по себе, а не определять себя через задачу, которую поставил ему Император. Эль'Джонсон хочет, чтобы Империум уцелел, ведь тот создан по плану его Отца. Примарх до сих пор верит в замысел Повелителя Человечества, но он не собирается создавать новый Империум (я, как и все мы, обожал посмеиваться над игроками за Тёмных Ангелов в том плане, что они предатели, но, боюсь, те времена прошли, так как Лев действительно верен). Он не творец империй, а воин и убийца. Именно поэтому Эль'Джонсон оказался в Нигилусе. Гиллиман — это ярко сияющий лик Империума, который несёт свет осаждённым мирам, дабы изгнать тьму и обитающих в ней чудовищ. Лев же сам таится во тьме, где засаживает клинок чудовищам под рёбра. Такой примарх и нужен Нигилусу.

Откровенно говоря, отчасти причина здесь и в осознанном решении с моей стороны. Империум — кошмарное место, и мне претила мысль о

герое, который поддерживал бы всё то, что олицетворяет собой это государство (особенно его современная версия до воскрешения Гиллимана, хотя и сам Император не планировал счастливый пикничок). Кроме того, я полагал, что перемены, произошедшие за то время, пока Лев спал, должны ужаснуть его не меньше, чем брата. Если говорить о моём авторском взгляде и брать в расчёт все предыдущие материалы, самым логичным вариантом мне виделся тот, где Эль’Джонсон охотится на врагов человечества и оставляет политику кому-то другому.

Кроме того, в указаниях по книге упоминалось, что Лев — фигура из артурианских легенд. Под Артуром, естественно, имеется в виду Истинный король Англии, который якобы пробудится от долгого сна на Авалоне и вернётся, когда будет нужен своей стране. Я решил поиграть с данным мотивом, поэтому внимательные читатели заметят влияние мифа: имена, меч в камне, Зелёный Рыцарь... Король-рыбак.

Идея вывести Императора в таком образе неожиданно возникла у меня однажды утром. Смотрите, раненый монарх заперт в своём замке и ждет того, кто сумеет его исцелить. Такие сходные черты нельзя игнорировать в книге, куда уже задумано ввести отсылки к артуриане, поэтому я включил в роман фантасмагоричные сцены, вдохновлённые разговорами между Малкадором, Императором и Хорусом в «Осаде Терры». Конечно же, в моей истории излечить Короля-рыбака нельзя, и я задавался вопросом, не будет ли сюжетная линия выглядеть из-за этого незавершённой. Однако тут надо сказать спасибо Джанет Ын: она подсказала мне, что в мифе также встречается несовершенный рыцарь, который находит замок с Граалем, но не исцеляет Короля-рыбака. Вот так мы получаем Льва, Несовершенного Рыцаря. Он могуч, но не идеален.

И кто знает, может, когда-нибудь в будущем Императора действительно вылечат. Ну или он наконец умрёт. Ведь теперь канон вселенной не стоит на месте, и возможно всё.

Так или иначе, указания касались не только Льва. К концу романа примарху следовало собрать группу Падших. Чтобы влезть в шкуру доересевых Тёмных Ангелов, я погрузился в материалы по Ереси Хоруса, а именно в девятую книгу правил от Forge World, «Крестовый поход» (ещё я должен выразить благодарность Дэвиду Гаймеру за его отличный роман «Повелитель Первого», который стал надёжным фундаментом для моей работы).

Я сразу решил, что сначала Лев повстречает одинокого Падшего — рождённого на Терре ветерана, который служил в легионе ещё до воссоединения с примархом и был изгнан на Калибан. С той планетой его ничего не связывало, да и сама она не особо нравилась воину. Мотив

конфликта между терранами и космодесантниками из родных миров примархов часто встречается в Ереси (по очевидным причинам), и я решил, что вполне резонно вернуться к нему. Так появился Забриил — бывший разрушитель, который давал отпор худшим кошмарам Галактики и возмущался, что его отправили сидеть где-то в захолустье, а не заниматься тем, ради чего его создали.

Однако я быстро понял, что нынешнее состояние Падших — едва ли не более интересная тема, чем само их предательство, независимо от того, вызвано оно гневом, злобой или неведением. Они разбросаны по космосу, растеряны, а в некоторых случаях изумлены тем, что окружает их сейчас. Меня привлекла идея того, что они соединены в непрочную сеть, живут в зыбких союзах, основанных не на старых званиях, структурах или даже общих ценностях, а на одном простом факте — никто, кроме них, не знает, каково приходится Падшему. Возможно, вам не нравится космодесантник, которого вы отыскивали. Может, вы даже не знаете его имени. Важно то, что в его присутствии вам не нужно притворяться кем-то другим, и вы на время получаете передышку. Хотя, если верить слухам, где-то собирается целый легион таких воинов под командованием Лютера, также немало тех, у кого нет или почти нет постоянного контакта с другими Падшими. Чтобы указывать дорогу собратьям и обозначать условно безопасные места, они полагаются на тайные знаки.

Итак, что же стало главной движущей силой сюжета в «Сыне Леса»? Лев должен понять, кто он, — помимо того, что он сын своего отца, — и в процессе Эль’Джонсон вновь собирает старую банду, прямо как в кино. Пусть примарх и не уверен, может ли доверять сыновьям, в этом странном будущем они хотя бы знакомы ему.

А чем ещё занимаются Падшие? Нам известна концепция тех из них, кто связан с Хаосом, — или, во всяком случае, тех, кому точно нельзя доверять, — но я решил взять космодесантников, которые просто пытались выжить, — старых воинов, ставших целью охоты. (Стоит признать, что кое-кто из их соратников совершал гнусные поступки.) Они стараются не высовываться, но иногда их тянет вмешаться и помочь людям, хотя тогда Падшие рискуют привлечь к себе внимание.

А ещё роману нужен антагонист. Поскольку Лев до сих пор ломает голову над тем, кто он, что делал раньше и чем должен заняться теперь, логично выбрать на эту роль кого-то из Падших. Мы не трогали Лютера — если матч-реванш и состоится, то, как мне кажется, до него ещё довольно долго, и, скорее всего, пройдёт он уже после того, как мы *точно* узнаем, что случилось в их первой схватке, — поэтому я выбрал Серафакса, изначально придуманного для одного мероприятия Warhammer World.

Подкрепил я его Баэлором Самозванцем, упоминавшимся в кодексе Тёмных Ангелов шестой редакции. Так как, судя по всему, ничем конкретным они не занимались, я подумал, что стоит дать им шанс блеснуть.

Что самое главное, я хотел вывести Серафакса по-настоящему падшим, но таким, что цепляется за остатки своей прежней личности. Серафакс действительно верит, будто его замысел — единственный способ победить Хаос и спасти человечество (будем справедливы, не ему первому так думается), чем он и оправдывает все свои поступки. Так ли сильно Серафакс отличается от Имперiums в этом плане? Ведь если бы он преуспел, и после убийства смертной оболочки Императора тот переродился бы в виде истинного бога и очистил звёзды от Хаоса.... разве посчитал бы кто-то, что все уничтоженные Серафаксом миры и забранные им жизни не стоили того? Сомневаюсь.

Вероятно, здесь мы можем извлечь и другой урок, теперь из судьбы Баэлора. Людей тянет к харизматичным лидерам с неким чётким планом, особенно если опыт говорит им, что они должны подчиняться таким личностям. Баэлору стоило бы действовать осмотрительнее — надо отдать ему должное, иногда он так и поступает, — но воин затерян во враждебной Галактике и, как он сам говорит Льву, больше ничего не имеет смысла. Если поразмыслить над замыслом Серафакса, тот покажется чудовищным, однако это всё-таки план. Кроме того, раньше Серафакс был капитаном, так что Баэлор цепляется за всё это, в первую очередь потому как отчаянно нуждается в жизненной цели. Как часто бывает в подобных ситуациях, сильнее всего он отстаивает праведность своего дела, когда в оной сомневается кто-то посторонний, в данном случае Забриил. Баэлору следовало доверять собственным выводам, однако нестандартно мыслящие люди редко становятся хорошими солдатами (возможно, хорошими командирами, но не бойцами, а любой империи нужно гораздо больше рядовых, чем офицеров, поэтому незаурядный склад ума не особенно распространён среди космодесантников).

Когда тебя пускают играть в чужую песочницу, взамен ты должен выполнять условия её хозяев. Понятное дело, когда я описывал Льва, мне приходилось соблюдать гораздо больше правил, чем при работе над моими творениями вроде Четты или Уфтахка. Впрочем, эти новые трудности стали полезны мне как автору: я научился увязывать свои (порой довольно странные) творческие позывы с нуждами произведения по вселенной. Я бы хотел выразить благодарность моим редакторам Джейкобу и Кейт за то, что помогли облегчить данный процесс. Мне выпало исключительное право —

проложить для Льва путь в новом тысячелетии, и я надеюсь, что, читая роман, вы получите даже большее удовольствие, чем я — пока писал его.

За Льва!

Майк Брукс
Июнь 2022

ОБ АВТОРЕ

Майк Брукс — писатель-фантаст из города Ноттингем в Великобритании. В список его работ для Black Library входят книга «Альфарий. Голова Гидры» из серии «Ересь Хоруса. Примархи», романы по Warhammer 40,000 «Ваивода» (Warboss) и «Зверская хитрость», два произведения по «Некромунде» — роман «Дорога к искуплению» (Road to Redemption) и повесть «Разыскивается мёртвой» (Wanted: Dead), — а также «рождественская» повесть «Месть Гоббо».

Читайте далее историю кампании «Ковчеги-знамения»

Пока Лев создавал свой протекторат в Империуме-Нигилус, по всей Галактике вершились поистине чудовищные события колоссальных масштабов, за которыми стояли Абаддон Разоритель и его новый союзник, демонический полубог Вашторп — хозяин Кузниц Душ.

О том, что произойдёт с Эль'Джонсоном и его Воспрявшими рыцарями дальше, что принесёт им первая встреча с современными Тёмными Ангелами и какое место они займут в новой Галактике, истерзанной немыслимыми войнами, вы сможете узнать из книги «Лев», вышедшей в рамках многосерийной кампании «Ковчеги-знамения».

Спрашивайте в группе [«Дети 41-го тысячелетия»](#)

Примечания:

1. В легендах о рыцарях Круглого стола роль хранителя Святого Грааля исполняет персонаж, называемый Королём-Рыбаком, который вечно страдает от ран. — *Здесь и далее примеч. переводчика*

2. *Искаж.* Стокгольм.

3. Данные события описаны в книге «Крестовый поход», IX томе серии «Ересь Хоруса» от Forge World (далее — EX-IX).

4. EX-IX.

5. EX-IX.

6. EX-IX.

7. *Плазмометатель* — уникальное оружие киновитов Первого легиона, которое крепится на предплечье и выпускает волны плазменного огня.

8. *Codex Imperialis* (англ.) — название сопроводительного журнала с историей вселенной, который прилагался к стартовому набору вместе с книгой правил 2-й редакции настольной игры Warhammer 40,000. — *Примеч. технич. ред.*

9. *Rogue Trader* (англ.) — название книги правил первой редакции настольной игры Warhammer 40,000.